

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

СЛАВЯНСКАЯ И БАЛТИЙСКАЯ АКЦЕНТОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

41

СЛАВЯНСКАЯ И БАЛТИЙСКАЯ АКЦЕНТОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1964

Редакционная коллегия:

В. Д. КОРОЛЮК (отв. ред.), М. А. БИРМАН (отв. секр.),
Г. К. ВЕНЕДИКТОВ, А. И. ВИНОГРАДОВА, В. И. ЗЛЫДНЕВ,
В. М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ, А. Х. КЛЕВАНСКИЙ,
И. И. КОСТЮШКО, А. П. СОЛОВЬЕВА

В. Гринавецкис

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УДАРЕНИЯ И ИНТОНАЦИЙ ЖЕМАЙТСКИХ ГОВОРОВ ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА (В СРАВНЕНИИ С ЛАТЫШСКИМ)

I. УДАРЕНИЕ

Оттяжка ударения с конца слова на его начало охватывает всю северную и северо-западную территорию литовского языка. Самая сильная концентрация ударения в начале слова имеется в северных и северо-западных литовских говорах, примыкающих к латвийской территории¹. Дальше к югу и юго-востоку от указанных районов сфера действия ретракции постепенно уменьшается².

Одним из важнейших факторов, обусловивших исчезновение накопленного ударения в северо-западных литовских говорах является редукция древних нисходящих (акутовых) окончаний, например: *sausà* > *sausà* > *sāus*³ (в жемайтских говорах) > *saūs* (бассейн реки Муши). Поэтому понятно, что процесс исчезновения ударения в конце слова начался в кратких (и по происхождению акутовых) окончаниях. Прежде всего оттяжка ударения началась на северо-западе жемайтских говоров. На это указывает тот факт, что у приморских жемайтов (Скуодас, Клайпеда) ретракционное ударение сохранило древнюю акутовую интонацию, например: *báltà* < **báltà* 'белая', *vėnà* < **vėinà* 'одна'. Это значит, что в говорах приморских жемайтов ударение было перенесено на начало слова в то время, когда в предударных долгих слогах еще различались акутовая и циркумфлексная интонации. В остальных жемайтских говорах ударение было перенесено на начало слова уже после обобщения циркумфлексной интонации на предударных долгих слогах, поэтому долгие слоги с оттянутым ударением в более южных и восточных жемайтских говорах произносятся с восходящей (циркумфлексной) интонацией, например: *báltà* < **báltà* 'белая', *vīnà* < **vėinà* 'одна' (Лаукува, Шилале, Варняй).

В аукштайтских говорах оттяжка ударения началась в бассейне реки Муши.

Если оттяжка ударения зависит от редукции акутовых окончаний, то распространение оттяжки ударения в аукштайтских говорах отражает степень сокращения древних акутовых гласных. Древний акутовый *-ā* в северных аукштайтских говорах (бассейн реки Муши: Линкува, Пушалотас, Ионишкелис, Шедува, Пасвалис) в конце слова исчез: *balt*, литер. яз. *báltà* < **báltà* 'белая', *saūs*: литер. яз. *sausà* <

¹ См: V. Grinaveckis. Kirčio atitraukimas ir nukėlimas lietuvių kalbos tarmėse. «Lietuvių kalbotyros klausimai» (далее LKK), IV. Vilnius, 1961, стр. 123—125.

² Ср. приложенную к данной статье карту.

sausā 'сухая', *šāk*, литер. яз. *šakā* < **šakā* 'ветвь'. Далее к югу, например в районе Рамигала, вместо *-a* произносится редуцированный гласный *u*: *sauvu*, литер. яз. *saušā* < **saušā* 'сухая', а к югу от Рамигалы — уже краткий *-a* < -ā: *saiša* 'сухая'. Такая же постепенность существует и в редукции других конечных древних акутовых гласных к югу, востоку и западу от бассейна реки Муши. Аналогичная постепенность наблюдается и в распространении оттяжки ударения: если в бассейне реки Муши ударение оттянуто с кратких и циркумфлексных конечных слогов (*māž*, литер. яз. *mažā* 'маленький', *laiķe*, литер. яз. *laukaī* 'поля'), то далее к востоку от Муши, например около г. Биржай, ударение оттянуто только с кратких (исконных кратких и сохранившихся акутовых) окончаний (*sūns*, литер. яз. *sūnūs* 'сын', *galv*: литер. яз. *galvā* < **galvā* 'голова'), но с циркумфлексного окончания не оттягивается (*lauķē*, литер. яз. *laukaī* 'поля'), восточнее (около г. Рокишкис) ударение оттягивается с краткого или сокращенного акутового окончания только в том случае, если предпоследний слог является долгим (*jaīna*, литер. яз. *jaunā* < **jaunā* 'молодая', но *ašis* 'ось'), еще дальше на восток, около Камай (Рокишкисского р-на), действует такое же правило оттяжки ударения, но в конце слова еще сохраняются следы древнего ударения, например: *jaūnā*, *tvaŋkā*, литер. яз. *jaunā* 'молодая', *tvarkā* 'порядок'.

Из говоров приморских жемайтов и бассейна реки Муши оттяжка ударения распространилась на остальную современную территорию распространения ретракции ударения. Таким образом: в начале оттяжка ударения имела два центра (северо-запад жемайтских говоров и бассейн реки Муши), которые, по-видимому, не соприкасались и только в результате более позднего распространения территории жемайтской и аукштайтской оттяжки ударения соединились.

Оттяжка ударения могла появиться лишь после сокращения древних акутовых окончаний, т. е. после XIII в.³ В латышском языке окончания сократились раньше, чем в литовском. По мнению Я. Эндзелина, в латышском языке ударение прежде всего было оттянуто с конца на начало в тех словах, у которых окончания были краткими⁴. Можно думать, что и латышский язык некогда имел только оттяжку ударения с конечных кратких слогов и лишь в дальнейшем (путем постепенного обобщения по аналогии, как и в говорах литовского языка) в латышском языке сформировалась современная система ударения, характеризующаяся постоянным ударением на первом слоге. Если процесс оттяжки ударения на первый слог был идентичным в латышском языке и в говорах литовского языка, то причиной оттяжки в обоих случаях могла являться редукция окончаний. Так как долгие окончания в латышском языке сократились раньше, чем в литовском — до X—XI вв.⁵, то и оттяжка ударения должна была быть более ранней, чем в литовских говорах. Поскольку ни одно языковое явление не возникает сразу на всей территории языка, а распространяется из одного или нескольких центров, волна оттяжки ударения как результат редукции окончаний, несомненно, пришла на северо-запад и север литовских говоров из Латвии, а позднее захватила более обширную территорию. Вышеуказанные древние центры возникновения оттяжки ударения на территории литовского языка, по-видимому, имели более тесные контакты с древнелатышскими говорами.

³ K. Būga. Rinktiniai raštai, III. Vilnius, 1961, стр. 46.

⁴ J. Endzelīns. Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951, стр. 32—33, 41.

⁵ K. Būga. Rinktiniai raštai, III, стр. 46.

В латышском языке оттяжка ударения с конца на начало слова, по всей вероятности, впервые началась также на северо-западе. В настоящее время на всей территории Латвии ударение закреплено на первом слоге, поэтому нельзя судить о древности оттяжки по большей или меньшей концентрации ударения на начале слова, как в литовских говорах.

Тем не менее имеются данные, свидетельствующие о различной хронологии оттяжки ударения в отдельных латышских районах. Характерны в этом отношении изоглоссы интонационных различий в латышских говорах.

В некоторых восточно-латышских говорах вместо прерывистой интонации латышского литературного языка произносится восходящая (*kārjoša*)⁶. Западная изоглосса, отделяющая восточно-латышские говоры, в которых встречается восходящая интонация на месте прерывистой латышского литературного языка, идет от литовско-латышской границы к северу приблизительно по линии: Залва, Даудзесе, Сеце, Менгеле, Медзула, Друвиена... Сравнивая эту линию с изоглоссами оттяжки ударения в говорах литовского языка, замечаем, что она является продолжением на север изоглоссы оттяжки ударения с кратких и циркумфлексированных окончаний (достигающей латвийской территории около Биржай) в говорах литовского языка⁷. Можно предположить, что указанная латышская изоглосса является восточной границей одной из областей, где началась оттяжка ударения на территории латышского языка.

Изоглосса распространения прерывистой интонации (см. ниже) на месте нисходящей в западных говорах латышского языка проходит западнее указанной изоглоссы восходящей интонации, почти параллельно ей. Кроме того, данная изоглосса является продолжением на север литовской изоглоссы ретракции ударения жемайтского типа.

В литовских говорах центры редукции конца слова совпадают с древнейшими центрами оттяжки ударения. В латышских говорах самая сильная редукция конца слова обнаруживается на северо-западе, на севере Курземе и на северо-западе Видземе⁸. Если сравнивать латышские и литовские центры редукции конца слова, то видно, что курземский центр соответствует жемайтскому, а видземский — восточноаукштайтскому (бассейн реки Муши). Редукция конца слова, как сказано выше, должна была повлечь за собой ретракцию ударения с конечных слогов. Таким образом приходим к выводу, что оттяжка ударения началась на северо-западе Латвии в двух названных выше центрах, откуда распространилась на юг и восток. Волна оттяжки ударения, начавшаяся на севере Курземе, достигла жемайтской территории и там образовала центр оттяжки (жемайтского типа), а ретракционная волна, идущая с северо-запада Видземе, образовала центр оттяжки ударения в восточноаукштайтских говорах (бассейн реки Муши).

* * *

Жемайтским говорам, кроме оттянутого ударения, свойственно перенесенное ударение, т. е. ударение, возникшее в послеударных слогах, например: *kātē*, литер. яз. *kātei* 'кошке'. С перенесенным ударением произносятся все долгие (иногда и древние краткие, например

⁶ J. Endzelīns. *Latviešu valodas gramatika*, стр. 37, 38.

⁷ V. Grīnaveckis. Указ. соч., стр. 118.

⁸ J. Endzelīns. *Latviešu valodas gramatika*, стр. 86—87.

pàvākāre 'время под вечер', литер. яз. *pāvakarē*) послеударные слоги. Причиной возникновения перенесенного ударения, по-видимому, была оттяжка ударения. Так как после оттяжки ударения многие слова уже произносились с ударением на каждом слоге, то сила голоса в тех словах, которые закон оттяжки ударения не затрагивал, должна была распределиться. Второй причиной переноса ударения является редукция долгих циркумфлексных окончаний. Это доказывается следующим: в парадигме склонения или спряжения перенесенное ударение бывает в тех формах, где безударный конечный слог был долгим циркумфлексным, например: *šōlēne* < **šūlinē* 'колодец', им. п. ед. ч.; *šōlēnes* < *šūlinēs*, род. п. ед. ч.; *šōlēne* < **šūlinēn*, вин. п. ед. ч.; *šōlēņu* < **šūlinjuñ* род. п. мн. ч., но в тех формах, у которых безударное окончание было акутовым, перенесенного ударения нет: *šōlēne* < **šūlinēn* твор. п. ед. ч.; *šōlēnes* < **šūlinēns*, вин. п. мн. ч.

О древности переноса ударения свидетельствуют интонации, с которыми произносятся слоги под перенесенным ударением. Если послеударный слог произносился с акутовым ударением, то и в настоящее время этот слог во многих случаях произносится с прерывистой интонацией (см. ниже), например *pārķōste* 'перекусить', ср. *kāsti* 'кусать', и наоборот, если послеударный слог произносился с циркумфлексной интонацией, то в большинстве случаев и теперь этот слог под перенесенным ударением произносится с восходящей интонацией, развившейся из циркумфлексной, например: *pārsēgōnda* 'испугался', ср. *išsi-gaņdo* 'то же', *līgāoje* < **līgājā* 'ровного'. Из этого следует, что перенесенное ударение, как и оттянутое, возникло еще до обобщения акутовой интонации в послеударных слогах и циркумфлексной — в предударных слогах.

Такое различие интонаций в слогах с перенесенным ударением имеется только в северожемайтских говорах: далее к югу интонация перенесенного ударения всегда бывает прерывистой. Это указывает на то, что на севере жемайтской области перенос ударения начался раньше, а на юге — позже.

Латышскому языку тоже свойственны побочные ударения в непервых слогах, где отчасти также сохранены древние интонации⁹, например: *aklie*, лит. *aklieji* 'слепые', *ciētns*, лит. *kaimyns* 'сосед'. Это еще раз свидетельствует о том, что процесс формирования системы акцентуации с начальным ударением был сходным в латышском языке и северных говорах литовского языка.

II. ИНТОНАЦИИ

1. Система жемайтских интонаций

Так как в жемайтских говорах имеется двойное по своему происхождению ударение, т. е. древнее и новое (оттянутое и перенесенное), то и интонации являются двойными: а) интонации, свойственные слогам с древним ударением, б) интонации, свойственные слогам с оттянутым и перенесенным ударением.

Интонации слогов с древним ударением: восходящая (*lāuks* 'поле') и прерывистая (*rīc* 'утро', *lāukte* 'ожидать').

Интонации слогов с оттянутым ударением: вторичная восходящая (*sāusā* 'сухая') и средняя (*sāusāos*, род. п. ед. ч. 'сухой'), в некоторых приморскожемайтских говорах средняя и нисходящая (*jāunā* 'молодая', литер. яз. *jāunā*, вин. п. ед. ч. *jāunq*).

⁹ См. J. Endzelīns. *Latviešu valodas gramatika*, стр. 42.

Интонации слогов с перенесенным ударением те же, что и слогов с древним ударением, т. е. восходящая (*ėžgōustis* 'испуг' < **išganstis*) и прерывистая (*ādārs* 'открытый', литер. яз. *ātdaras*), в дуни-ниевских и южных донининовских говорах — прерывистая (*ādārs*) и краткая (*rākopètė* 'кучка сухого сена на лугу').

2. Интонация слогов с древним ударением

Восходящая интонация

При произношении звука с восходящей интонацией голос и тон¹⁰ сначала незначительно поднимаются и в конце произношения несколько снижаются. Сила голоса восходящей интонации характеризуется отсутствием концентрации, длительностью. Этим она отличается от восходящей интонации аукштайтских говоров и литературного языка, где сила голоса при произношении звука с восходящей интонацией концентрируется в конце произношения. В дифтонгах и дифтонгических сочетаниях сила голоса данной интонации падает на первый компонент, который в этом случае бывает долгим, например *lāuks* 'поле'.

Кульминацией основного тона и концентрацией силы голоса на первом компоненте дифтонгов и дифтонгических сочетаний восходящая интонация жемайтских говоров резко отличается от восходящей интонации аукштайтских говоров и литературного языка, имеющей кульминацию основного тона и концентрацию силы голоса на втором компоненте.

Движением основного тона и отсутствием концентрации силы голоса восходящая интонация жемайтских говоров приближается к латышской длительной (*stieptā*) интонации, которая имеет одинаковую силу голоса от начала до конца произношения¹¹. Кроме того, латышская длительная интонация в дифтонгических сочетаниях *a*, *e+r* также концентрируется на первом компоненте, как жемайтская (во всех дифтонгах и дифтонгических сочетаниях).

Жемайтская восходящая интонация по произношению ближе (чем аукштайтская) к древней циркумфлексной, т. е. нисходящей интонации, так как при произношении гласного с данной интонацией основной тон и сила голоса поднимаются весьма незначительно, а при произношении дифтонгов и дифтонгических сочетаний основной тон достигает кульминации и сила голоса концентрируется на первом компоненте. Таким образом, имеется основание думать, что жемайтская восходящая сохраняет более древний характер, чем аукштайтская.

Вышеописанная восходящая интонация свойственна не всем жемайтским говорам, а только северо-западным, в которых имеется оттяжка ударения с краткого и циркумфлексного конца слова¹², а также примыкающим к ним аукштайтским говорам в районах Шакина и Шилуте. Далее к юго-востоку жемайтская восходящая интонация постепенно переходит в аукштайтскую. Это значит, что основной тон и

¹⁰ G. Gerullis. *Litauische Dialektstudien*. Leipzig, 1930, стр. XXXIX (далее — G. Gerullis. *Li. Di.*); A. Laigonaite. *Del lietuvių kalbos kirčio ir priegaidės supratimo*. «Kalbotyra», I. Vilnius, 1958, стр. 90—91.

¹¹ См.: «Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika». Rīgā, 1959, стр. 67.

¹² V. Grinaveckis. *Šiaurės vakarų dūnininkų tarmių fonetinės ypatybės ir jų raida*. «Vilniaus Valstybinio pedagoginio instituto mokslo darbai», XI. Vilnius, 1960, стр. 53—60; (далее — V. Grinaveckis. *Švdt fonetinės ypatybės*); J. Aleksandravičius. *Kirtis ir priegaidė Kretingos tarmėje*. — LKK, I, 103; B. Rokaitė. *Kai kurie nauji žemaičių dūnininkų tarmių dalykai*. — LKK, IV, 143.

сила голоса постепенно (при движении к юго-востоку) все больше и больше концентрируются на конце гласного. В дифтонгах и дифтонгических сочетаниях основной тон достигает кульминации и сила голоса концентрируется между первым и вторым компонентами; оба компонента являются полудолгими. Такую восходящую интонацию имеют юго-восточные жемайты (Кражый, Келме, Титувенай, Стульгай, Нямакшый, Видукле, Расейний, Скаудвиле, Эржвилкас, Батакый, Пашалтуонис, Гауре, Эйчый, Таураге, Паграмантис, Вайнутас) и соседствующие с ними западные аукштайты (Бетигала, Ваджгирис, Юрбаркас, Скирснямуне, Смалининкай, Виешвиле, Пагегай, также и за Неманом — Крюкай, Плокшый, Гялгаудишкис, Кидуляй, Шакай, Кудиркос Науместис, бывшие литовские говоры в нынешней Калининградской области — около Тильже [теперь Советск], говор рыбаков и пр.).

Дальше к югу и востоку от указанных мест при произношении звука с восходящей интонацией тон весьма значительно поднимается и сила голоса концентрируется в конце произношения, в дифтонгах и дифтонгических сочетаниях первый компонент произносится кратко, второй — более или менее долго.

Прерывистая интонация

При произношении звука с прерывистой интонацией сила голоса и тон сначала резко поднимаются вверх, в момент своей кульминации внезапно прерываются на мгновение (или сильно ослабевают) и после этого становятся нисходящими до конца произношения. Таким образом, прерывистая интонация разделяет звук на две части. Основной тон интонации достигает кульминации и сила голоса концентрируется в конце восходящей части¹³.

Прерывистая интонация вместо нисходящей интонации литературного языка отмечается во всех жемайтских говорах¹⁴, только на юго-западных окраинах жемайтской области (Акмяне, Вягярий, Куршенай, Шаукенай, Кражый, Стульгай, Нямакшый, Видукле, Гирдишке, Упина, Скаудвиле, Батакый, Эржвилкас, Паграмантис¹⁵, Вайнутас, Таураге, Гауре) прерывистая интонация произносится либо наряду с нисходящей, либо с незначительным ослаблением голоса (вместо прерыва). Также прерывистая интонация имеется и в аукштайтских говорах, примыкающих к жемайтским (Шакина¹⁶, Юрбаркас¹⁷, Шилуте, Пагегай, Вилкишкый, Виешвиле, Смалининкай); имела эта интонация к югу за Неманом — около Тильже¹⁸ (Советск) и пр. Таким образом, прерывистая интонация характерна для всех западно-литовских говоров.

Кроме жемайтских и примыкающих к ним аукштайтских говоров литовского языка, прерывистая интонация существует в латышском языке. Сравнивая произношение жемайтской и латышской прерывистой интонации следует отметить, что гласные (и дифтонги *ie*, *uo*) с данной интонацией произносятся одинаково, например слово *rīts* 'утро' звучит в латышском, как в жемайтских говорах, но произношение дифтонгов и дифтонгических сочетаний отличается: в жемайтских говорах основ-

¹³ См.: G. Gerullis. Li. Di., стр. XLIII, XLIV; A. Laigonaitė. Указ. соч., стр. 93.

¹⁴ V. Grinaveckis. Švdt fonetinės ypatybės, стр. 54—57; B. Rokaitė. Указ. соч., стр. 143.

¹⁵ P. Jonikas. Pagramančio tarmė. Kaunas, 1939, стр. 12.

¹⁶ A. Jonaitytė. Sakynos tarmės kirtis ir priegaidė. — LKK, II, 122.

¹⁷ E. Grinaveckienė. Mituvos upyno tarmės fonetika. — LKK, I, 135.

¹⁸ F. Kurschat. Grammatik der litauischen Sprache. Halle, 1876, стр. 194.

ной тон и сила голоса прерывистой интонации падает на первый компонент (*dârps* 'работа'), а в латышском языке — между первым и вторым (*darbs* 'работа').

Так как территория литовских говоров с прерывистой интонацией соприкасается с исторической территорией прусского языка, то законно поднять вопрос: не имела ли эта интонация и в прусском языке? Об интонациях прусского языка обычно судят по обозначению долготы над первым или вторым компонентом дифтонгов¹⁹, но данное обозначение долготы не помогает выяснить, с какой — нисходящей или прерывистой — интонацией произносился звук. Однако особенности вокализма указывают на то, что в некоторых прусских говорах прерывистая интонация могла существовать.

В латышских и литовских говорах, которым свойственна прерывистая интонация, долгие узкие (узковатые) гласные под влиянием этой интонации дифтонгизировались²⁰, так как прерывистая интонация разделяет звук на две части, которые со временем могут стать компонентами дифтонга. В языке древнепрусских катехизисов наблюдается такая же дифтонгизация (*ī, ē > ei; ā, ō > oi*), правда, как показывают засвидетельствованные примеры, данная дифтонгизация не связана ни с ударением, ни с интонациями, но в литовских и в латышских говорах дифтонгизация (зависящая от прерывистой интонации) также часто обобщена.

Следовательно, можно предположить, что дифтонгизация узких гласных в говорах прусского языка зависит от прерывистой интонации. Такое мнение поддерживает еще следующий аргумент: данная дифтонгизация отмечена как раз в северных прусских говорах, примыкающих к западно-литовским говорам, для которых, как было сказано выше, характерна прерывистая интонация.

3. Интонация в слогах с оттянутым и перенесенным ударением

Вторичная восходящая интонация

Вторичная восходящая интонация произносится в долгих предпоследних слогах, если последний слог краткий, например: *blāuzdā* 'икра (ноги)', *sāusā* 'сухая'²¹.

Сила голоса при произношении слога с вторичной восходящей интонацией гласных сконцентрирована в конце звука, в дифтонгах и дифтонгических сочетаниях — в конце первого компонента или между первым и вторым компонентами²². Таким образом данная интонация близка к восходящей интонации литературного языка.

Нужно отметить, что в дунининских говорах (Лаукува, Шилале, Кальтиненай) вторичная восходящая интонация часто совпадает с восходящей интонацией слогов с древним ударением. Особенно ярко это проявляется в языке молодого поколения. Такое же явление отмечается и в додунининских, в особенности восточных, говорах.

В дунининских говорах с ударением, оттянутым с конечных кратких слогов (Кражйай, Кельме, Кяунорай, Титувенай, Пакражантис), и

¹⁹ J. Endzelīns. *Senprūšu valoda*. Rīga, 1943, стр. 20—21.

²⁰ A. Ābele. *Dzīvi sīkumi izlokšņu vokalismā*. «Filoloģijas materiāli». Rīga, 1933, стр. 60, 61; V. Grīnaveckis. *Žemaičių tarmių vokalizmo susiformavimas*. «Kalbotyra», VI. Vilnius, 1962, стр. 44—46.

²¹ См.: V. Grīnaveckis. *Svdt fonetinės ypatybės*, стр. 60—61; B. Rokaitė. Указ. соч., стр. 146.

²² C. A. Laigonaitė. Указ. соч., стр. 90.

в районе Куршевай (с оттяжкой ударения с конечных кратких и циркумфлексных слогов) вторичная восходящая интонация произносится как и восходящая в слогах с древним ударением (как в аукштайтских говорах, за исключением говоров, примыкающих к жемайтским — Шакина и пр.).

Средняя интонация

Средняя интонация, как и вторичная восходящая, возникла в результате ретракции ударения и произносится так же, как и последняя, но более кратко²³.

Средняя интонация представлена в долгих слогах под оттянутым ударением в следующих случаях: а) в предпоследнем слоге, если последний является долгим, например: *lāukā*, литер. яз. *laukaĩ* 'поля'; б) в третьем и последующих слогах от конца слова, например: *bāugėnė*, литер. яз. *bauginė* 'пугаю', *mārškėnė*, литер. яз. *marškiniai* 'рубашка'.

В приморскожемайтском говоре средняя интонация существует только в циркумфлексных слогах, например: *dėinās*, литер. яз. *dienās* 'дня' (вин. п. *dieną*), но *vėinās*, литер. яз. *vienās* 'одной' (вин. п. *vieną*).

В дунининкских (за исключением западной части) и примыкающих к ним доунининкских (Жаренай, Лауко Сода, Тельшай, Эйгирджай, Тришкяй) говорах оба компонента дифтонгов и дифтонгических сочетаний, произносимых со средней интонацией, являются краткими, в других говорах (в доунининкских, дониинкских и западных дунининкских) первый компонент является более или менее удлинненным. Наибольшая степень долготы представлена в северо-западных (Дарбенай, Паланга, Кретинга, Клайпеда, Ленкимай, Грушлауке, Салантай) и в северо-восточных (Акмяне, Папиле, Кликляй) жемайтских говорах. В указанных пунктах средняя интонация по длительности приближается к восходящей в слогах с оттянутым ударением²⁴. Далее к югу степень удлинения первого компонента дифтонгов и дифтонгических сочетаний, произносимых со средней интонацией, постепенно уменьшается.

* * *

Как вторичная восходящая, так и средняя интонация, возникли из интонаций предупредительных слогов после оттяжки ударения²⁵. Вторичная восходящая интонация связана с первым этапом оттяжки ударения (когда ударение было оттянуто с краткого конца слова на долгий предпоследний слог: *sāusà*), средняя интонация связана со вторым этапом оттяжки ударения (когда ударение было оттянуто с долгого конца слова: *sāūsās*). Так как первый этап оттяжки ударения является более древним, то компоненты дифтонгов под этим ударением удлинились больше, соответственно удлинилась и вторичная восходящая интонация в данных слогах. Средняя интонация произносится более кратко потому, что она связана с более поздним этапом оттяжки уда-

²³ См.: G. Gerullis. Li. Di., стр. XLV и сл.; V. Grinaveckis. Švdt fonetinės ypatybės, стр. 61—63; B. Rokaitė. Указ. соч., стр. 143—146; A. Lai-gonaitė. Указ. соч., стр. 94—95.

²⁴ Потому некоторые языковеды не различают вторичную восходящую и среднюю интонацию. См.: A. Salys. Lietuvių kalbos tarmės. Tübingenas, 1946, стр. 21; J. Aleksandravičius. — LKK, I, 105.

²⁵ Об интонациях в слогах с перенесенным ударением см.: B. Rokaitė. Указ. соч., стр. 143—146; V. Grinaveckis. Švdt fonetinės ypatybės, стр. 54, 57; V. Grinaveckis. Kirčio atitraukimas ir nukėlimas lietuvių kalbos tarmėse. — LKK, IV, 1961, стр. 128, 129.

рения. Однако на северо-западе и северо-востоке жемайтских говоров эта интонация произносится с большей длительностью, чем в южных и центральных жемайтских говорах. Так как раньше всего ударение с конца слова было оттянуто на северной территории литовских говоров, то понятно, что гласные больше удлинялись там, где они раньше стали подударными.

Нисходящая интонация

В приморскожемайтском говоре акутовые по происхождению слоги с оттянутым ударением произносятся с нисходящей интонацией²⁶, например: *báltà*, литер. яз. *baltà* 'белая' (вин. п. ед. ч. *báltq*), *jódà*, литер. яз. *juodà* 'черная' (вин. п. ед. ч. *júodq*) (Нормантай, Клайпедского р-на). Кроме говора приморских жемайтов, нисходящая интонация в данном случае отмечается в Нерингском литовском говоре²⁷.

В некоторых местах в приморскожемайтском говоре, например в районе Картяна, нисходящая интонация обобщена во всех долгих слогах с оттянутым ударением: *áukštà*, литер. яз. *aukštà* 'высокая' (вин. п. ед. ч. *áukštq*), *sáusà*, литер. яз. *sausà*, 'сухая' (вин. п. ед. ч. *saĩsq*).

В Картянском говоре интонация оттянутого ударения была измерена несколько раз в трех словах: *pũgĩos* род. п. ед. ч. 'вьюги', *pũgà* 'вьюга', *pũkũ* род. п. мн. ч., 'пуха'. Диктором был студент физико-математического факультета Вильнюсского государственного педагогического института К. Б., уроженец Картяны (Крятингский р-н).

Высота тона гласного с интонацией оттянутого ударения в начале недолго держится на одном уровне (так как высота основного тона зависит от качества гласного, то другие гласные и дифтонги с данной интонацией могут начинаться соответственно более или менее высоким тоном), а потом резко падает вниз, и тон остальной части гласного держится на одинаковом уровне. Таким образом самый высокий тон гласного, произносимого с интонацией оттянутого ударения, концентрируется в самом начале гласного (а самый высокий тон гласного с восходящей интонацией литовского литературного языка концентрируется примерно около середины гласного, немножко ближе к первой его половине).

Высота тона дифтонга *ou* не только достигает кульминации в первом компоненте, но в нем же начинается и падение тона, а тон второго компонента целиком падает. Основным признаком, по которому отличается данная интонация от нисходящей интонации литературного языка, как раз и является место кульминации тона: самый высокий тон дифтонгов с нисходящей интонацией в литературном языке концентрируется не в начале, а около середины дифтонга²⁸.

Обобщение нисходящей интонации в Картянском говоре особенно ярко проявляется в произношении молодого поколения, старые же представители говора еще часто отличают интонации древних акутовых и пиркумфлексных слогов с оттянутым ударением.

²⁶ V. Grinaveckis. Šiaurės vakarų dūnininkų tarmių kirtis. — LKK, I, 116; B. Rokaitė. Указ. соч., стр. 146; J. Aleksandravičius. — LKK I, 106.

²⁷ K. Morkūnas, A. Sabaliauskas. Kuršių Neringos žvejų lietuvių tarmė ir lietuvių kalbos įtaka šių žvejų latvių kalbai. — LKK, II, 1959, стр. 136. — Следует думать, что во время оттяжки ударения интонации (как акут, так и циркумфлекс) в предударных слогах уже произносились иначе, чем в ударяемых и послеударных. В противном случае после оттяжки ударения интонации бывших предударных слогов развивались бы так же, как и соответствующие интонации слогов с древним ударением.

²⁸ Интонацию оттянутого ударения измерила и описала канд. филол. наук В. Вайткявичюте.

4. О краткой интонации

Интонация кратких слогов не уловима на слух. Некоторые языковеды о ней совсем не говорят, другие даже утверждают, что краткие слоги вообще не имеют интонации. Все-таки следует думать, что и краткие слоги в литовском языке (в особенности в жемайтских говорах) не могут произноситься без интонации. Ведь в литовском языке все длинные слоги (как с ударением, так и без ударения) произносятся с интонациями. Литовцы, начиная говорить не на родном языке, даже слоги слов не родного языка произносят с интонациями. Особенно это относится к представителям жемайтских говоров. И нужно признаться, что выучиться произносить слова неродного языка без интонаций жемайту не так легко.

Все это позволяет думать, что и краткие слоги не могут произноситься без интонации. Это мнение подтверждают и экспериментальные данные. Краткая интонация литературного языка по экспериментальным данным характеризуется следующими признаками: «По своему характеру краткая интонация ударяемых слогов имеет восходяще-нисходящую природу. Восходящая часть обыкновенно бывает более долгой и более постепенной, а нисходящая — более краткой и часто более резкой. Довольно часто отмечается и некоторое колебание данного взаимоотношения частей краткой интонации. Высота тона кульминации почти всегда достигает во второй половине гласного»²⁹. Также краткая интонация отмечается и в жемайтских говорах³⁰.

Таким образом краткая интонация ударяемых слогов скорее имеет восходящую природу, т. е. напоминает восходящую. Однако хотя краткая интонация имеет признаки, характерные для других интонаций, ее нельзя считать равноправной с другими интонациями, так как говорящий не воспринимает ее как просодический элемент языка. Итак, краткая интонация только в потенции является интонацией.

Так как краткая интонация ударяемых слогов по своей природе приближается к восходящей, то при удлинении ударяемых гласных она развивается в восходящую, например: *lāpas* 'лист' < **lāpas*, *žēmas* 'низкий' < **žēmas*. Если удлинение ударяемого гласного является неполным, краткая интонация превращается в среднюю, например (северо-западные дунининские говоры): *vė.sas* 'весь' < *visas*, *bõ.va* 'был' < **buva*; однако в северных дунининских говорах ударяемые *e*, *o* < *i*, *u* превратились в длинные и соответственно краткая интонация там развилась в восходящую, например: *vė.sos*, *bõ.va*. Только первые компоненты дифтонгических сочетаний *a*, *e*, *i*, *u* + *l*, *m*, *n*, *r* под ударением получили нисходящую (в жемайтских говорах прерывистую) интонацию, например: *sēns* || *sēns* 'старый' < **sēnas*. В данном случае природа интонации зависит от места концентрации силы голоса (на первом компоненте дифтонгических сочетаний).

Следует отметить, что в латышском языке краткая интонация также имеет восходящий характер³¹.

В жемайтских говорах, которым свойственно оттянутое ударение,

²⁹ См.: V. Vaitkevičiūtė, V. Grinaveckis. Lietuvių kalbos trumpinė priegaidė. «Tarybinė mokykla», 1959, № 3, стр. 29—30.

³⁰ См.: P. Jonikas. Pagrąmančio tarmė, Kaunas, 1939, стр. 12.

³¹ См.: A. Abele. Filologu Biedrības Raksti, IX, стр. 171. 176; R. Ekblom. Die lettischen Akzentarten. Uppsala, 1923, стр. 29.

с краткой интонацией древние краткие гласные произносятся в следующих случаях:

а) под древним (теперь побочным) ударением *māžā* 'маленькая', *tilā* 'тишина';

б) под оттянутым ударением *avėnā* 'бараны', литер. яз. *avinaĩ*, *šėpėtis* 'щетка', литер. яз. *šepetys*;

в) в дуининских говорах под древним основным ударением, если это слово имеет и перенесенное ударение *lārā* 'листья', литер. яз. *lāpai*, *vākārs* 'вечер', литер. яз. *vākaras*, но если побочного перенесенного ударения нет, то краткие гласные удлинены, например вин. п. ед. ч. *lāpa*, *vākara*;

г) в дониинских говорах древние краткие гласные во всех случаях остались краткими: *māža* 'маленькую', литер. яз. *māžq*, *nėšė* 'нёс', литер. яз. *nėšė*;

д) в северо-западных дуининских говорах в некоторых многосложных словах (наряду с прерывистой): *pāūdėgė* 'место под хвостом', литер. яз. *pāuodegė*³².

Во всех жемайтских говорах краткие *a*, *e* остались краткими под древним ударением в предпоследнем слоге, когда в конечном слоге исчез краткий гласный: *lāps* 'лист', литер. яз. *lāpas*, *vėd* 'ведет', литер. яз. *vėda* (как в древних односложных словах: *kūs* 'кто, что'); *klebāc* || *klėbāc* 'прибор для сучения веревок'.

3. К вопросу о происхождении литовских интонационных систем

По теории Я. Эндзелина латышская прерывистая интонация возникла из древнего акута (т. е. восходящей интонации) в предударных слогах после оттяжки на них ударения. Прерывистая интонация западнолитовских говоров не связана с оттяжкой ударения, так как в северо-западных жемайтских говорах, в которых имеется оттяжка ударения, прерывистая интонация произносится в слогах с древним, а не с оттянутым ударением.

Однако прерывистая интонация в литовском языке могла возникнуть в более древние времена при оттяжке ударения с конечных слогов некоторых форм древних окситонированных парадигм с акутовой интонацией в безударном корневом слоге, т. е. в словах типа *dārbas* 'работа': им. п. мн. ч. *darbai*, *kótas* 'рукоятка, ручка', им. п. мн. ч. *kotai*, *rytas* 'утро', им. п. мн. ч. *rytai*. Когда акут $\nearrow$ первоначально безударного слога оказывался под ударением, он должен был превратиться в прерывистую интонацию. Таким образом возникла система трех интонаций³³ (или скорее четырех, так как в данной системе свое место занимала и краткая интонация).

Каким путем в латышском и литовском языках в предударных слогах, получивших оттянутое ударение, из акутовой (восходящей) интонации развилась прерывистая? Интонация оттянутого ударения в восходящих (акутовых) слогах должна была различаться от соответствующей интонации древних подударных слогов, в противном случае развитие восходящей интонации было бы одинаковым в обоих случаях. Интонация в акутовых слогах с оттянутым ударением, по всей вероятности, была аналогична жемайтской средней интонации.

³² См.: V. Grinaveckis. Švdt fonetinės ypatybės, стр. 54.

³³ См.: В. М. Иллич-Свитыч. Выделение типов корней с исходом на сонант в балтийской глагольной системе, их функционирование и происхождение. — ВСЯ, вып. 5. М., 1961, стр. 130—132.

В жемайтских говорах переход восходящей части звука, производимого со средней интонацией, в нисходящую является очень кратким, поэтому звук на слух приобретает повышенную резкость в середине (или ближе к концу) звука³⁴. Графическое изображение движения тона средней и прерывистой интонации отличается только тем, что у средней интонации нет прерыва³⁵. То же самое показывает и графическое изображение движения силы голоса³⁶. Место концентрации основного тона и силы голоса средней интонации в дифтонгах и в дифтонгических сочетаниях находится в конце первого или между первым и вторым компонентами, что вполне тождественно с местом кульминации основного тона и концентрации силы голоса прерывистой интонации (жемайтской — в конце первого, латышской — в начале второго компонента). Если слог со средней интонацией произнесен с большим напряжением, то мы получим прерывистую интонацию. Таким образом, когда усилилось оттянутое ударение в первом слоге, то «средняя» интонация превратилась в прерывистую. Данному процессу способствовало то обстоятельство, что развитие фонетических изменений (в том числе и оттяжки ударения) в латышском языке было весьма интенсивным. Вероятно, то же самое относится и к формированию подвижных парадигм из первоначальных окситонированных в литовском.

Имея в виду то обстоятельство, что в дальнейшем литовские интонации изменили свой характер (теперь акут является нисходящим $\searrow$, а в западнолитовских говорах прерывистым $\wedge$, циркумфлекс — восходящим $\nearrow$), развитие системы трех интонаций в западнолитовских говорах можно сформулировать следующим образом:

	I		II		III
циркумфлекс	$\searrow$	>	$\nearrow$	>	$\nearrow$
акут	$\nearrow$	>	$\wedge$	>	$\wedge$
прерывистая	$\wedge$	>	$\searrow$	>	$\wedge$

Следовательно, в западных литовских говорах на последнем этапе развития системы трех интонаций сформировалась система двух интонаций — восходящей и прерывистой. Возможно, что данная система была характерна для более обширной (или всей) территории литовского языка³⁷, однако вполне возможно, что в восточнолитовских говорах древний акут (тогда прерывистая) и древняя прерывистая (тогда нисходящая) совпали в одну нисходящую. Совпадение прерывистой с нисходящей в одну нисходящую интонацию (а не в прерывистую, как в западных говорах), по всей вероятности, обусловила склонность восточнолитовских говоров к нивелировке интонаций. Так как нисходящая интонация в литовских говорах является в сущности более слабым вариантом прерывистой интонации (об этом см. ниже), то в восточнолитовских говорах, идущих по пути нивелировки интонаций, совпадение прерывистой с нисходящей в одну нисходящую было закономерно.

Что аукштайтская нисходящая интонация по сравнению с жемайтской прерывистой более подвергнута процессу нивелировки, ясно указывает сравнение интонаций гласных и дифтонгов в говорах литовского

³⁴ Ср.: A. Jonaitytė. Указ. соч., стр. 124; V. Vitkauskas. Kuršėnų tarbės kirtis ir priegaidė. — LKK, III, 73.

³⁵ G. Gerullis. Li. Di., стр. XLV—XLVIII.

³⁶ См.: A. Laigonaitė. Указ. соч., стр. 93—95.

³⁷ Ср. R. Ekblom. Zur Physiologie der Akzentuation langer Silben im Slawo-Baltischen. Uppsala, 1922, стр. 21—25; R. Ekblom. Die lettischen Akzentarten. Uppsala, 1923, стр. 51—55.

языка. В жемайтских говорах как прерывистая, так и восходящая интонации в дифтонгах и дифтонгических сочетаниях достигают кульминации основного тона и концентрируют силу голоса на первом компоненте. Таким образом, характер интонации не зависит от выделения (силой голоса) отдельных компонентов дифтонгов (как это имеется в большинстве аукштайтских говоров), а более определяется движением тона. По этой причине и гласные в жемайтских говорах произносятся с одинаково ясными интонациями, как и дифтонги. В юго-восточных жемайтских говорах и примыкающих к ним аукштайтских (Юрбаркас³⁸, Вилькишкый³⁹, Няринга⁴⁰) кульминация основного тона и концентрации силы голоса восходящей интонации представлена в конце гласного и в начале второго компонента дифтонгов, а нисходящая интонация похожа на прерывистую. Такое же соответствие интонаций было южнее Немана (около Тильже и др.). Гласные в указанных говорах еще ясно различают интонации. Восходящая интонация в западноаукштайтском говоре капсов (за исключением южной окраины⁴¹) концентрируется на втором компоненте (однако это выражено еще не очень сильно), соответственно нисходящая интонация — на первом; гласные еще отличаются по интонациям, но на южной окраине говора капсов это отличие уже не всегда ясно. В восточноаукштайтских и восточнодзукских говорах сила голоса восходящей интонации в дифтонгах и дифтонгических сочетаниях сильно концентрируется на втором компоненте (причем первый бывает редуцированным, а в некоторых случаях вообще исчезает), соответственно сила голоса нисходящей интонации сосредоточена на первом компоненте; гласные и дифтонги *ie*, *uo* интонаций совсем не отличают⁴². Совпадение интонаций гласных в аукштайтских говорах более ярко выражено на территории между следующими пунктами: Дукштас, Жасляй, Радвилишкис, Биржай, Зарасай.

На основании всего изложенного приходим к выводу, что прерывистая интонация в западнолитовских говорах возникла из древней акутовой и прерывистой (путем их совпадения), однако на ее сохранение и упрочение несомненно повлиял и латышский язык, так как самое яркое выражение прерывистой интонации имеется в северо-западных жемайтских говорах, примыкавших к латвийской территории.

* * *

Как в западнолитовских говорах совпали древний акут $\overline{\wedge} < \overline{\nearrow}$ с прерывистой $\overline{\searrow} < \overline{\wedge}$ в одной прерывистой $\overline{\wedge}$ интонации, так в западнолатышских говорах совпали древний циркумфлекс $\overline{\searrow}$ с прерывистой $\overline{\wedge}$ в одной прерывистой $\overline{\wedge}$ интонации, например: *galva* 'голова' < **galvā* и *ruōka* 'рука' < *rūoka*. Так, система трех латышских интонаций в западнолатышских говорах развивалась следующим образом:

акут $\overline{\nearrow} > \overline{\nearrow}$
 циркумфлекс $\overline{\searrow}$
 прерывистая $\overline{\wedge} > \overline{\wedge}$

³⁸ E. Grīnaveckienė. Указ. соч. 135, 136.

³⁹ См.: G. Gerullis. Li. Di. стр. LIII.

⁴⁰ См.: K. Morkūnas, A. Sabaliauskas. Указ. соч., стр. 136.

⁴¹ См.: Ю. Ю. Сенкус. Говор северо-западных капсов. Автореф. канд. дисс. Вильнюс, 1955, стр. 7.

⁴² См.: A. Laigonaite. Указ. соч., стр. 97; J. Kardelytė. Linkmenų tarmės fonetika. «Kalbotyra», II, Vilnius, 1960 стр. 8; J. Šukys. Miežiškių tarmės vokalizmo bruožai. — LKK, II, 152; K. Morkūnas. Rytų aukštaičių pietinės tarmės fonetika, — LKK, III, 5.

Карта изоглосс оттяжки ударения и интонационных различий в говорах литовского языка.

1. Границы говоров литовского языка. I — доуниинские немайтские, II — доуниинские немайтские, III — доуниинские немайтские, IV — западноуниинские, V — среднеуниинские, VI — восточноуниинские, VII — латвиские.

Оттяжка ударения

2. Южная изоглосса оттяжки ударения с краткого (*saša žaka 'сухая ветвь'*) и циркумфлексного (*šakū || šaki || žaki 'ветвей'*) окончаний.

3. Территория, на которой ударение (не вполне закономерно) оттянуто с краткого, циркумфлексного и акутового окончаний: (*šakūš || šakiš || šakiš* 'полям', *šakiš* 'полям').

4. Территория, на которой ударение оттянуто с краткого окончания (во всех случаях: *šakūš, šaka, a* с циркумфлексного — на долгий предударный слог (*šakūš 'поля'*), но южная изоглосса оттяжки ударения с краткого (краткого и акутового) окончания на долгий предударный слог: *šakūš 'сухая'*, но *šakiš 'ветвь'*).

6. Территория, на которой ударение оттянуто с краткого окончания на долгий и краткие предударные слоги (*šakūš || šakiš || šakiš 'сухая'* и *šakūš || šakiš || šakiš 'ветвь'*, но с долготой окончания не оттягивается (*šakūš || šakiš 'поля'*)).

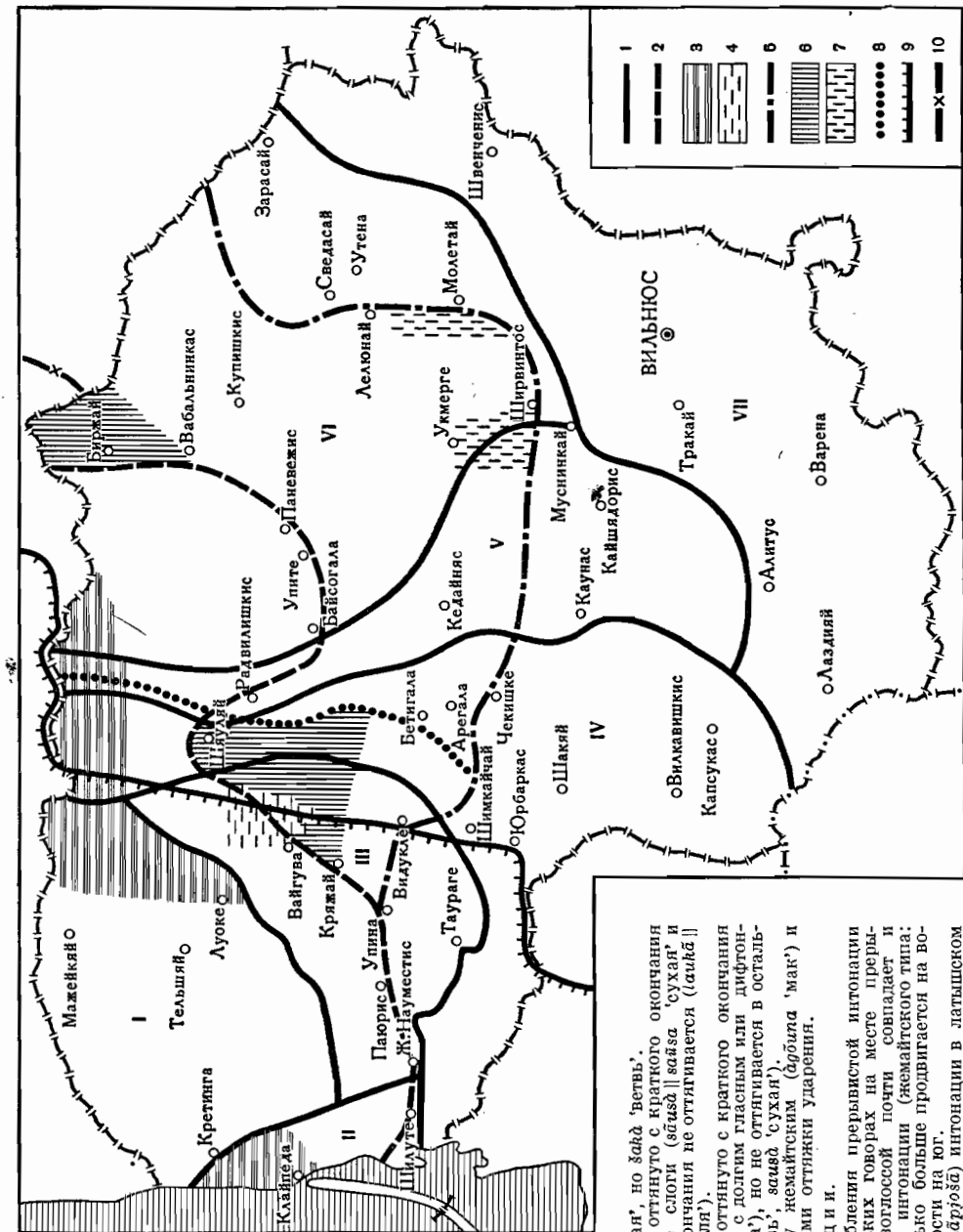
7. Территория, на которой ударение оттянуто с краткого окончания только на долгий предпоследний слог с долгим гласным или дифтонгом *te, io* (*šakūš 'одна'*), но не оттягивается в остальных случаях (*šakūš 'ветвь'*, *šakūš 'сухая'*).

8. Приблизительная граница между немайтским (*šakūš 'мак'*) и аукштайтским (*šakūš*) типами оттяжки ударения.

И н т о н а ц и и.

9. Приблизительная граница употребления прерывистой интонации в западнолитовских и западнолатвийских говорах на месте прерывистой и нисходящей. С данной изоглоссой почти совпадает изоглосса употребления восходящей интонации (немайтского типа: *šakūš || šakiš 'поле'*), которая несколько больше продвигается на восток и в особенности на юг.

10. Западная изоглосса восходящей (*kārjōš*) интонации в латышском языке.

Следовательно, как в западнолитовских, так и западнолатышских говорах прерывистая интонация образовалась из одинаковых по произношению (но различных по происхождению) интонаций, а именно: западнолитовская: $\overline{\wedge} < \text{акут } \overline{\wedge} (< \nearrow)$ и прерывистая $\overline{\searrow} (< \overline{\wedge})$; западнолатышская: $\overline{\wedge} < \text{прерывистая } \overline{\wedge}$ и циркумфлекс $\overline{\smile}$.

Прерывистая интонация (на месте прерывистой и нисходящей в латышском и литовском языках) представлена в латышских говорах к западу от линии, которая начинается от латвийско-эстонской границы около местечка Сели и проходит по следующим пунктам: Гери, Баужи, Пайкуле, Аугстроze, Даугули, Киегели, Кудумс, Лиелстраупе, Вилдога, Лигатне, Малпилс, Ропажы, Доле, Балдоне, Миса, Бауска, Церауксте⁴³, дальше на запад по литовско-латвийской границе до местечка Укри, откуда идет на юго-запад через литовскую территорию: Круопяй, Шакина, Шюпилай, Куршенай, Шаукенай, Кялме, Видукле, Эржвилкас, Юрбаркас, Смалининкай: территория распространения прерывистой интонации имела продолжение на юго-запад за Неманом.

В западнолатышских говорах, в частности курземских, прерывистая интонация обобщена и в слогах с побочным ударением.

Совпадению нисходящей интонации с прерывистой как в литовских, так и в латышских говорах способствовало то обстоятельство, что данные интонации по своему произношению близки друг другу.

Усилению прерывистой интонации на месте нисходящей в западнолатышских говорах способствовало то обстоятельство, что в курземских говорах сила голоса прерывистой интонации в дифтонгических сочетаниях *a, e, i, u + r* (вблизи литовско-латвийской границы также *a, e, i, u + l, m, n*) концентрируется на первом компоненте. Значит, в данных случаях прерывистая и нисходящая интонации еще больше сблизились.

Как произошло совпадение нисходящей интонации с прерывистой в западных говорах лучше всего показывает произношение данной интонации (возникшей из прерывистой и нисходящей): в одних местах она произносится как прерывистая, в других же — как промежуточная между прерывистой и нисходящей⁴⁴.

В других латышских говорах прерывистая и нисходящая интонации тоже совпали (за исключением тех говоров, где совпали нисходящая и длительная). Однако в некоторых местах еще до сих пор сохранились прерывистая и нисходящая интонации (например, на территории употребления трех интонаций — Валмиера, Блдиене и других, а около Алуksне — нисходящая и прерывистая⁴⁵).

На основании изложенного можно сделать вывод: как в западных литовских и латышских говорах совпали прерывистая и нисходящая (по происхождению лит. акут, латыш. циркумфлекс) в одной прерывистой, так в восточных литовских и латышских (в большинстве) говорах совпали прерывистая и нисходящая в одной нисходящей.

⁴³ См. статью (V. D a m b e. Zemgalisko izloksņu intonācijas. «Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas Vestis», 1960, 12, 1961, стр. 29—38) и приложенную к ней карту.

⁴⁴ См.: J. Endzelīns. Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951, стр. 39—40.

⁴⁵ См.: A. Laua. Mūsdienu latviešu literārās valodas fonētikas jautājumi. Rīgā, 1961, стр. 89—90; «Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika», I. Rīgā, 1959, стр. 67.

В. М. Иллич-Свитыч

СЛЕДЫ ИСЧЕЗНУВШИХ БАЛТИЙСКИХ АКЦЕНТУАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Данные современных говоров позволяют дать надежную реконструкцию двух балтийских акцентуационных систем — пралатышской и пралитовской (для литовского важны также многочисленные акцентуированные памятники). Более проблематична реконструкция древнепрусской акцентуационной системы, хотя анализ памятников дает возможность обнаружить целый ряд ее существенных черт. Несомненно, упомянутые три системы, различия между которыми весьма значительны, лишь часть того акцентуационного разнообразия, которое представляли некогда балтийские языки на пространстве от нижней Вислы до верхней Волги. По-видимому, рассмотрение слов, заимствованных из исчезнувших балтийских языков, может дать сведения об отдельных элементах некоторых не дошедших до нас акцентуационных систем.

Как известно, большое число заимствований из балтийского обнаруживается в прибалтийскофинских языках¹. Эти заимствования относятся к периоду, когда еще существовал прафинский (общеприбалтийскофинский), но (как показал Э. Ниеминен²) прабалтийский уже распался на ряд самостоятельных балтийских языков. Анализ таких заимствований позволяет сделать важные выводы об акцентуации балтийского языка — источника, который условно можно назвать севернобалтийским языком.

Попытка акцентологического анализа впервые была предпринята К. Явнисом³. Явнис отметил, что балтийские *ā*-основы женского рода отражены в прибалтийскофинском двояко — как *a*-основы и как *o*-основы. Он предположил, что в первом случае в севернобалтийском были представлены баритонированные имена, а во втором — окситонированные: безударный *-ā* Nom. Sing. баритонированных имен сократился и дал *-ā*; подударный *-ā̇* Nom. Sing. окситонированных имен сокращению не подвергся и сохранил более закрытый тембр, переданный пф. *-o* (ср. лит. $\bar{o} < *ā$, но $\acute{a} < *ā$, подвергшегося сокращению). К. Явнис и воспринявший его идею К. Буга⁴ считали, что распределение баритони-

¹ Наиболее полную сводку заимствований дает книга Я. Калимы (J. Kalima. Itämerensuomalaisten kielen balttilaiset lainasanat. Helsinki, 1936); прибалтийскофинские данные, цитируемые ниже, как правило почерпнуты из этой работы.

² См. в особенности работу итогового характера; E. Nieminen. Über einige Eigenschaften der baltischen Sprache, die sich in den ältesten baltischen Lehnwörter der ostseefinnischen Sprachen abspiegelt. «Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften», 1956. J. (Helsinki, 1957), стр. 186—206.

³ Теорию К. Явниса изложил К. Буга: K. Būga. Aistiški studijai, d: I. Petersburgas, 1908, стр. 27—31.

⁴ См.: K. Būga [Рец.]. J. Plakis. Daži attistības puosmi latviešu un leišu akcenta vēsturē. «Tauta ir zodis», kn. 2, 1924, стр. 476 (= Būga III 712).

рованных и окситонированных имен в севернобалтийском в основном совпадало с пралитовским распределением.

Гипотезу К. Явниса подверг тщательной проверке Э. Ниёминен⁵. Он показал, что распределение балтийских заимствований по классам *o*- и *a*-основ в прафинском отнюдь не идентично литовскому распределению окситонированных и баритонированных *ā*-основ. Если считать прибалтийскофинское противопоставление *-o* : *-a* отражением севернобалтийского противопоставления *ā* : *-a*, для севернобалтийского, по Ниёминену, следует реконструировать баритонезу во всех *ā*-основах с долгим корневым слогом (т. е. слогом, содержащим дифтонг, дифтонгическое сочетание или долгий гласный) и окситонезу во всех *ā*-основах с кратким (содержащим краткий гласный) корневым слогом. Такое распределение указывает, по мнению Ниёминена, на происшедшее в севернобалтийском оттягивание ударения с конечного акутированного гласного на предшествующий долгий слог⁶.

Формулировка Э. Ниёминена нуждается, на наш взгляд, в некоторых уточнениях. По-видимому, следует говорить скорее об оттягивании ударения не с конечного акутированного слога, а лишь конкретно — с конечного **-ā*; причиной ретракции ударения могла быть в данном случае не акутированность конечного слога, а, например, его открытость⁷.

Такое оттянутое ударение можно реконструировать в следующих севернобалтийских *ā*-основах, восходящих к балтийским именам с подвижной акцентуационной парадигмой, в которой форма Nom. Sing. была окситонирована (характер прибалтийской парадигмы восстанавливаем на основании литовских и латышских данных):

сев.-балт. **'ansa* 'петля, ручка посуды' (> пф. **ansa*: фин. *ansa*, восток. *āsa*, эст. *aas*, Gen. *aasa*, ср. саамск. норв. *vuosse* < пф.) < балт. **ansā*, подв. а. п. (ср. лит. *asà*, 4, а. п.⁸);

сев.-балт. **'k'arna* 'древесная кора' (> пф. **kārna*: фин. *kaarina*) < балт. **karnā*, подв. а. п. (ср. лит. *karnà* 'березовое лыко', 4, а. п.);

сев.-балт. **'š'alna* 'заморозок, иней' (> пф. **šalna*: фин. *halla*, вепс. *hal*, эст. *hall*, Gen. *halla*, ср. саам. *suoldne* < пф.) < балт. **šalnā*, подв. а. п. (ср. лтш. *salna*; лит. *šalnà*, 4 а. п.);

сев.-балт. **'d'erva* 'деготь' (> пф. **terva*: фин. *terva*, вепс. *t'erv*, эст. *tõrv*, Gen. *tõrva*, ср. саам. *dar've* < пф.) < балт. *dervā*, подв. а. п. (ср. лтш. *darva*; лит. *dervà*, 4 а. п.).

Если лтш. *sluōta* 'метла', *mālka* 'полено', *āda* 'кожа', указывающие на подвижную а. п., сохраняют более древнее состояние, чем лит. *šlūota*, *mālka*, *ōda* (1 а. п.), оттягивание ударения следует предполагать и в сев.-балт. **sl'ūta* (> пф. **lūta*: фин. *luuta*, вепс. *lūd*, эст. *luud*, Gen. *lūa*), **m'alka* (> пф. **malka* || *malkka*: фин. *malka*, вепс. *malg*, эст. *malk*, Gen. *malga*), **'āda* (> пф. **wōta*: фин. *vuota* 'содранная шкура').

⁵ E. Nieminen. Der Stammaslaut der ins urfinnische entlehnten baltischen *ā*-Feminina und die Herkunftsfrage. — FUF, Bd. 22, 1934, стр. 5—66.

⁶ Ниёминен указывает на аналогичные условия ретракции ударения в литовских говорах с частично оттянутым ударением (ретракция с краткого конечного гласного на предшествующий долгий слог). См.: E. Nieminen. Der Stammaslaut..., стр. 47.

⁷ Аналогия с ретракцией в севернолитовских говорах едва ли подкрепляет формулировку Ниёминена: ведь в севернобалтийском в отличие от литовского сократились не конечные акутированные слоги, а конечные безударные.

⁸ При отсутствии колебаний в акцентуации в литовском литературном языке и по диалектам здесь и ниже ссылки на источники не даются. Здесь и далее а. п. — акцентуационная парадигма.

Естественно, что первоначально баритонированные имена с долгим корневым слогом сохранили свою баритонезу в севернобалтийском: сев.-балт. **vilna* 'шерсть' (> пф. **wilna*: фин. *villa*, вепс. *vil*, эст. *vill*, pl. *villad*) при лтш. *vilna*, лит. *vilna*, 1 а. п.; сев.-балт. **šarka* 'сорока' (> пф. **šarakka*: фин. *harakka*, эст. *harak*, Gen. *haraka*) при лит. *šarka*, 1 а. п.; сев.-балт. **p'auņa* 'сумка' (> пф. **pauna*: фин. *pauna*, эст. *paun*, Gen. *pauna*) при лтш. *paūņa*; сев.-балт. **l'aiva* 'судно' (> пф. **laiwa*: фин. *laiva*, вепс. *laiv*, эст. *laev*) при лтш. *laīva*; вероятно, сев.-балт. **l'āma* 'впадина, лощина' (> пф. **lōma*: фин. *luoma*) при лтш. *lāma* (акцентуация лит. *lomà*, 4 а. п., по-видимому, вторична).

С другой стороны, в немногочисленной группе севернобалтийских *ā*-основ с кратким корневым слогом обнаруживается явное распределение по двум акцентуационным парадигмам, совпадающее с пралитовским распределением соответствующих имен.

Баритонированная акцентуационная парадигма Сев.-балт. **v'arsa* 'оса' (> пф. **warsa*:- фин. *vapsahainen*, кар. *voap-sahaiñe*⁹) < балт. **vāpsā*, бар. а. п. (ср. лит. *vapsā*, *vapsvā*, 2 а. п. наряду с 4 а. п.¹⁰);

сев.-балт. **š'ikšna* 'ремень' (> пф. **šišna*: фин. *hihna*, вепс. *h'ihn*, pl. *h'ihnad*, эст. *ihn*, ср. саамск. кольск. *šišne* < пф.) < балт. **šikšnā*, бар. а. п. (ср. лит. *šikšnā* 'сыромять' 2 а. п. наряду с 4 а. п.¹¹);

сев.-балт. **pūra* 'боб' (> пф. **pura*: ливск. *pubā*, с диссимилятивным отпадением *p*-вотск. *ura*, Gen. *uva*, эст. *uba*, Gen. *oa*) < балт. **p'urā* (ср. лит. *purā* 2 а. п.).

Баритонированными в севернобалтийском были также *ā*-основы **n'aba* 'пуп' (> пф. **nara*: фин. *nara*, вепс. *naba*, эст. *naba*), **d'agla* 'трут' (> пф. **taŕla*: фин. *taula*, кар. *tagla*, эст. *tael*, Gen. *taela*) и **d'aba* 'обычай, природа, свойства' (> пф. **tapa*: фин. *tapa*, вепс. *taba*, эст. *taba*), первоначальную акцентуацию которых определить нельзя ввиду отсутствия литовских данных (ср. лтш. *naba*, *dagla*, *daba*¹²).

Подвижная акцентуационная парадигма Сев.-балт. **šak'ā* 'ветвь, срубленное дерево' (> пф. **šako*: фин. *hako*, вепс. *hago*, эст. *hagu*) < балт. **šakā*, подв. а. п. (ср. лит. *šakā* 'ветка', 4 а. п.);

сев.-балт. **gub'ā* 'сноп, связка' (> пф. **kupo*: фин. *kupo*, вотск. *kupo*, эст. *kubi*, *kubo*) < балт. *gubā*, подв. а. п. (ср. лит. *gubā* 'суслон, крестец', 4 а. п.);

сев.-балт. **vag'ā* 'борозда' (> пф. **wako*: фин. *vako*, вепс. *vago*, эст. *vagu*, *vago*) < балт. **vagā*, подв. а. п. (ср. лит. *vagā*, 4 а. п.);

сев.-балт. **sal'ā* 'остров на болоте' (> пф. **salo*: фин. *salo*, кар. *šalo*, эст. *salu*) < балт. **salā*, подв. а. п. (ср. лит. *salā* 'остров', 4 а. п.);

⁹ Ливск. *vaṗs*, pl. *vaṗsūd* может восходить к пф. **wapsoj* или **wapso*. Первая из указанных праформ более вероятна, несмотря на возражения Э. Ниёминена (см.: E. Nieminen. Der Stammauslaut..., стр. 33—35): в ливском представлено производное уменьшительное (суффикс *-oi*), как и в лтш. *lapsene*, двал. *var-sine*.

¹⁰ 2 а. п. — жемайтские и восточноаукштайтские говоры: Явн. 93, Otrėbski WNT 229, Šlap. LL; 2 или 4 а. п.: Кам., DLKŽ; 4 а. п.: KGr 178, Явн. 93, LKRŽ. — В тех случаях, когда в литовском обнаруживаются такого рода колебания между баритонированной и подвижной а. п., более древнее состояние как правило отражает вариант с баритонезой, ср. В. М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963, стр. 17, 18.

¹¹ 2 а. п. — восточноаукштайтские говоры, см.: Būga I, 274—275, LKRŽ; 4 а. п.: KGr 178, Šlap. LL, Кам., DLKŽ.

¹² Лит. *dabā* (4 а. п.) — слово литературного языка, введенное книжным путем из латышского (ср. E. Nieminen. Der Stammauslaut..., стр. 37), так что его акцентуация не показательна.

сев.-балт. **sprag'ā* 'щель, трещина' (> пф. **prako*: фин. *rako*, кар. *rago*, эст. *ragu*, *pragu*) < балт. **spragā*, подв. а. п. (ср. лит. *spragà* 'щель', 4 а. п.)¹³.

Таким образом прабалтийское противопоставление баритонированной и окситонированной а. п. сохранено в севернобалтийском в Nom. Sing. *ā*-основ с кратким корневым слогом; можно думать, что это противопоставление было сохранено всей системой имен, несмотря на процессы ретракции, прошедшие в определенных формах. Случаи с пф. -*a* при кратком корневом слоге восходят к именам с баритонированной а. п. (следовательно, отпадает необходимость объяснять их различного рода выравниваниями, как это делает Э. Ниеминен¹⁴); случаи с пф. -*o* восходят к именам с подвижной а. п. По-видимому, закон Фортунатова-де Соссюра не действовал в севернобалтийском: на это указывает отсутствие переноса ударения на конечное акутированное *-ā* в Nom. Sing. *ā*-основ с баритонированной а. п.¹⁵.

Дополнительные сведения о севернобалтийской акцентуации дает исследование консонантизма заимствованных из балтийского прибалтийскофинских слов. Уже давно было отмечено, что в то время как балтийские звонкие *b, d, g* в неначальной позиции регулярно передаются как пф. **p* (*p* ~ *β*), **t* (*t* ~ *δ*), **k* (*k* ~ *γ*), балтийские глухие *p, t, k* отражены двояко: 1) как пф. **p, *t, *k* и 2) как геминаты — пф. **pp* (*pp* ~ *ṗp*), **tt* (*tt* ~ *ṭt*), **kk* (*kk* ~ *ḱk*)¹⁶. Удовлетворительного объяснения это распределение не получило.

Если оставить в стороне прибалтийскофинские основы на *-oi, -es* (где первоначальное соотношение геминат и простых смычных затемнено поздними выравниваниями¹⁷) и слова с долгим гласным первого слога (в этой позиции геминаты были, вероятно, невозможны в прафинском¹⁸), двоякую рефлексацию севернобалтийских глухих можно связать с акцентуационными особенностями слов-источников¹⁹. Связь эту можно

¹³ Пф. **puḍro* || *putro* 'каша, род киселя' (фин. *puuro*, *putro*, венс. *pudr*, Gen. *pudron*, эст. *pudr*, Gen. *pudru*), казалось бы, указывает на сев.-балт. **putr'ā* при лит. *putrà*, 2 и 4 а. п. (2 а. п. — Kam., LKRŽ, DLKŽ, 4 а. п. — Šlap. LL), что не согласуется с описанным выше распределением. Однако лит. диал. *pùtera* (Vaga I 314) указывает на исходное трехсложное образование **puṭerā*; в прибалтийскофинском же для трехсложных образований отмечается явная тенденция к смещению *a-* и *o-* основ (см.: Bj. Collinder. Die urgermanische Lehnwörter im Finnischen. Uppsala, 1932, стр. 42—44). Ср. еще: пф. **lapido* || *lapida* 'лопата' (фин. *lapio*, венс. *labid*, pl. -*od*, южн.-эст. *lapjo* || фин. *lapia*, кар. *labia*) при лит. *lopeṭà*, 3 а. п.; пф. **atiwo* 'гость' (кар. *ad'ivo*, венс. *ad'iv*) при лит. *atėiva* 'пришелец', 1 а. п.; пф. **nukero* 'хребет, кончик' (фин. *nukero*, ливск. *nugār*) при лит. *nūgara*, *nugarà* 'спина', 1 и 3 а. п. (ср. Skardžius DA 91, 94).

¹⁴ E. Nieminen. Der Stammauslaut..., стр. 36—37.

¹⁵ Аналогичный вывод сделал уже К. Буга (указ. рец., стр. 476).

¹⁶ См.: J. Kalima. Указ. соч., стр. 52—55; Bj. Collinder. Die urgermanische Lehnwörter..., стр. 83—96 (дается история вопроса).

¹⁷ Ср. Bj. Collinder. Указ. соч., стр. 131—164. — Сюда относятся случаи: пф. **kouko* 'нечистая сила' (ст.-фин. *koukoi*) ~ лит. Pl. *kaĩkai*, 2 а. п. (при *kaukai*); пф. **lau(k)kes* 'животное с пятном на лбу' (эст. *lauges*, фин. *laukki*) ~ лит. *laukis*, 2 а. п.; пф. **kur(t)tes* 'глухой' (венс. *kurdyž*, эст. *kurt*) ~ лит. *kuřėias*; пф. **keltes* 'кора, кожа' (фин. *kelle*, *kelteen*) ~ лит. *skiltis*, 1 а. п. 'ломоть', пф. **šeltis* 'жара' (фин. *helle*, *helteen*) ~ лит. *šiltis*; пф. **kanteles* 'кантеле' (фин. диал. *kanteles*) ~ лит. *kaĩklės*.

¹⁸ См.: E. Ittkonen. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen. — FUF, Bd. 29, 1946, стр. 270. — Здесь следует отметить соответствия: пф. **lūta* 'мергла' (фин. *luuta*) ~ лтш. *sluōta*, лит. *šluota*, 1 а. п.; пф. **nīti* 'ниточки' (фин. *niisi*) ~ лтш. *nīts*, лит. *nūtis*, 1 а. п.; пф. **liika* 'лишний, излишек' (фин. *liika*) ~ лит. *lykà*, 4 а. п., пф. **nōtes* (фин. диал. *nuode* 'муж сестры', pl. *nuoteet* 'проводящие невесту') ~ лтш. диал. *znūotis*.

¹⁹ Впервые подобную гипотезу выдвинул Т. Карстен (Т. Е. Karsten. Zur

сформулировать так: 1) прибалтийскофинские геминаты представлены в тех случаях, когда глухому согласному в балтийском предшествовал подударный акутированный слог или подударный слог с кратким гласным (пф. *-*artta*-, -*atta*- < сев.-балт. *-*ārta*-, -*ata*-²⁰); 2) прибалтийскофинские простые смычные представлены в тех случаях, когда глухому согласному в балтийском предшествовал безударный слог (пф. *-*arta*-, -*ata*- < сев.-балт. *-*art'a*-, -*at'a*-) и подударный циркумфлектированный слог (пф. *-*arta*- < сев.-балт. -*ārta*-).

1. Пф. *-*artta*-, -*atta*- < сев.-балт. -*ārta*-, -*ata*-.

Пф. *kurppa*²¹ 'башмак' (фин. *kurpponen*, *kurppinen*, эст. диал. *kurpa-kingad*) < сев.-балт. *k'ūrpa* (ср. лтш. *kuīpe*, лит. *kūrpė* 1 а. п.);

пф. *-*sarakka* 'сорока' (фин. *harakka*, кар. *harakka*, эст. *harak*, Gen. *haraku*²²) < сев.-балт. *šārka*²³ (ср. лит. *šārka*, 1 а. п.);

пф. *-*waikku* 'сила' (фин. *vaikku*) < сев.-балт. *-*vāika* (ср. лит. диал. *vieka* 'сила', 1 а. п.²⁴);

пф. *-*mulkki* 'простак, дурак' (эст. *mul'k* ливск. *mu'l'kki*) < сев.-балт. *m'ülki* (ср. лит. *mūlkis*, 1 а. п.);

пф. *-*ajattara* 'сказочное существо, леший' (фин. *ajattara*, *ajattaro*, эст. *äijätär*) < сев.-балт. *-*ait(v)ara* (ср. лит. *aitvaras*, диал. *aitivaras* 'сказочный змей');

пф. *-*kaikki* 'весь' (фин. *kaikki*, вепс. южн. *kaik*, эст. *kõik*) < сев.-балт. *-*k'āika* (ср. лит. *kiek*, диал. *kiekagi*²⁵ < *-*kieka* 'сколько', *kiekvienas* 'каждый', лтш. диал. *ciēk*, *ciēk*)²⁶;

пф. *-*rattas* 'колесо' (фин. *ratas*, Gen. *rataan*, кар. *rataš*, Gen. *rat-tahan*, эст. *ratas*) < сев.-балт. *r'atas* (ср. лит. *rātas*, 2 а. п.);

пф. *-*täyüttäs* 'деготь' (южн.-эст. *täudäs*, Gen. *täütä*²⁷) < сев.-балт. *-*deg'utas* (ср. лит. *degūtas*, 2 а. п.).

Сюда же следует отнести два случая, когда в литовском обнаруживаются акцентуационные колебания: пф. *-*laukkas* || *laukka* 'животное с белым пятном на лбу' (фин. диал. *laukas*, Gen. *laukkahan*, *laukainen*, эст. *lauk*, Gen. *lauga*) < сев.-балт. *l'āuka(s)* (ср. лит. диал. [жемайтск.] *lāukas* при более обычном, но вторичном *laūkas* 'с пятном на лбу'²⁸);

Kenntnis der älteren germanischen Lehnwörter des Ostseefinnischen. «Acta Philologica Scandinavica», Aarg I. København, 1926, стр. 261); не подтвержденная анализом материала, она не получила поддержки (ср. Bj. Collinder. Указ. соч., стр. 102).

²⁰ Здесь *a* — любой гласный, *g* — сонант (включая -*i*, -*u*), -*t*- простой смычный, -*tt*- гемината; место ударения в севернобалтийском (') указываем отдельно от интонации.

²¹ *a* — гласный (точная характеристика неизвестна).

²² Вариант *-*sarakka*, ограниченный вепсским и соседними говорами (вепс. *harag*, вотск. *arag*), следует считать вторичным.

²³ Точнее *-*šaraka* с анапактическим гласным; формы такого рода широко представлены в латышских диалектах (Земгале).

²⁴ Būga II 396.

²⁵ Būga II 426.

²⁶ Если первоначально окситонированная форма *-*kaik'a*, на что указывает лтш. *ciēk*, ст.-лит. *kiekas*, Gen. *kiekō* (Даукша, см. Skardžius DA 191), в севернобалтийском представлено оттягивание ударения с конечного открытого слога.

²⁷ Хотя слово известно только в южноэстонском, оно не может быть поздним заимствованием из латышского ввиду сохранения конечного -*as* (см.: E. Nieminen. Beiträge zu den baltisch-ostseefinnischen Berührungen. «Rakstu Krājums veltījums...» Dr. Jānim Endzelīnam». Rīga, 1959, стр. 202) и принципиально соотносимо с прафинскими заимствованиями из севернобалтийского.

²⁸ В жемайтском представлена метатония в прилагательном, образованном от имени с циркумфлектированным корнем (ср. другие случаи такого рода — Būga II 387).

пф. *kukkurz*, 'лопатки, загривок' (кар. *kukkurī*, эст. *kukru*) < сев.-балт. **k'ikurei* (ср. лит. диал. *kūkuriai* 'спина'²⁹ при более обычном *kūkūriai*).

Если лтп. *mālka*, указывающее на подвижную а. п., точнее отражает прабалтийское состояние, чем лит. *mālka* (1 а. п.), колебания в прабалтийскофинском (**malkka* || *malka*: эст. *malk*, ген. *malga*, ливск. *mālķka* || фин. *malka*, венс. *malg*, вотск. *malka*) можно истолковать как отражение подвижной парадигмы языка-источника: сев.-балт. Nom. Sing. **m'ālka*, Gen. Sing. **malk'ās* и т. п.)³⁰.

2^a. Пф. **-arta-*, **-ata-* < сев.-балт. **-art'a-*, **-at'a-*

пф. **lapido* 'лопата' (фин. *lapio*, венс. *labid*, Pl. *-od*, южн.-эст. *lapjo*) < сев.-балт. **lapit'ā* (ср. лит. *lopetā*, 3 а. п.)³¹;

пф. **lunka* 'отставание лыка от ствола' (фин. *lunka*; *lunkanaika* 'время, когда лыко отстает от ствола') < сев.-балт. **lunk'an*, ср. р. (ср. лтп. *lūks* 'лыко', лит. диал. *lūnkas*, 3 а. п.)³² при более обычной 1 а. п.);

пф. **šako* 'ветвь; срубленное дерево' (фин. *hako*, венс. *hago*, эст. *hagu*) < сев.-балт. **šak'ā* (ср. лит. *šakā*, 4 а. п.)

пф. **kayla* (< **kakla*, ген. *kaylan*... с обобщением γ) 'шея' (фин. *kaula*, кар. *kagla*, венс. *kagl*, Pl. *kaglad*, эст. *kael*) < сев.-балт. **kak-l'an*, ср. р. (ср. лит. *kaklas*, 4 а. п.);

пф. **ätälä* 'отава' (фин. *atelä*, вотск. *ätälä*, эст. *hädäl*) < сев.-балт. **et'āla* (ср. лит. *atolas*, 1 а. п.);

пф. **atiwo* 'гость' (фин. *ativot*, pl. 'ежегодное посещение родных'; кар. *ad'ivo* 'гость', венс. *ad'iv*) < сев.-балт. **at'ēiva* (ср. лит. диал. *atēiva* 'пришелец', 1 а. п.)³³;

пф. **kūpärä* 'шлем, шапка' (фин. *kypärä*, вотск. *čūpār*, эст. *kūbar*) < сев.-балт. **kep'ure* (ср. лит. *kepūre* 'шапка', 2 а. п.);

пф. **mortjan* 'невеста, молодуха' (фин. *morsian*, венс. *mořžā*, эст. *mōrsja*) < сев.-балт. **martj'ān* (ср. лит. *martī*, 'невеста, молодая', 4 а. п.).

2^b. Пф. **-arta-* < сев.-балт. **-ařta-*

пф. **mäntä* 'пест, мутовка' (фин. *mäntä*, вотск. *mäntä*, эст. *mänd*)³⁴ < сев.-балт. **m'eñte* (ср. лит. *meñtė*, 2 а. п., наряду с *mentė*, 4 а. п.)³⁵;

пф. **lautā* 'доска' (фин. *lautā*, венс. *lauđ*, эст. *laud*, ген. *laua*) < сев.-балт. **pl'aūtan* (ср. лит. *plau̯tas* 'доска, полók', 2 а. п.);

²⁹ Būga III 995.

³⁰ В случае пф. **ripa* 'боб' (вместо ожидаемого **rippra*) < сев.-балт. **p'upa* следует считаться с возможностью диссимилятивных преобразований (ср. диссимиляцию в эст. *uba*, вотск. *upa*). Неясны отношения балт. **i'lltan* 'мост' (лтп. *tilts*, лит. *tiltas*, 1 а. п.) и прибалтийскофинского названия моста (фин. *silta*, венс. *šūpd*, эст. *sild*); по-видимому, последнее нельзя отделять от морд. (эрз.) *seđ'*, (мокш.) *s'ed'*, что предполагает исходное **šilta* (а не **tilta*). Возможно, здесь мы имеем дело с заимствованием из балтийского, но явно не из севернобалтийского, где **ti-* сохранялось.

³¹ Форма *lōpeta*, отмечаемая рядом словарей, в действительности не существует, см.: Būga III 656.

³² Дзукский район Kaltanėnai, см.: Вольтер LX II 386.

³³ Būga II 396.

³⁴ Фин. диал. *māntty* — явно вторичное образование с уменьшительным суффиксом.

³⁵ 2 а. п. — западноаукштайтские говоры: Gerullis—Stang 85, Kur. LD, Kam. и др.; 2 или 4 а. п.: NS; 4 а. п.: Kur. DL II 172a, Šlap. LL, LKRŽ, DLKŽ.

пф. * *leuka* 'подбородок' (фин. *leuka*, вепс. *leug*, эст. *lõug*, Gen. *lõuga*) < сев.-балт. * *leūka* (ср. лит. *liaukà* 'опухоль', 2 а. п. наряду с 4 а. п.)³⁶;

пф. * *kelta* 'желтый цвет, название желтых растений' (фин. *kelta*, вепс. *kelä*, эст. диал. *kõld*) < сев.-балт. * *g'elta* (с оттягиванием ударения < * *geltā*, ср. лит. *gėltà*, 4 а. п.);

пф. * *mārkā* 'мокрый, гной' (фин. *mārkä*, вепс. *mārg*, эст. *mārg*) < сев.-балт. * *m'eřka* (с оттягиванием ударения < * *merkā*, ср. лит. *markà* 'мочка льна, яма для мочки льна', 4 а. п.);

пф. * *talkos, taljos* 'помочь' (кар. олонец. *talloh*, Gen. *talgehon*, вепс. *tāguh*, Gen. ~ *un*, эст. *talgu*, pl. *talgud*; *†talos*, Gen. *talgo*) < сев.-балт. * *t'alkās*, Nom. Pl. к * *talkā* (ср. лит. *talkà* 'помочь', 4 а. п.)³⁷.

Различная передача балтийских глухих в зависимости от акцентуационного окружения становится понятной, если учесть, что в прафинском распределение аллофонов многих фонем стояло в определенной связи с «ритмическим рисунком» слова; так, в частности */pp/*, */tt/*, */kk/* выступали при отсутствии побочного ударения, а */ṗp/*, */ṡt/*, */ḱk/* (позднее *p*, *t*, *k*) при его наличии: пф. */sitta/*, Gen. */sittān/* > фин. *sitta*, Gen. *sitan* 'грязь'.

Поскольку основное ударение было закреплено за первым слогом слова, фонологический характер в прафинском имело именно побочное ударение и именно с ним соотносилось фонологическое ударение севернобалтийского.

Анализ прибалтийскофинского консонантизма подтверждает, таким образом, разноместность ударения в севернобалтийском, существование двух акцентуационных парадигм и наличие ретракции ударения в определенных позициях. Он указывает также на различие между рефlekсами прабалтийского акута и циркумфлекса; отсутствие геминации после подударного циркумфлектированного слога предполагает, по-видимому, отсутствие резко выраженной интонационно-экспираторной кульминации, существовавшей в рефlekсах акута и подударной краткости.

Реликты другой балтийской акцентуационной системы сохранены латышским: речь идет о латышских диалектных словах, заимствованных из долатышского балтийского субстрата (куршский и близкие к нему языки). Рассматривая наиболее ясную группу таких заимствований — слова с сохранением тавтосиллабического *-n*-³⁸, обнаруживаем, что в них рефlekсом прабалтийского циркумфлекса, как правило, является плавная интонация ~ (в то время как в собственно латышских словах прабалтийский

³⁶ 2 а. п.: Kam., LKRŽ, DLKŽ; 2 или 4 а. п.: NS; 4 а. п.: Šlap. LL.

³⁷ Неясным остается пф. * *pirtti* 'деревянная баня, изба' (фин. *pirtti*, кар. *pertti*, вепс. *pert*): при лит. *pirtis* 'баня', 4 а. п., ожидался бы пф. *-i-*; * *pirtti*, *pertti* нельзя отделить от мар. *pört* 'дом' < * *pertti* (> чув. *pürt*). Стоит принять во внимание возможность передачи балтийского слова в финский через севернорусское посредство (новгородск. *пърть* 'баня'), ср. другой «банный» термин — пф. * *vasta* < сев.-русс. * *xvost* 'веник'.

³⁸ Наиболее полный список таких слов дал К. Буга (см.: К. Būga. Lietuvių kalbos žodynas. Kaunas, 1924, стр. XCVIII—CVII) ср. также: J. Endzelīns. Über die Nationalität und Sprache der Kuren. — FUF, Bd. 12, 1912, стр. 68—72. Он же. Zu den kurischen Bestandteilen des Lettischen. — IF, Bd. XXXIII, 1913—1914, стр. 96—104; V. Kiparsky. Die Kurenfrage. Helsinki, 1939, стр. 450—454.

циркумфлекс отражен как нисходящая интонация, а плавная интонация ~ является рефлексом акута в баритонированной а. п.):

лтш. диал. *beñdrs* 'товарищ' < балт. **beñdras* (лит. *beñdras*, лтш; *biedrs*);

лтш. диал. *meñte* 'мутовка' < балт. **meñtē* (лит. *meñtē*, лтш. *mieturis*);

лтш. диал. *krañts* 'берег' < балт. **krañtas* (лит. *krañtas*);

лтш. диал. *gañdrs* 'аист' < балт. **gañdras* (лит. *gañdras*);

лтш. *dziñtars* 'янтарь' < балт. **giñtaras* (лит. жем. *giñtaras*³⁹);

лтш. диал. *lañktis*, pl. 'навой' < балт. **lañktis* (лит. *lañktis*, -čio);

лтш. *lañka* 'заливной луг' < балт. **lañkā* (лит. *lanškà* 2 и 4 а. п.);

лтш. диал. *leñta* 'доска' < балт. **lentā*, *leñtan* (лит. *lentà*, 4 а. п.);

лтш. диал. *bañda* 'скот' < балт. **bandā*, *bañdan* (лит. *bandà* 'стадо', 4 а. п.);

лтш. *bañga* 'волна' < балт. **bangā*, *bañgan* (лит. *bangā*, 4 а. п.);

лтш. диал. *ceñkle* 'подколенная ямка' < балт. **kenklē*, *keñklen* (лит. *kenklē*, 4 а. п.).

Менее определены рефлексы прибалтийского акута; здесь обнаруживаются колебания:

лтш. *skrañdas*, pl. 'лохмотья' || *skrañda*, *skrànda*² (< **skrañda*) 'лоскут' < балт. **skrándā* (лит. *skrándā*);

лтш. *sprañds*² (< **sprañds* или **sprànds*) || *sprañds* 'затылок' < балт. **sprándas* (лит. *sprándas*, 3 а. п.);

лтш. *brañgs*² (< **brañgs* или **bràngs*) || *brañgs* 'дородный, тучный' < балт. *brángus* (лит. диал. *brángus*, лит. *brangūs*, 3 а. п. 'дорогой');

лтш. диал. *meñce* 'треска' < балт. **ménkē* (лит. *ménkē*);

лтш. диал. *spañda* 'часть плуга' < балт. **spándā* (лит. диал. *spándā*, 1 а. п., *spandā*, 3 а. п. 'опора').

Можно думать, что, по крайней мере, в части «долатышских» говоров прабалтийское противопоставление «циркумфлекс — акут» было отражено как противопоставление «плавная (слабовосходящая) интонация — прерывистая интонация». Нельзя не отметить, что именно такая рефлексация прабалтийского противопоставления обнаруживается в жемайтских говорах литовского, развивавшихся на куршском субстрате; с другой стороны, в западнолатышских говорах, также занимающих частично куршскую территорию, пралатышская система трех интонаций упрощена в двоичную систему с плавной и прерывистой интонациями⁴⁰. Все эти факты говорят как будто о том, что «долатышская» акцентуационная система была собственно куршской системой. Не исключена возможность, что она является непосредственным потомком севернобалтийской системы, описанной выше⁴¹.

³⁹ Но лит. аукштайтск. *gintāras*, лтш. диал. *džiñtars*.

⁴⁰ О связи жемайтской и западнолатышской систем см. напечатанную в этом сборнике статью: В. Гринавецкис. Историческое развитие ударения и интонаций жемайтских говоров литовского языка (в сравнении с латышским).

⁴¹ Ниеминен выдвинул предположение, что прафинский находился в контакте именно с куршским языком (ср. E. Nieminen. Der Stammaslaut..., стр. 56—64). Эта интересная гипотеза, несомненно, заслуживает тщательной проверки.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

балт.	— балтийский	морд.	— мордовский
вепс.	— вепсский	пф.	— прибалтийскофинский
вотск.	— вотский	сев.-балт.	— северобалтийский
кар.	— карельский	ст.-лит.	— старо-литовский
ливск.	— ливский	фин.	— финский
лит.	— литовский	чув.	— чувашский
лтш.*	— латышский	эст.	— эстонский
мар.	— марийский	южн.-эст.	— южно-эстонский
мокш.	— мокшанский		

- Вольтер ЛХ—Вольтер Э. А. Литовская хрестоматия, т. I—II. СПб., 1901—1904
 Явн.—Явнис К. И. Грамматика литовского языка. СПб., 1908—1916
 Būga—Būga K. Rinktiniai raštai, t. I—III. Vilnius, 1958—1962
 Gerullis—Stang—Gerullis J., Stang'as Ch. Lietuvių žvejų tarmė Prūsiose. Kaunas, 1933
 DLKŽ—Dabartinės lietuvių kalbos žodynas. Red. J. Balčikonis. Vilnius, 1954
 Kam.—Kamantauškas V. Trumpas lietuvių kalbos kirčio mokslas. II D. Kirčio žodynas. Kaunas, 1929
 KGr—Kurschat F. Grammatik der littauischen Sprache. Halle, 1876
 Kur. DL—Kurschat F. Deutsch-Litauisches Wörterbuch. Bd. I—II. Halle, 1870—1874
 Kur. LD—Kurschat F. Litauisch-Deutsches Wörterbuch. Halle, 1883
 LKRŽ—Lietuvių kalbos rašybos žodynas. Kaunas, 1948
 NS—Niedermann M., Senn A., Brender F., Salys A. Wörterbuch der litauischen Schriftsprache. Bd. I—III. Heidelberg, 1932
 Otrębski WNT—Otrębski J. Wschodniolitewskie narzecze twerecke, cz. I, III. Kraków, 1932—1934
 Skardžius DA—Skardžius P. Daukšos akcentologija. Kaunas, 1935
 FUF—Finnisch-ugrische Forschungen
 Šlap. LL—Šlapelis J. Lenkiškas lietuvių kalbos žodynas. 2 laida. Vilnius, 1940

*Цит. по словарю: Mühlenbach K. Lettisch-deutsches Wörterbuch, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin, Bd. I—IV. Riga, 1923—1925.

Р. П. У с и к о в а

ОБ УДАРЕНИИ В СОВРЕМЕННОМ МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматривается современное состояние македонского ударения.

Как известно, современные македонские говоры представляют большое разнообразие в отношении ударения. На территории македонских говоров исследователи обнаружили несколько различных акцентных систем, каждая из которых имеет свои особенности. Эти акцентные системы представляют различные этапы в развитии македонского ударения.

Рассмотрение современного состояния систем ударения в македонском языке необходимо как для изучения истории ударения в македонском языке, прошедшем «своеобразный путь развития от разноместной тонально своеобразной системы древнейшего общеславянского языка до, в конечном счете, выработанной им и отчетливо выступающей теперь системы фиксированного ударения»¹, так и для изучения диалектной базы литературного македонского ударения.

На территории македонских говоров Б. Цонев определяет 5 акцентных систем². Вслед за Цоневым такое же деление принимает и А. М. Селищев³.

При рассмотрении вопроса о македонском ударении я исхожу из деления македонских говоров на пять групп по системам ударения, принятого Цоневым и Селищевым. В последнее время в Социалистической республике Македонии начато детальное изучение македонских говоров. Сведения об ударении отдельных говоров, сообщаемые в этих диалектологических описаниях, существенно дополняют и конкретизируют положения Цонева—Селищева.

Кроме материала, приведенного в диалектологических исследованиях последних лет⁴, я использую материал магнитофонных записей и записей на слух говоров Эгейской Македонии, собранный сотрудниками Института славяноведения АН СССР В. М. Илличем-Свитычем, Г. П. Клепиковой и Н. И. Толстым⁵ и любезно предоставленный в мое распоряжение. Эти данные публикуются впервые. По литературному македонскому языку используются примеры из грамматик Б. Конеского и Х. Ланта, а также материалы современной македонской поэзии.

¹ Л. А. Булаховский. Сравнительно-исторические заметки к македонскому ударению. — Труды УаГУ, новая серия, № 92. Самарканд, 1958, стр. 14.

² Б. Цонев. История на българский език, т. I. Изд. 2. София, 1940, стр. 350—402. — Далее в тексте — Цонев.

³ А. М. Селищев. Очерки по македонской диалектологии, т. I. Казань, 1918, стр. 259—262.

⁴ См. библиографию в конце статьи.

⁵ Список обследованных сел см. в конце статьи.

Общей, наиболее характерной для всех акцентных систем македонского языка является тенденция к закреплению ударения на втором и третьем слоге от конца слова⁶. Поэтому основными, наиболее характерными для македонского языка системами ударения являются две системы — акцентная система с фонетически подвижным ударением на третьем слоге от конца слова (или, точнее, акцентной группы) и акцентная система с фонетически подвижным ударением на втором слоге от конца слова (акцентной группы). Остальные три системы ударения можно считать переходными — между системой третьесложного и системой второсложного ударения, между болгарской системой подвижного разноместного ударения и системами македонского ударения и т. д.

1. Часть восточных говоров Вардарской Македонии имеет «неопределенно-неподвижное ударение» (по терминологии Цонева), которое может падать на один из трех последних слогов (— ' — ' — '). К говорам с этой акцентной системой Цонев относит кратовский, штипский и струмицкий. Селищев добавляет к ним говоры районов Кочани, Радовиш, Малешово и Пиянец. К говорам с этим типом ударения можно отнести и овчепольский говор⁷, который Цонев неправильно относил к говорам с «определенным третьесложным ударением».⁸

Эти говоры по фонетическим чертам относятся к различным группам. Так, кратовский — северномакедонский говор, штипский принадлежит к центральному говорам (наряду с велесским, битольским, прилепским), а струмицкий говор ближе к воденскому, хотя тоже является центральным.

Для говоров с неопределенно-неподвижным ударением характерна акцентная стабильность. В штипском говоре во всех формах одной и той же основы ударение падает на один и тот же слог: *град* — *гра́до* — *гра́дове*, *бѣца* — *бѣци*, *бра́да* — *бра́ди*, *бра́дите*, *плѣтам* — *плѣтеш* — *плѣтеме* и т. д., *покла́тѣм* — *покла́тѣме*, *купѣм* — *купѣме*; *зе́ма* — *зе́мамо* — *зе́мале* (Цонев).

В большинстве существительных кратовского говора⁹ ударение неподвижно. Так во всех односложных существительных, например: *сѣт* — *сѣдо* — *сѣдове*, *грѣп* — *грѣбишча*, *вук* — *вѣци* и т. д. (за исключением *вол* [*воу*] — *во́ло* — *во́лови* || *во́лови* и *поп* — *попѣви* || *попѣви*), в существительных с суффиксами *-ѣр*, *-ѣч*, *-ѣк*, *-ѣв*, *-ѣш* (ударение на первом слоге в единственном числе), *-ѣка*, *-ѣнка*, *-ѣлка*, *-ѣца* (ударение на втором слоге), *-ичка*, *-ница* (ударение на третьем слоге) и т. д. Подвижное ударение Видоески отмечает у слов *ора́ѣ* — *бра́и*, *глуше́ц* — *глу́сци*, *ил'а́до* — *ил'а́ди* и в некоторых других словах.

В глагольных формах презенса, имперфекта, императива, причастия на *-н* ударение падает на основу (у простых глаголов) или на суффикс *-ѣе*, *-ѣра*, *-ѣња*, *-ѣса* и т. д. В формах аориста и причастиях на *-л* (*у*) ударение падает на первый слог от конца слова; на приставку ударение падать не может (в западной части овчепольского говора

⁶ См. например: М. Małeckі. Systemy akcentowe gwar bułgarskich. «Sprawozdania PAU», XLIII, 1938; Он же. Drobiazgi z Macedonji. 5. O «polskim» przycisku w gwarach kostursko-lerinskiх. — Lud. Sł., t. III, 2, 1934.

⁷ Т. Маневик. Забелешки по овчепольскиот говор. — М. јаз. III, 1952, стр. 188—199.

⁸ Б. Цонев. История на българский език, т. III. Диалектологическая карта. София, 1937.

⁹ Б. Видоески. Местото на акцентот во кратовскиот говор. — М. јаз., III, стр. 58—63, 84—86, 105—108, 134—146; Он же. Северните македонски говори. — М. јаз., V, 1954, стр. 6—13.

ударение может падать на глагольную приставку: *зѣгина, зѣклаа*, что объясняется влиянием центральных македонских говоров).

И в штипском, и в кратовском говоре в именах ударение не падает на последний слог, если он открытый: *жѣна — жѣни, нѣдела, бѣграда, парѣчки, углидѣлу* и т. д. В глаголе (аорист) конечный открытый слог может быть подударным: *доидѣ*.

В отличие от штипского говора, в кратовском говоре некоторые слова имеют ударение на четвертом и даже пятом слоге от конца слова: *бѣволица(та), ѣребица* (и *ѣребица*), *тѣтковина(та)* и т. д. Однако количество таких слов невелико. Б. Видоески определяет кратовское ударение как «неопределенное, потому что оно может стоять на любом слоге, и ограниченно-подвижное, так как оно подвижно лишь у известной группы слов»¹⁰. Несмотря на то, что ударение кратовского говора не совсем сходно со штипским, оба говора имеют одну акцентную систему. В этой акцентной системе наблюдается тенденция к ударению на первом и втором слоге от конца слова¹¹.

Об особенностях ударения других говоров, относящихся по типу ударения к этой группе, материалами я не располагаю.

Ударение в рассматриваемой системе не зависит от состава акцентной группы¹², так как оно почти неподвижно даже в пределах самого слова. Это лишний раз доказал Б. Видоески, когда привел примеры из кратовского говора на все виды акцентных групп, имеющих в говорах с фонетически-подвижным ударением¹³.

II. Близкими по ударению к говорам рассмотренной группы являются говоры Водена, Меглена, Гевгели, Гюмедже, а также Кукуша и Дойрана с ударением, которое Цонев характеризует как «полуопределенное двухсложное первое». В этой акцентной системе ударение также имеет постоянное место для форм одного слова, но не может падать на третий слог, а только на последний или второй слог от конца слова (— — — —).

Между штипской и воденской акцентными системами много общего: ударение стабильно, неподвижно в разных формах одного и того же слова, исключая односложные существительные мужского рода и некоторые другие слова. Конечный открытый слог существительного всегда безударен.

Отличия касаются следующих групп слов:

1) односложные существительные имеют подвижное ударение (во множественном числе на втором слоге окончания): *град — градѣви* (штипское *градѣви*);

2) существительные мужского рода, у которых за счет окончания -и во множественном числе на один слог больше, чем в единственном, имеют ударение на последнем слоге основы. Так, в воденском типе встречаем не только *паѹн — паѹни, езиѹк — езиѹци*, как в штипском, но и *јодѣр — јодѣри* (из **odъr* > *ôdъr* || *oder*), *гѣвран — гѣврѣни* (штипское *гѣрван — гѣрвани*, болг. *гѣрван*);

¹⁰ Б. Видоески. Местото на акцентот во кратовскиот говор., стр. 61.

¹¹ Т. Маневик. Указ. соч.; Б. Цонев. История на българский език, т. I, стр. 372.

¹² Под термином «акцентная группа» я понимаю только такие сочетания слов, объединенных общим ударением, в которых место ударения в сочетании меняется в зависимости от состава сочетания. В этом смысле акцентные группы принципиально возможны только в системах фонетически подвижного ударения, закрепленного за определенным слогом слова или акцентной группы, например в акцентной системе западномакедонских говоров, где ударение закреплено за третьим слогом не знаменательного слова (т. е. слова, способного нести ударение), а всей акцентной группы: *дѣј_ми_го, дѣј_те_ми, дѣј_те_ми_го; кѣмо_го, камб_ти_го, камо_м_ти_го*.

¹³ Б. Видоески. Местото на акцентот во кратовскиот говор, стр. 145—146.

3) у существительных с конечным открытым слогом ударение всегда на втором слоге: *годи́на*, *плани́на*, *ре́ка*, *стра́на*, *рабо́та*, *пла́тно* и т. д. (ср. штипское *рабо́та*, *гбди́на*).

В глаголе воденское ударение не отличается от штипского. Однако в повелительном наклонении ударение подвижное, падает на второй слог: *плéти* — *плетéти*.

Членная форма не влияет на место ударения (как и в кратовско-штипской группе), но заударный слог может редуцироваться; *градо́ви* — *градо́в'те*¹⁴.

III. Западнее говоров с ударением на трех последних слогах и западнее и северо-западнее говоров с ударением на двух последних слогах расположены говоры с ударением на втором или третьем слоге (— — —) (так называемое «полуопределенное двусложное второе»). Цонев и Селищев относят к говорам с этой акцентной системой только области Тиквеша и Мариова. Ударение, идентичное с мариовским и тиквешским, находим и в говорах Велесской Клепы и восточной части Скопской Црной горы¹⁵. К этой системе я отношу и преспанско-леринский говор, который исследователи объединяли в одну группу с костурским¹⁶.

Материал леринского и костурского говоров свидетельствует о том, что леринское и костурское ударение неодинаково и что эти говоры по ударению относятся к разным группам. Если для костурского говора характерно ударение на втором слоге, то для леринского говора характерно, как увидим ниже, ударение на втором или третьем слоге (типа тиквешско-мариовского)¹⁷.

Рассмотрим, какие черты характерны для этой акцентной системы.

Замечается тенденция к установлению ударения на втором слоге, эта тенденция сильнее проявляется в именах, меньше в глаголе. Ударение может быть подвижным, т. е. в различных формах одного слова падать на различные слоги.

Большинство слов имеет ударение на втором слоге: *чо́век* — *чове́ци*, *э́зик* — *эзи́ци*, *па́вун* — *паву́ни*, *се́стра*, *ма́гла*, *темни́ца*, *решéто*, *цига́нка*, (Цонев), *ре́мен* — *реме́нье*, *пр́стен* — *прсте́ни* — *прсте́ња*, *амбар* — *амба́ри*, *ма́јстор* — *мајсто́ри* (Б. Видоески. Северните македонски говори), *нагани́чар*, *витка́льник*, *балти́ја*, *клепа́рка* (Ст. Поповски, Мариово), *чифчи́лак*, *котли́на* (Руд., Лер.), *ду́пче* — *дупчи́на* (Жель., Лер.), *черве́и*, *пагу́рче*, *ода́ја*, *ба́лкон*, *риба́ри* (Път., Лер.), *за́ек* — *заја́ци* (Оровн., Лер.).

Часть существительных имеет ударение на третьем слоге (в различных говорах разные существительные): *со́бота* (Гражд. Лер.), *рабо́та*, *са́бота*, *не́дела*, *пла́нина* (И. Филиппоски, Негот.; Руд., Лер.), *реса́чки*, *ша́мии*, *че́решна*, *пче́ница*, *ми́сирка* (Руд., Лер.), (но и *неде́ла*, *рабо́та* — Цонев), *ка́ршилак* (Ст. Поповски, Мариово), *э́зеро*, *има́нье*, *огле́ндало*

¹⁴ Один раз я отметила добавочное ударение, более слабое, чем основное: *чипара́шката* (магнитофонная запись говора с. Тресино, Воденско).

¹⁵ Б. Видоески. Северните македонски говори. — М. јаз., V, стр. 125. — Б. Видоески считает, что идентичность в акценте этих говоров должна объясняться не влиянием тиквешско-мариовских говоров на говоры Црной горы, а какими-то другими причинами.

¹⁶ Например: М. Małeckі. Drobiazgi z Macedonji, 5. O «polskim» przycisku w gwarach kostursko-lerińskich. — Lud. Śk., t. III, 2, 1934; Б. Цонев. История на българский език, т. I, стр. 380—384; А. М. Селищев. Очерки по македонской диалектологии, т. I. Казань, 1918, стр. 260.

¹⁷ Об этом же свидетельствуют записи преспанского говора, произведенные С. Н. Томичем в 1889 г. (см.: Б. Конески. Материали за преспанскиот говор од збирката на С. Н. Томиќ. — М. јаз., VIII, 1957, стр. 173—219).

(Гражд., Лер.), *сочѣнило*, *јабољко* (Руд., Лер.), *раќав* — *раќави*, *чо́рап* — *чо́рапи*, *ра́мене* (Руд., Лер.); так же в односложных существительных мужского рода при образовании множественного числа: *рет* — *ре́дои*, *вол* — *во́лови* (Лер.), *лво́ви* (Път., Лер.), *сват* — *сва́тови* || *сва́тови* (Цонев). Колебания в ударении возможны и в одном и том же слове одного и того же говора, например *ко́лѣнда* (Гражд., Лер.).

В глаголе ударение более стабильно. В форме настоящего времени наблюдается неподвижность ударения. Ударение падает на основу — корень или суффикс: *не́маш* — *не́маме*, *збо́рувам* — *збо́руваме*, *збо́рувате* (Гражд., Лер.) *јас си ве́ла* — *ве́лиме* (Жель., Лер.). В 1-м и 2-м лице множественного числа настоящего времени ударение всегда на третьем слоге: *ка́жеме*, *помі́неме*, *изле́земе*, *и́деме*, *сто́рите*, *ста́ните* (Цонев), *рабо́таме*, *пре́дима*, *ме́сима* (Гражд., Лер.).

В аористе и формах, образованных от основы аориста, ударение падает на второй слог. Так в неготинском говоре; см. также: *оти́дба*, *собра́ле*, *горѣ́ла*, *скина́та*, *качѣ́на* (но *ски́нат*, *ка́чен*, *го́рел* — Цонев), *умори́ја* (Гражд., Лер.) *почина́ју*, *излега́ме* (Трсје, Лер.), *пострада́но* (Път., Лер.).

В восточной части Скопской Црной горы ударение в глаголах также имеет две тенденции: установление ударения на втором слоге и неподвижность ударения в пределах одной парадигмы (Б. Видоески. Северните македонски говори, стр. 123).

В повелительном наклонении ударение падает на третий слог, при этом может переходить на приставку: *бста́ви*, *до́неси* (Цонев), *па́дни*, *па́дните*, *испа́дни* (И. Филипошки, Негот.), *бтвори* (Трсје, Лер.).

Для акцентной системы этих говоров характерно появление так называемого побочного ударения в словах, где количество слогов более трех. По силе экспирации побочное ударение почти не отличается от основного, поэтому я передаю его тем же знаком ´. Примеры: *ме́сечина*, *про́говори*, *ма́теница*, *пре́гърна́ла* (Цонев), *ја́рамби́ца*, *за́зъмби́ца*, *по́ручва́ме*, *се на́пива́ме* (Гражд., Лер.), *рабо́таме*, *си го ме́рва́ме*, *ра́менја́та* (Жель., Лер.). Во всех этих случаях ударение обязательно для второго слога и падает также на четвертый или реже на третий слог. Побочный акцент появляется в результате стремления избежать ударения на четвертом слоге. Однако побочное ударение иногда появляется и в том случае, когда основное ударение стоит на третьем слоге, поэтому можно также сказать, что появление побочного ударения придает большую четкость ритмичности фразы, что характерно для рассматриваемых говоров.

В отличие от всех рассмотренных выше акцентных систем в данной системе группы слов в предложении могут объединяться в акцентные группы. Рассмотрим, какие сочетания слов характерны для акцентных групп данной акцентной системы.

1) Сочетание существительного с постоянно безударной членной формой как правило не влияет на изменение места ударения в существительном. В тех существительных, где ударенным является второй слог, а таких существительных больше, чем с ударением на третьем слоге, присоединение членной формы только прибавляет лишний слог к слову и ударение тем самым оказывается на третьем слоге: *кре́вето*, *ја́зико*, *во езе́рото* (Гражд., Лер.), *сва́дбите* (Трсје, Лер.). Это же характерно и для мариовского, тиквешского и скопско-црногорского говоров. Однако в многосложных существительных с ударением на третьем слоге при присоединении членной формы может появиться побочное ударение (более слабое ударение обозначаю через `): *во не́дел'ата* (Гражд., Лер.), *пла́нината* (Гражд., Лер.), *водичка́та* (Жель.,

Лер.), *бажанакот* (М. Конеска, Мариово). Иногда в связи с присоединением членной формы ударение переносится на один слог: *во́лои* — *во́лбите* (Руд., Лер.), *сб́бота* — *во сб́ботатà* || *во сб́ботата* (Гражд., Лер.). При присоединении членной формы возможна редукция заударного гласного: *гудíнта*, *гудíнте*, *рòса* — *рòста*, *рòси* — *рòсте* (И. Филипоски, Негот.), встречается и перенос ударения плюс редукция гласного заударного слога: *са́бота* — *сабòтта*, *ра́бота* — *рабòтта*, *не́дела* — *недèлта* (И. Филипоски, Негот.).

2) Сочетание энклитичных кратких личных местоимений с глаголом составляет акцентную группу, в которой место ударения может изменяться в зависимости от места местоимения: при глаголе в повелительном наклонении местоимение стоит после глагола, ударение переносится на последний слог глагола (т. е. падает на предпоследний слог акцентной группы): *зако́л_си!*, *врати́_се!*, *не шета́_ј_се!*, *одете́_си!* (Цонев), *пра́шта_јте́_а!* — с дополнительным ударением (Цонев).

3) Отрицание *не* перед глаголом, если он односложный, влияет на перенос ударения в акцентной группе *не + (местоимение +) глагол*: *ами не́ знаи́ш?* *Не_се_смеј* (Гражд., Лер.), *по_гърцки не́ знам ја́ска* (Оровн., Лер.). То же отмечает и Видоески для говора Црной горы: *не́ сам зате́кал*, *не́ бил*.

4) Сочетания предлога с существительным и местоимением как правило не влечет переноса ударения на предлог. Ударение может переноситься на предлог лишь в случаях адвербиализации какого-либо сочетания существительного с предлогом. Я располагаю двумя примерами леринского говора: *по_ручок* (Гражд., Лер.), *на_рамо* (Трсје, Лер.). И. Филипоски отмечает появление в неготинском говоре дополнительного ударения на втором слоге существительного или местоимения в случаях, когда ударение переносится на предлог.

IV. В юго-западной части территории македонских говоров расположены говоры с фонетически подвижным или «определенным ударением на втором слоге», по терминологии Цонева (— — —).

К акцентной системе с ударением на втором слоге Цонев и другие исследователи относят говоры в Кайларско, Костурско, Корчанско, Леринско и Долна-Преспа. Выше было показано, что современные преспанско-леринские говоры имеют ударение на втором и третьем слоге и относятся к мариовско-тиквешской акцентной системе. Для характеристики ударения костурского говора мной использованы материалы магнитофонной записи.

В именах подударным является второй слог от конца слова, ударение подвижное. Однако присоединение членной формы не влечет переноса ударения: *глави́на*, *дървѐна ко́ла* (Папр.), *чѹпите*, *сва́дбата*, *истори́јата*, *попòвите*; *пипѐрки*, *фасѹли*; *кола́ци*, *Богороди́ца*, *мисери́ја* (Дѹмб.), *заѹци*, *пшени́ца*, *кола́чка*, *главатни́цата*, *кòвачо*, *волбвите* (Добр.), *сел'áните*, *грѐнди*, *дрва*, *сирѐнето*, *чòвеко*, (Вѹмб.), *вдови́ците*, *гроби́шча*, *водени́ца*, *извѹри*, *габѐри*, *копрѹва*, *плани́на*, *кошѹла*, *чора́пи*, *шел'ва́ри*, *пулу́вина*, *дубревѐчер*, *доброѹтро*, *бѐк'ар* — *бек'áри*, *пи́ле* — *пили́шча* (Нестр.), *раки́ја*, *месѐци*, *голѐма*, *чòбан*, *кромѹди*, *празбеи*, *камѐйна*, *јангѹли*, *езѐрото*, *рогози́на*, *жѐните*, *јабòлки*, *орѐи*, *рет* — *рендòви*, *верверѹца* (Чука).

Ударение в глаголе распределяется следующим образом. В формах, образованных от основы настоящего времени, ударение неподвижно. Во всех лицах подударным является второй слог от конца слова, кроме 1-го и 2-го лица множественного числа, где слог этот оказывается третьим за счет появления слога в окончании: *рабòтиш* — *рабòтима* — *рабòтите* (Вѹмб.), *рабòташ* — *рабòтате* (Конд.), *прѐнда*, *прѐндиш*, *прѐнди*, *прѐндите*,

прѣндат, прѣндиме (Конд.), да направи, зборува (Нестр.), посадиш, дѹе (Кърч.), прѣјат (Нестр.), бѣриме, вѣршиме, копаме, мѣсиме (Дѣмб.), брѣме, крѣваме, вѣлимѣ, весѣлимѣ (Добр.) и т. д.

В формах, образованных от аористной основы, ударение регулярно падает на второй слог: избѣга, отидѣ, го умбри (Конд.), заббле и ѹмре, г'отѣпа, се нѣпи (Вѣмб.), ловѣме (Конд.), имѣме (Вѣмб.), слегбме, купѹимѣ (Добр.), вѣршѣимѣ (Дѣмб.), мислѣја, велѣја, дојдбја, чекаја (Вѣмб.), изгорѣја, додбја (Нестр.), продаваѣ, работѣе (Конд.) (последние же примеры можно рассматривать как формы имперфекта, так как они образованы от основ несовершенного вида), се уморѹимѣ, казѣамѣ, работѣала (Вѣмб.), купѣни (Чука), звѣрзѣни (Нестр.).

В имперфекте ударение на том же слоге основы, что и в настоящем времени: пѹеши (Дѣмб.), бѹеши, напраѣеши, не слѹшашѣ, се мѹлѣеши, не прѣеши (Нестр.), ѹмаѣме (Руп.). Но есть случаи, когда ударение в имперфекте падает на второй слог, как в аористе: јадѣеши, пијѣеши, платѣашѣ (Вѣмб.), дош не вѣрнѣеши (Дѣмб.), ораѣеши (Нестр., Конд.). Цонев также отмечает ударение на втором слоге для форм имперфекта.

Отступления от ударения на втором слоге: некоторые имена произносятся с ударением на третьем слоге — коленда, дѣмбови (Нестр.); јѣзоец (јѣзоѣц?), рѣзлични (Чука) бѹкови (Кърч.), коленда, но колендѣари, сѹрова (Дѣмб.). Наиболее последовательно и ясно слышится ударение на третьем слоге в слове коленда.

Все топонимические названия произносятся с ударением на третьем слоге: Дѣмбени, Кѣстурско, Рѹпишча, Кѣрчишче, Папрацко, Добрѣлишча, Кондѣроби.

В многосложных словах возможно появление вторичного ударения, которое встречается реже, чем в говорах леринско-мариовского типа, и зависит от темпа и четкости речи. Примеры: Мѣја тѣтко бѣше водѣнчѣр (Нестр.), дѣдѣја (Нестр.).

В акцентные группы с подвижным ударением объединяются глаголы с энклитическими местоимениями: трѣјси (Нестр.), глаголы с отрицанием не: нѣ знам од рабѣта (Руп.), нѣ знам да ти рѣча (Папр.), нѣ прѣим (Чука), нѣ е вѣдел (Конд.) — с более слабым, дополнительным ударением на глаголе и основным на отрицании.

Один раз встретился пример на сочетание существительного с ударенным предлогом: нѣ вода (Вѣмб.).

Возможность переноса ударения на безударные слова акцентной группы ограничена необходимостью постановки ударения на втором слоге.

V. Западные говоры и бѣльшая часть центральных говоров Македонии имеют «определѣнное» ударение на третьем слоге (— ' —).

Система ударения на третьем слоге, как известно, принята и в македонском литературном языке. Ударение фонетически фиксированное, подвижное не только в пределах слова, но и в пределах акцентных групп. В односложных словах ударение падает на первый слог и в двусложных словах — на второй слог от конца слова. Примеры: град — градом — градови — грабѣите, водѣничар — водѣничари.

Ударение в глаголе также подвижно и последовательно падает на третий слог. Противопоставления по ударению между презентными и аористными формами, характерного для македонских говоров с другими акцентными системами, в системе третьесложного ударения не наблюдается. Например: бѣолим (настоящее) и бѣолиф (аорист), ѹзгорат и ѹзгорѣмо, ѹзгорѣле (Селищев, Полог), зѣмаш и зѣдоф, кѣжуѣм — кѣжуѣме (Б. Видоески, Порѣчье).

Различия по говорам в ударении отдельных слов не затрагивают самой системы третьесложного ударения. Остановимся на некоторых из них. В некоторых говорах безударные гласные могут быть не только краткими, но и долгими. Обычно долгота у гласных в этих говорах появляется в результате стяжения гласных. Однако наличие долгих гласных не влияет на характер ударения — во всех говорах с третьесложной акцентной системой ударение экспираторное. Стяжение гласных повлияло на место ударения: в центральных говорах и некоторых западных (в частности городском дебрском) после стяжения гласных в заударных слогах ударение оказывается на втором слоге, а не на третьем. Так, например в Прилепе и в кичевском говоре встречаем *полбјна* (< *полбвина*), *волбјте*, *ветрбјте*, *кбжу* — *кожјте* (ср. положское *пблбјна*); наречия времени *годинѧва* (< *година + ова*), *летбво* (*лето + ово*); в деепричастии: центр. макед. *одбје* (< *одбјеки*), положское *чекѧки*, *несѧки*, *идѧки*, но и *шѧтајки* (Селищев, Полог). В тетовском говоре при стяжении *е*, *и* в *ј* (*ѧ*) и при редукции ударение перетягивается на новый третий слог: *вбдејнца* (ср. литер. *водѧница* и дебрск. *водѧјнца*). В литературном языке нет редукции гласных в перечисленных позициях, и ударение стоит на том же слоге слова, как и в центральных говорах, однако этот слог является третьим в существительных типа *полбвина* (для поэзии допустимо *полбјна*), *водѧница*, *вблови* — *волбвите*; в деепричастии ударение на втором слоге, как в центральных говорах: *викѧки* (возможно и *вѧкајки*, однако нормативная грамматика Б. Конеского рекомендует ударение на втором слоге для деепричастия); литературная норма ударения позволяет различать наречия времени, образованные от существительных с указательным местоимением типа *годинѧва*, *летбво* (ударение на втором слоге, как в центральных говорах) от омонима — существительного с артиклем *годѧнава*, *лѧтово*. Литературная норма предусматривает также отклонения от третьесложного ударения для определенных иностранных слов и для некоторых других групп слов¹⁸.

Переходим к рассмотрению ударения внутри акцентных групп. Это очень важный вопрос, но одновременно настолько сложный, что решить его полностью на имеющемся в нашем распоряжении материале не представляется возможным, потому что, как известно, западномакедонский акцент является «выразительно-смысловым акцентом», и ударение в словах внутри акцентных групп «определяется потребностями выражения их значения»¹⁹, следовательно, на основании определенного количества примеров можно лишь указать типы сочетаний слов, объединяемых общим ударением в акцентные группы, выявить тенденции и общие условия²⁰ этого объединения, но не всегда можно определить устойчивость ударения для конкретного сочетания.

В литературном языке возможны следующие типы акцентных групп:

А. Сочетание знаменательного слова с энклитиками. Эти сочетания наиболее последовательно объединяются в одну акцент-

¹⁸ Подробно см.: Б. Конески. Граматика на македонскиот литературен јазик, д. I. Изд. 2-е. Скопје, 1957, стр. 107—110, 116—120; К. Конески. Родот и бројот на тугите именки на самогласка. — М. јаз. V, 1954. — Ударение в иностранных словах отмечено и в «Македонски правопис со правописен речник» (Скопје, 1950).

¹⁹ Б. Конески. Граматика..., д. I, стр. 105.

²⁰ Разумеется, речь идет о современном языке и о современных тенденциях и условиях. Об историческом аспекте возникновения акцентных групп в говорах с системой третьесложного ударения см.: Л. А. Булаховский. Сравнительно-исторические заметки к македонскому ударению.

ную группу с постоянным ударением для одного и того же сочетания независимо от логического ударения (если логическое ударение падает на энклитичное местоимение, то употребляется полная форма местоимения). Энклитики всегда безударны и всегда присоединяются к знаменательному слову, к которому они относятся. Изменение количества энклитик влечет за собой изменение места ударения в акцентной группе. Эти сочетания характерны как для центральных, так и для западных македонских говоров.

К этому типу сочетаний относятся:

1. Сочетания глагола с энклитичным кратким личным и возвратным местоимениями. Подобные акцентные группы имеются и в некоторых других македонских акцентных системах (см. выше). Например, повелительное наклонение + местоимение: *дбнеси — донѐси_го — донеси_ми_го, донѐсите — донесѐте_го — донесете_ми_го* (Б. Конески. Граматика... , д. I), *подбј_ми_го; помбжете* (Г. Т.)²¹.

2. Сочетания указательных наречий с энклитичными краткими личными местоимениями, имеющими указательное значение: *ѐве — ѐве_ја, еве_ти_ја*.

3. Сочетания существительного со значением родства с энклитичным кратким личным местоимением, выступающим в функции притяжательного местоимения: *брѣтучед — брѣтучед_ми*.

4. Сочетание существительного с артиклем. В македонском языке членная форма всегда безударна. В рассмотренных акцентных системах членная форма не влияет на перенос ударения. В западномакедонских и центральных говорах, а отсюда и в литературном языке присоединение энклитичной членной формы к существительному ведет к изменению места ударения, если оно оказывается далее третьего слога: *град — гра́дот, жѐна — жѐната, гра́дови — грабѓвите, водѐница — воденѓ_цата. Улиците шѓмат от ра́дост, обра́зите гбрат од сме́а* (С. Ив.).

Сочетание существительного с членом и кратким личным местоимением: *жѐна — жѐна_му — женѓта_му, нѐвеста — невестѓта_си, обра́зот_му* (последний пример из стихов Г. Тодоровского). Это сочетание в основном характерно для имен существительных со значением родства. Другие нарицательные существительные в литературном языке крайне редко употребляются с кратким местоимением, так как в этих случаях обычно употребляется полное притяжательное местоимение²².

В. Акцентные группы, состоящие из знаменательного слова и некоторых проклитик. Ударение может быть подвижным, если знаменательное слово состоит не более, чем из двух слов. Кроме того, перенос ударения за пределы знаменательного слова находится в зависимости от смысла сочетания.

В литературном языке встречаются следующие типы подобного рода сочетаний:

1. Глагол с отрицательной частицей *не* или с вопросительным местоимением: *тој нѐ_виде* 'он не увидел' *кѓј_рече?* 'кто сказал?', *штѓ_рече?* 'что сказал?'.

Если между отрицанием *не* или вопросительным местоимением и глаголом стоит проклитичное краткое личное или возвратное местоимение, ударение падает на местоимение, причем ближайшее к гла-

²¹ Приняты следующие сокращения: В. М. — Венко Марковски. Порои. Скопје, 1945; Г. Т. — Гане Тодоровски. Во утрините. Скопје, 1951; С. Ив. — Србо Ивановски. Лирика. Скопје, 1950.

²² Б. Конески. Граматика на македонскиот литературен јазик, д. II. Скопје, 1954, стр. 100.

голу: *кој гб рече?* 'Кто это сказал?', *што му рече?* 'что ему сказал?', *тој не гб виде* 'он его не увидел', *Не му гб зел* 'не взял у него это'. В указанных примерах вопрос и отрицание относится к сказуемому.

При других значениях фразы: двойном отрицании, отрицании не сказуемого, а другого члена предложения и т. д. — ударение во фразе распределяется иным образом, и глагол с отрицанием (вопросительным местоимением) не объединяется в акцентную группу (см., например: Б. Конески. Граматика..., д. I, стр. 125—126). В утвердительных фразах глагол с проклитичным местоимением также не составляет акцентной группы с переносом ударения. Рассматриваемый тип акцентной группы характерен для литературного языка, для центральных говоров и для южной части западных говоров (Прилеп, Поречье, Кичево, Галичник, Горни Полог). В северо-восточной части центральных говоров (например, в велеском) перенос ударения не всегда соблюдается. Это отметил еще Б. Цонев. В северо-западных говорах (например, в тетовском) этот тип акцентной группы отсутствует. Несколько примеров из македонской поэзии: *Сабота не́та не́стаса*, *Діме се спрѣчка...* *Ако ти не́што не́стига*, *на друго ме́сто ра́боти* (В. М.), *Не тѝ срещнав*, *ма́ко* (Г. Т.)... *јас не́ сум те срѣтнал* (Г. Т.), *Зар не́ видѝш ли́бе?* (С. Ив.). В поэзии часто встречаются отклонения от нормы, вероятно, под влиянием некоторых говоров, а также требований поэтического ритма. Отклонения проявляются в том, что ударение может быть перенесено с глагола на проклитичное краткое местоимение в утвердительных сочетаниях, например: *и се́ скрија двѣте*; *да гб види си́н си*; *наш се́ ближи де́н*; *да ги́ гледам* (Г. Т.); ударение может быть перенесено и на другую проклитику, например на частицу *ке*: *ке́ дб́де е́сен*. *Оризот ке́ клáса*. *На жѣтва јас и тбá мбме ке́ сме* (С. Ив.).

2. Сочетание полного личного местоимения с предлогом образует акцентную группу с ударением на предлоге в литературном языке, а также в центральных и западных (кроме северной части) говорах. Исключение составляют предлоги *освен*, *заради*, *поради*, *наспроти*, которые, согласно литературной норме, никогда не принимают ударения. Примеры: *Се му́ла на́ неа бра́чето ма́ло...*, *И нѝз него́ ке плѝсне здѝв на мно́гу чу́ства дра́ги* (С. Ив.), но: *За два́јца нб́сел ма́лку ле́б*, *За два́јца*. *А за ме́не?*, *Да на́здрави со ве́сел сме́в за́ нас и днѝте наши?*, *Назрэ́ани мечти со́ него́ се плѣ́тат* (С. Ив.)

3. Сочетание односложного или двухсложного бесчленного существительного с предлогом может образовать акцентную группу с ударением на предлоге только при некоторых определенных значениях сочетания. Ударение как грамматическое средство служит различием значений: а) *пушка од дрво* ('ружье из дерева' — материал), б) *падна од дрво* ('упал с дерева' — обстоятельство места). При логическом ударении *падна од дрво*, *не од камен* ударение может быть или на предлоге или на существительном. В адвербиализированных сочетаниях существительного с предлогом, где существительное приобрело переносное значение (вернее потеряло свое конкретное значение), ударение не может падать на существительное: *Ми дб́де дб́гуша*. *Тој е воору́жен дб́зуби* (Б. Конески. Граматика..., д. I). Перенос ударения характерен только для старых сочетаний, составляющих фразеологическое единство (т. е. для фразеологических сочетаний). В сочетаниях нового или иностранного существительного с предлогом ударение на предлог не переносится (*без тра́ктор*, а не *бѣз трактор*.) Перенос ударения с существительного на предлог — живой процесс, происходящий и в говорах, и в литературном языке. Конкретно в сочетаниях

Тип существительных	Акцентные системы				
	I. — — — —	II. — — — —	III. — — — —	IV. — — — —	V. — — — —
Односложные существительные	град — гра́дови	град — градо́ви (— градо́вте)	град — градо́ви (— градо́вите) сват — свато́ви свато́ви	град — градо́ви (— градо́вите)	град — гра́дови — градо́вите
Многосложные существительные с закрытым конечным слогом	эзик — эзи́ци га́рван — га́рвани дуби́тук — дуби́ци	эзик — эзи́ци га́рван — га́рвани дуби́тук — дуби́ци	эзик — эзи́ци га́рван — га́рвани дуби́ток — дуби́ци	эзик — эзи́ци га́рван — га́рвани дуби́тук — дуби́ци	ја́зик — ја́зци — ја́й- ци́те га́рван — га́рвани дуби́ток — дуби́ци
Многосложные существительные с открытым конечным слогом	се́стра — се́стри ра́бота го́дина	се́стра — се́стри ра́бота го́дина	се́стра — се́стри ра́бота пла́нина пла- нина́та пла- нина́та (ме́сечина)	се́стра — се́стри ра́бота пла́нина (— пла́нина́та)	се́стра — се́стри ра́бота пла́нина — пла́нина́та

Ударение в глаголах

Основы глагола	Акцентные системы				
	I. — — — —	II. — — — —	III. — — — —	IV. — — — —	V. — — — —
Презенс (2 л. ед. и мн. ч.)	има́ш — има́те плéтеш — плéте прикажу́аш — при- кажу́ате	има́ш — има́те плéтиш — плéтъте	има́ш — има́те плéтиш — плéтите збору́ваш — збору́вате (работáте)	има́ш — има́те плéтиш — плéтите	има́ш — има́те плéтеш — плéте збору́ваш — збору́вате
Аорист (2 л. ед. и мн. ч.)	има́ — има́те плéте — плéто́те	има́ — има́те плéте — плéтэ́те	има́ — има́те плéте — плéто́те	има́ — има́те плéте — плéто́те	има́ — има́те (ис)плéте — (ис)плéтовте
Императив (2 л. ед. и мн. ч.)	има́ј — има́јте плéти — плéтите (ис)плéти — (ис)плé- тите)	има́ј — има́јте плéти — плéтэ́те (ис)плéти — (ис)плé- тэ́те)	има́ј — има́јте плéти — плéтите (истерáј_го)	има́ј — има́јте плéти — плéтите (тра́ј_си)	има́ј — има́јте плéти — плéте

он совершается по мере адвербиализации сочетания существительного с предлогом. Этот вопрос требует специального исследования.

Подобные акцентные группы встречаются в литературном языке, в центральных говорах, в диалекте Галичника, редко — в Пологе, отсутствует в тетовском говоре. В поэзии правила нормативной грамматики соблюдаются явно непоследовательно²³.

С. Акцентные группы, состоящие из двух знаменательных слов, одно из которых является определением, а другое определяемым. Слова, объединенные в такую акцентную группу, составляют логическое целое. Эти группы характерны для западных говоров, они есть и в литературном языке. По говорам есть различные еще не изученные варианты подобных сочетаний. В северной и северо-восточной части говоров с третьесложным ударением такие сочетания встречаются реже (например в положском, велесском говорах), в тетовском говоре их нет. Много колебаний и в литературном языке.

По нормам литературного языка возможны следующие виды акцентных групп:

1. Прилагательное (определение) + существительное (определяемое). Прилагательное выступает с членом, иногда без члена, но оно всегда конкретизировано: *новатá кука*, *црнý сливи*. Обычно под одним ударением могут объединяться только устойчивые, часто вместе употребляющиеся соединения, составляющие фразеологическое сочетание: *црнý сливи*, *стáр човек*, *добрó утро*, *добрá ноќ*, *киселó млеко*, *новатá година*. В литературном языке неправильно было бы сказать *новатá влада* (а *новата влада*), однако, допускается *новата гóдина* и *кисело млéко*. В поэзии нормы ударения в подобных сочетаниях весьма свободны и в большой степени зависят от законов ритма.

2. Притяжательное, указательное или вопросительное местоимение (определение) + существительное (определяемое). По норме литературного языка такие группы возможны: *наш човек* (*си тý*), *ониé луге*, *кој човек дóбде?*

Если существительное состоит из трех и более слогов, местоимение несет свое ударение: *тýе гóдини*.

3. Числительное простое количественное + существительное: *десét дена*, *пét рати*. Книжные сочетания не составляют акцентной группы: *пét нóти*²⁴.

В заключение привожу две таблицы, характеризующие общие особенности ударения по акцентным системам македонского языка в именах существительных и в глаголе (см. стр. 37).

²³ См., например: Б. Конески. Преминување на акцентот од именката врз предлогот. — М. јаз. II, 1951, стр. 145—163, 169—174, 193—200; он же. Грамматика. . . , д. I, стр. 134—152.

²⁴ В некоторых говорах встречаются акцентные группы, состоящие из других сочетаний. Например, в городском дебрском говоре П. Михайлов отмечает общее ударение в сочетании глагола с существительным (!): *немај гајле*, *не парр имат* и т. д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- А. И. Белић. Галички дијалекат. «Српски дијалектолошки зборник», књ. VII. Београд, 1935.
- Б. Видоески. Белешки за говорот на селата Мелница и Горно Врановци во Велешко. — М. јаз. II, 1951.
- Б. Видоески. Кичевскиот говор. — М. јаз. VIII, 1957.
- Б. Видоески. Поречкиот говор. «Филозофски факултет на универзитетот. Скопје. Катедра за јужнословенски јазици. Дипломски работи», кн. 1, 1950 (Б. Видоески, Поречье).
- М. Ивковић. Акцентски системи српско-македонских говора. — ЈФ, IV. Београд, 1924.
- М. Конеска. Мариовскиот говор. «Филозофски факултет на универзитетот. Скопје. Катедра за јужнословенски јазици. Дипломски работи», кн. 3, 1951 (М. Конеска, Мариово).
- Б. Конески. Грешето во акцентот. — М. јаз. I, 1950.
- Б. Конески. Преминување на акцентот од именката врз предлогот. — М. јаз. II, 1951.
- П. Михајлов. Градскиот дебарски говор. «Филозофски факултет на универзитетот. Скопје. Катедра за јужнословенски јазици. Дипломски работи», кн. 5, 1954.
- С. Поповски. Зборови од Мариово. — М. јаз. I, 1950 (Ст. Поповски. Мариово).
- А. М. Селищев. Полог и его болгарское население. София, 1929 (Селищев, Полог).
- Т. Стаматоски. Градскиот тетовски говор. — М. јаз. VII, 1956.
- К. Тошев. Акцентот во нашиот литературен јазик. — М. јаз., I, 1950.
- Р. Угринова. Говорите во Скопско. «Филозофски факултет на универзитетот. Скопје. Катедра за јужнословенски јазици. Дипломски работи», кн. 2, 1951.
- И. Филипоски. Неготинскиот говор. «Филозофски факултет на универзитетот. Скопје. Катедра за јужнословенски јазици. Дипломски работи», кн. 4, 1952 (И. Филипоски, Негот.).
- Н. G. Lunt. Grammar of the Macedonian literary language. Skopje, 1952.

СПИСОК НАЗВАНИЙ ИССЛЕДОВАННЫХ СЕЛ ЭГЕЙСКОЙ МАКЕДОНИИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Леринско — Лер.:

Граждани — Гражд.
Жельово — Жель.
Оровник — Оровн.
Пътеле — Път.
Рудари — Руд.
Трсје.

Костурско:

Въмбел — Въмб.
Добролишча — Добр.
Дъмбени — Дъмб.
Кондороби — Конд.
Кърчишче — Кърч.
Нестрам — Нестр.
Папрацко — Папр.
Рунишча — Руп.
Чука.

Г. П. Клепикова

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СИСТЕМЫ УДАРЕНИЯ ОДНОГО ПЕРЕХОДНОГО ГУЦУЛЬСКО-ПОКУТСКОГО ГОВОРА

Говор украинского села Саджава Ивано-Франковской области, расположенного на шоссе Делятин—Коломыя, в 21 км. западнее Коломыи, территориально может быть отнесен к покутскому (или покутско-буковинскому) диалекту¹. Однако некоторые важные фонетические черты свидетельствуют о близости саджавского говора к говорам гуцульским. Укажем хотя бы существование в системе вокализма говора с. Саджава фонемы [ä] — гласной фонемы более низкого образования, чем фонема [e] в украинском литературном языке и диалектах². Поэтому правильно говорить о саджавском говоре, как о переходном гуцульско-покутском говоре.

В настоящей статье делается попытка определить акцентные типы в формах склонения имен существительных и в формах настоящего времени глаголов в говоре с. Саджава³ и дать синхронное их описание.

УДАРЕНИЕ В ФОРМАХ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ⁴

І. Неподвижное ударение

1. В следующих существительных ударение в единственном и множественном числах падает на корень:

вус, *дзвін*, *дріт* 'железный прут', *звір* 'горный поток', *зруб* 'вырубка', *зуб*, *рій*, *рі**, *сак*; *горбд*, *оборі**, *полі**, *чобіт*; *бал'бн* 'мяч', *таріл* 'тарелка', *дбйок* 'сосок', *кбнэк* 'кузнечик', *кбшэк*, *рѣжэк* 'гриб рыжик', *таббрэк* 'табурет', *пáлэц*, *сýнэц* 'бревна дома', *хлбпэц*, *свáкор*;

йáблукo, *кол'іно*, *подвір'і*, *сáрцэ*;

гýба 'гриб', *лáба*, *мýха*, *нѣва*, *пл'áчка* 'оладьи из картофеля', *плѣта*, *ск'ѣба*, *стр'іха*; *вэрáта*; *мбркoва*, *трэпáта* 'осина', *чэрáшн'і*; *бэрáза*, *во-*

¹ І. Зілінський. Карта українських говорів. Warszawa, 1933; — см. также карты в книгах: Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955; он же. Говори української мови. Київ, 1958.

² О фонеме [ä] в гуцульских говорах см.: Ф. Т. Жилко. Нариси..., стр. 147; Говори..., стр. 92; J. Rătruț. Fonetica graiului huțul din Valea Sucevei. București, 1957, стр. 23—24.

³ Материал был собран совместно с Т. В. Поцовой летом 1962 г. в основном от следующих информаторов: Яреминой Г. Н. (42 г.), Кузмина М. И. (31 г.), Джигринюк Ю. А. (68 л.) Яремина И. А. (49 л.). При записи материала использована транскрипция «Атласа украинської мови».

⁴ Парадигмы приводятся без звательной формы, так как она образуется практически только от собственных имен и от ограниченного числа одушевленных существительных.

рбна, дорбга, колбда, корбва, мэр'а́на, смэр'а́ка; в'іс'к', к'ін' 'тень', к'іс'к', ніч, піч, ск'ат'ар'к'; л'є́нійа, па́ні. Например:

И. оборі́х	хло́пц	са́рцэ	му́ха	в'іс'к'	л'є́нійа
Р. оборо́га	хло́пц'і	са́рц'і	му́х'і	в'і́стэ	л'є́нійі
Д. оборо́говэ	хло́пцэвэ	са́рцэвэ	му́с'і	в'і́стэ	л'є́нійі
В. оборі́х	хло́пц'і	са́рцэ	му́ху	в'іс'к'	л'є́нійу
Т. оборо́гом	хло́пцэм	са́рцэм	му́хоў	в'і́стэў	л'є́нійэў
М. оборо́зі	хло́пцэ	са́рцэ	му́с'і	в'і́стэ	л'є́нійі
И. оборо́гэ	хло́пц'і	са́рц'і	му́х'і	в'і́стэ	л'є́нійі
Р. оборо́гіў	хло́пц'іў	са́рц'іў	му́х'іў	в'і́с'к'іу	л'є́нійіў
Д. оборо́гам	хло́пц'ім	са́рц'ім	му́хам	в'і́с'к'ім	л'є́нійам
В. оборо́гэ	хло́пц'іў	са́рц'і	му́х'і	в'і́стэ	л'є́нійі
Т. оборо́гамэ	хло́пц'імэ	са́рц'імэ	му́хамэ	в'і́с'к'імэ	л'є́нійамэ
М. оборо́гах	хло́пц'іх	са́рц'іх	му́хах	в'і́с'к'іх	л'є́нійах.

Корневое ударение и у следующих существительных singularia tantum: *біл'* 'боль', *бі^х*, *смрі́д*; *ва́рэмн'і* 'хорошая погода', *к'л'оч'і* 'отходы при прядении'⁵, *на́бо*, *с'і́мн'і*, *со́нцэ*, *срі́бло*, *шч'іс'к'і* 'счастье'; *гран'* 'горящие уголья, жар', *мас'к'* 'жир', *по́шіс'к'* 'мор', *ра́г'іс'к'*, *сіл'*, *см'ар'к'*. Например:

И. біл'	ва́рэмн'і	к'л'оч'і	мас'к'
Р. бо́л'у	ва́рэмн'і	к'л'оч'і	ма́стэ
Д. бо́лэвэ	ва́рэмнэвэ	{ к'л'очу к'л'очовэ ⁶	ма́стэ
В. біл'	ва́рэмн'і		мас'к'
Т. бо́лэм	ва́рэмнэм	к'л'очэм	ма́стэў
М. бо́лэ	ва́рэмне	к'л'очу	ма́стэ

Корневое ударение и в парадигмах существительных *л'є́ко* 'лыко', *л'є́ст* 'лист дерева', у которых в качестве формы множественного числа функционирует собирательная форма: *л'є́ч'і*, *л'є́с'к'і*. Например:

И. л'є́ко	л'є́чі	В. л'є́ко	л'є́ч'і
Р. л'є́ка	л'є́чі	Т. л'є́ком	л'є́чом
Д. л'є́ковэ	л'є́човэ	М. л'є́ку	л'є́чу

2. а) В следующих существительных ударение в единственном и множественном числах падает на флексию: *ду́плэ*, *лош'є́*, *мн'є* 'имя', *об'і́с'к'є́* 'подворье', *тэл'є́*; *габа́* 'узкое место в горной реке, где вода течет с шумом', *гла́* 'игла', *мэтла́*. Например:

И. тэл'є́	тэл'і́	габа́	габэ́
Р. тэл'є́	тэл'і́ў	габэ́	габі́ў
Д. тэл'о́вэ	тэл'э́м	габ'і́	габа́м
В. тэл'є́	тэл'і́	габу́	габэ́
Т. тэл'о́м	тэл'э́мэ	габо́ў	габа́мэ
М тэлэ́	тэл'э́х	габ'і́	габа́х.

⁵ По происхождению собирательная форма.

⁶ Чаще употребляется форма *к'л'очу*; форма *к'л'очовэ* является совсем новой.

Ударение на флексии отмечается и у существительных *singularia tantum*: *дно*, *жэк'э* 'жизнь'; *вэнá¹*, *эрж'э*, *кваснэнá*, 'сыворотка', *росá*. На пример:

И. жэк'э	В. жэк'э	И. эрж'э	В. эржү
Р. жэк'э	Т. жэк'ом	Р. эрж'і	Т. эржáў
Д. жэк'овэ	М. жэк'і	Д. эржэ	М. эржэ.

б) В единственном и множественном числе ударение падает на флексию, за исключением форм с нулевой флексией, т. е. именительного падежа одушевленных существительных и именительного—винительного падежей неодушевленных существительных единственного числа:

бек, *джміл'*, *зв'ір'*, *кріл'* (мн. ч.: *крілі*) 'кролик', *мн'ух* 'налим', *пáс*, *пстру²* 'форель'; *борсýк*, *журавáл'*, *ковáл'*, *коўбáл'* 'пескарь', *козáр'*, *ко-сáр'*, *корэтáр'*, *масáр'* 'мясник', *пастýх*, *пугáч* 'филин', *трін'кáч* 'сверчок'; *віл*⁸, *г'іл* 'гора; водораздел', *греб̑*, *гр'іх*, *двір*, *дошч*, *карб̑* 'жолобки на ч.-л., нарезка', *к'іл*, *корж*, *лест* (мн. ч. *лестэ*) 'письмо', *пласт*, *р'ед̑* | *рйід̑*, *стіл*, *сті²*⁹, *фіст*¹⁰, *пáн'*, *сон*; *байбарáк* 'вид верхней, теплой одежды, пальто', *баті²*, *бол'эк* 'нарыв', *бур'эк*, *вогón'*, *вўгол*, *зубб́к* 'долька чеснока', *к'інáц*, *к'ійáх* 'камыш', *комáр'*, *кол'ýк* 'шип растения', *кловáк* 'клюв', *крук'іж* 'водоворот', *лопýх*, *м'іхýр* 'прыщ', *мозіл'* (мн. ч. *мозілі*) 'мозоль', *мокр'эк* 'сырое, болотистое место', *обрýч*, *огірб́к* (мн. ч. *огірк'э*), *пэрі²* 'вареник', *р'ін'эх*, *скорýх* 'рябина', *сухáр'*, *цэбáр* 'деревянный сосуд наподобие кадки', *шчэбáл'* 'перекладины деревянной лестницы'. Например:

И. бек	масáр'	р'ед̑	зубб́к
Р. бэкá	масар'э	р'ідá	зубкá
Д. бэкóвэ	масарáвэ	р'ідóвэ	зубкóвэ
В. бэкá	масар'э	р'ед̑	зубб́к
Т. бэкóм	масарáм	р'ідóм	зубкóм
М. бэц'і	масарé	р'ідý	зубц'і
И. бэк'э	масар'і	р'идé	зубк'э
Р. бэк'іў	масар'іў	р'идіў	зубк'іў
Д. бэкáм	масар'эм	р'идáм	зубкáм
В. бэкé	масар'іу	р'идé	зубк'э
Т. бэкáмэ	масар'эм	р'идáмэ	зубкáмэ
М. бэкáх	масар'эх	р'идáх	зубкáх

⁷ В говоре возможно образование от данного слова форм множественного числа, которые, однако малоупотребительны и воспринимаются как искусственные; может быть, поэтому ударение в этих формах кажется неустойчивым: *вэнэ*, *вэніў* || *вэніў*, *вэнáм*, *вэнэ* || *вэнé*, *вэнамэ*, *вэнах*.

⁸ Склоняется как неодушевленное существительное.

⁹ Известны параллельные, редко употребляющиеся в настоящее время, формы: *стб́гом* (тв. п.), *стб́з'і* (местн. п.).

¹⁰ Для говора характерна форма им.—вин. п. мн. ч. *фостé*, однако зафиксирована и форма *фб́стэ*.

II. Подвижное ударение

1. В единственном числе ударение падает на первый (реже — на второй) слог основы, во множественном числе оно смещается на второй (или соответственно — на третий) слог основы:

во́лос, йа́сэн', ко́лос, блан, спóсїб, цѣган; гра́бїн', ка́мін', ко́рін'; дба́-к'їр, жоўн'їр, бга́р 'жеребец', рба́р 'велосипед', шва́гар 'муж сестры', плуга́тор; ко́лэсо, бза́ро. Например:

И. во́лос	гра́бїн'	жоўн'їр	плуга́тор	ко́лэсо
Р. во́лоса	гра́бєн'ї	жоўн'їра	плуга́тора	ко́лэса
Д. во́лосовэ	гра́бєнэвэ	жоўн'їровэ	плуга́торовэ	ко́лэсовэ
В. во́лос	гра́бїн'	жоўн'їра	плуга́тора	ко́лэсо
Т. во́лосом	гра́бєнэм	жоўн'їром	плуга́тором	ко́лэсом
М. во́лос'ї	гра́бєнэ	жоўн'їр'ї	плуга́тор'ї	ко́лэс'ї
И. волóс'ї	гра́бѣн'ї	жоўн'єрэ	плуга́тор'ї	колáса
Р. волóсий	гра́бѣнїу	жоўн'єріу	плуга́торїу	колáсіу
Д. волóс'їм	гра́бѣн'їм	жоўн'єрам	плуга́тор'їм	колáсам
В. волóс'ї	гра́бѣн'ї	жоўн'єріу	плуга́торїу	колáса
Т. волóс'їмэ	гра́бѣн'їмэ	жоўн'єрамэ	плуга́тор'їмэ	колáсамэ
М. волóс'їх	гра́бѣн'їх	жоўн'єрах	плуга́тор'їх	колáсах

В слове *пóтік* ударение на первый слог падает только в формах именительного—винительного падежей единственного числа; в остальных формах единственного и множественного числа ударение стоит на втором слоге:

И. пóтік	потóк'ї	В. пóтік	потóк'ї
Р. потóка	потóк'їу	Т. потóком	потóкамэ
Д. потóковэ	потóкам	М. потóц'ї	потóках

2. В единственном числе — корневое ударение, во множественном числе ударение переносится на флексию:

воўк, дрозд, з'єк', карп¹¹, л'їс, лу^х '1. луг, 2. щелочная вода', міст, нїс, плїт (мн. ч. плотѣ), плу^х, сарп, сен, сер, стрей, хл'їб, цап 'козел', цв'їт, ба́рї^х, вўзэл, го́лос, го́луб, пброх, спóлох, ўчѣтэл', йачмін';

г'їдо, мн'єсо, мо́рэ, по́лэ, шѣло; корѣто, ча́рэво; ва́тра 'костер', вбїна, галўза 'ветка', ж'єба, ха́та; ба́рагўл'ка 'береговая ласточка', вора́зка 'веревка', голубѣнка 'вид грибов', го́рстка 'снопик конопли', забáўка 'игрушка', йашчарка, ка́чка, к'єшка 'кишка', ме́ска, ск'їнка 'обрывистый берег'; го-лоўн'ї, ка́фл'ї 'изразец, кафельная плитка', зазу́л'ї, зомпл'ї 'пропасть', на́г'їл'ї 'неделя', ска́тар'к'. Например:

И. з'єк'	ўчѣтэл'	мо́рэ	к'єшка	на́г'їл'ї
Р. з'єк'ї	ўчѣтэл'ї	мо́р'ї	к'єшк'ї	на́г'їл'ї
Д. з'єтэвэ	ўчѣтэлэвэ	мо́рэвэ	к'єшц'ї	на́г'їлэ
В. з'єк'ї	ўчѣтэл'ї	мо́рэ	к'єшку	на́г'їл'у
Т. з'єтэм	ўчѣтэлэм	мо́рэм	к'єшкоў	на́г'їлэў
М. { з'єк'ї	ўчѣтэлэ	мо́рэ	к'єшц'ї	на́г'їлэ
{ з'єтэвэ ¹² .				

¹¹ Обычная для говора форма им.—вин. п. мн. ч. — *карпѣ*, зафиксирована также форма *карпа*.

¹² Форма *з'єтэвэ* — новая, менее характерная, чем *з'єк'ї*.

И. з'ік'і	ўчэтэл'і	мор'і ¹⁴	к'эшк'э	нэг'іл'і
Р. з'ік'іў	ўчэтэл'іў	мор'іў	к'эшк'іў	нэг'іліў
Д. з'ік'эм ¹³	ўчэтэл'эм	мор'эм	к'эшк'ам	нэг'іл'эм
В. з'ік'іў	ўчэтэл'іў	мор'і	к'эшк'э	нэг'іл'і
Т. з'ік'эмэ ¹³	ўчэтэл'эмэ	мор'эмэ	к'эшк'амэ	нэг'іл'эмэ
М. з'ік'эх ¹³	ўчэтэл'эх	мор'эх	к'эшк'эх	нэг'іл'эх

Тот же тип ударения наблюдается и в склонении существительного *гэдэна*, форма множественного числа которого — *гэг'э*:

И. гэдэна	гэг'э	В. гэдэну	гэг'э
Р. гэдэнэ	гэг'іў	Т. гэдэноў	гэг'эмэ
Д. гэдэн'і	гэг'эм	М. гэдэн'і	гэг'эх

3. а) В единственном числе ударение падает на флексия (за исключением форм с нулевой флексией, т. е. именительного—винительного падежей неодушевленных существительных мужского рода); во множественном числе оно переносится на корень (при этом в трехсложных словах — на второй слог корня):

корч 'куст';
*гн'ізбб*¹⁵, *пэрб* (мн. ч. *пáра*), *стэблб*, *чолб*; *волоknб*, *полотнб*, *копэтб*,
рэшэтб;
*б'ідá*¹⁶, *блэхá*, *бровá* 'бровь', *вэрбá*, *г'ірá* 'дыра', *жонвá* 'дятел',
зв'іздá, *корá*, *норá* 'родник', *пйітá*, *пэлá*, *пчолá*, *р'ікá*, *свэн'э*, *скалá*,
слугá, *слозá*, *совá*, *стунá*, *ц'інá*. Например:

И. корч	стэблб	волоknб	блэхá	свэн'э
Р. корч'э	стэблá	волоkná	блэх'э	свэн'і
Д. корчáвэ	стэблбвэ	волоknбвэ	блэс'і	свэнэ
В. корч	стэблб	волоknб	блэх'у	свэн'у
Т. корчáм	стэблбм	волоknбм	блэх'оў	свэнáў
М. корчэ	стэбл'і	волоkn'і	блэс'і	свэнэ

И. кóрч'і	стáбла	волóкна	блэх'і	свáн'і
Р. кóрч'іў	стáбл'іў	волóкн'іў	блэх'іў	свáн'іў
Д. кóрч'ім	стáблам	волóкнам	блэхам	свáн'ім
В. кóрч'і	стáбла	волóкна	блэх'і	свáн'і
Т. кóрч'імэ	стáбламэ	волóкнамэ	блэхамэ	свáн'імэ
М. кóрч'іх	стáблаx	волóкнаx	блэхax	свáн'іx

К этой же группе можно отнести существительное *йайцá*; отличие состоит лишь в том, что в форме родительного падежа множественного числа ударение перемещается на второй слог основы:

И. йайцá	йайц'і	В. йайцá	йайц'і
Р. йайц'э	йайáц	Т. йайцáм	йайц'імэ ¹⁷
Д. йайцáвэ	йайц'ім	М. йайцэ	йайц'іx

¹³ Есть колебания: *з'эк'ім* (дат.), *з'эк'імэ* (тв.), *з'эк'іx* (местн.).

¹⁴ Редко и только у старшего поколения отмечается парадигма с корневым ударением в формах множественного числа.

¹⁵ Во множественном числе наряду с обычными формами с корневым ударением встретились формы: *гн'іздамэ*, *гн'іздаx*.

¹⁶ В дат. пад. мн. ч. отмечена форма *б'ідáм*, наряду с характерной для говора формой *б'ідам*.

¹⁷ Отмечена и форма *йайц'эмэ*.

Особая разновидность этого типа ударения представлена в парадигме слов *борона́*, *сѣротá*; во множественном числе ударение падает на первый слог корня, а не на второй, как в других трехсложных словах — *бóрона*, *сѣротá* (род. п. мн. *сѣрот*):

И. <i>борона́</i>	<i>бóронə</i>	В. <i>боронú</i>	<i>бóронə</i>
Р. <i>боронé</i>	<i>бóроніў</i> ¹⁸	Т. <i>боронóў</i>	<i>бóронамə</i>
Д. <i>борон'і</i>	<i>бóронам</i>	М. <i>борон'і</i>	<i>бóронах</i>

б) В единственном числе ударение падает на флексия, за исключением форм с нулевой флексией, т. е. именительного падежа одушевленных существительных и именительного—винительного падежей неодушевленных существительных; во множественном числе ударение падает на корень или суффикс: *к'ін* 'конь', *швáц*, *колáц* 'глазок картофеля'. Например:

И. <i>швáц</i>	<i>шáўц'і</i>	<i>колáц</i>	<i>к'ілц'і</i>
Р. <i>шəўц'é</i>	<i>шáўц'іў</i>	<i>к'ілц'é</i>	<i>к'ілц'іў</i>
Д. <i>шəўцáвə</i>	<i>шáўц'ім</i>	<i>к'ілцáвə</i>	<i>к'ілц'ім</i>
В. <i>шəўц'é</i>	<i>шáўц'іў</i>	<i>колáц</i>	<i>к'ілц'і</i>
Т. <i>шəўцáм</i>	<i>шáўц'імə</i>	<i>к'ілцáм</i>	<i>к'ілц'імə</i>
М. <i>шəўц'і</i>	<i>шáўц'іх</i>	<i>к'ілц'і</i>	<i>к'ілц'іх</i>

4. У некоторых существительных подвижное ударение наблюдается в формах единственного числа, во множественном числе ударение остается неподвижным.

а) В единственном числе во всех падежах, кроме винительного, ударение падает на флексия; во множественном числе оно переносится на корень (при этом в трехсложных словах — на первый слог корня): *водá*, *горá*, *душ'é*, *зəмá*, *зəмл'é*; *бородá*, *толокá*, *сторонá*. Например:

И. <i>водá</i>	<i>зəмл'é</i>	<i>толокá</i>
Р. <i>водé</i>	<i>зəмл'і</i>	<i>толок'é</i>
Д. <i>вог'і</i>	<i>зəмлé</i>	<i>толоц'і</i>
В. <i>вóду</i>	<i>зáмл'у</i>	<i>тóлоку</i>
Т. <i>водóў</i>	<i>зəмлáў</i>	<i>толокóў</i>
М. <i>вог'і</i>	<i>зəмлé</i>	<i>толоц'і</i>

И. <i>вóдə</i>	<i>зáмл'і</i>	<i>тóлок'і</i>
Р. <i>вóдіў</i>	<i>зáмл'іў</i>	<i>тóлок'іў</i>
Д. <i>вóдам</i>	<i>зáмл'ім</i>	<i>тóлокам</i>
В. <i>зóдə</i>	<i>зáмл'і</i>	<i>тóлок'і</i>
Т. <i>вóдамə</i>	<i>зáмл'імə</i>	<i>тóлокамə</i>
М. <i>вóдах</i>	<i>зáмл'іх</i>	<i>тóлоках</i>

б) В единственном числе ударение падает на корень за исключением формы местного падежа, где ударение перемещается на флексия; во множественном числе ударение падает на корень *плай* 'ряд снопов' или на флексия *край*:

И. <i>плай</i>	<i>плáйі</i>	<i>край</i> ¹⁹	<i>крайі</i>
Р. <i>плáйа</i>	<i>плáйіў</i>	<i>крайу</i>	<i>крайіў</i>

¹⁸ Наряду с этой формой, являющейся характерной для говора, употребляется и форма *борін*, в основном в языке молодого поколения.

¹⁹ В единственном числе возможно употребление форм с ударением на флексия: *крайá* (род. п.), *крайáвə* (дат. п.), *крайáм* (тв. п.), которые могли возникнуть под влиянием форм множественного числа, а также местного падежа.

Д. пла́йѡвѡ	пла́йам	кра́йѡвѡ	край́ам
В. плай	пла́йі	край	край́і
Т. пла́йѡм	пла́йамѡ	кра́йѡм	край́амѡ
М. плайу́	пла́йах	крайу́	край́ах

Этот тип ударения и у существительных *singularia tantum* *лиѡ, миѡ*:

И. ли́д	Д. ла́довѡ	Т. ла́дом
Р. ла́ду	В. ли́д	М. ле́дѹ

в) В единственном числе ударение падает на корень, кроме форм родительного и местного падежей; во множественном числе ударение стоит на флексии *ч'ес*:

И. ч'ес	ч'исѣ	В. ч'ес	ч'исѣ
Р. ч'ису́	ч'исіу́	Т. ч'ѣсом	ч'исамѡ
Д. ч'ѣсовѡ	ч'иса́х	М. ч'ису́	ч'иса́х

5. Ряд существительных имеет подвижное ударение в формах множественного числа; в единственном числе ударение остается неподвижным.

а) В единственном числе ударение падает на корень (или суффикс), во множественном числе — на флексию, за исключением форм родительного падежа неодушевленных существительных и родительного—винительного падежей — у одушевленных:

гли²⁰ 'кизил', *да́рэво*, *к'іло* 'тело'; *г'іўка*, *дбшка*; *зовѣц'і*, *к'эрнѣц'і*, *фа́л'і*.
Например:

И. гли ^х	да́рэво	г'іўка	к'эрнѣц'
Р. глѡга	да́рэва	г'іўк'і	к'эрнѣц'і
Д. глѡговѡ	да́рэвовѡ	г'іўц'і	к'эрнѣцѡ
В. гли ^х	да́рэво	г'іўку	к'эрнѣц'у
Т. глѡгом	да́рэвом	г'іўкоў	к'эрнѣцѡў
М. глѡз'і	да́рэв'і	г'іўц'і	к'эрнѣцѡ

И. глогѣ	дѡрэва́	г'іўк'ѣ	к'эрнѣц'і
Р. глогіу́	дѡра́ў	г'іво́к	к'эрнѣц ²⁰
Д. глогам	дѡрэва́м	г'іўка́м	к'эрнѣц'ѣм
В. глогѣ	дѡрэва́	г'іво́к	к'эрнѣц'і
Т. глогамѡ	дѡрэва́мѡ	г'іўка́мѡ	к'эрнѣц'ѣмѡ
М. глога́х	дѡрэва́х	г'іўка́х	к'эрнѣц'ѣх

б) В единственном числе ударение падает на корень, во множественном — также на корень, за исключением родительного падежа: *в'імн'і*, *к'імн'і* (|| *к'і́мн'і*) 'темя'.

И. к'і́мн'і	к'і́мн'і	В. к'і́мн'і	к'і́мн'і
Р. к'і́мн'і	к'і́мн'іу́	Т. к'і́мн'ом	к'і́мн'имѡ
Д. к'і́мн'овѡ	к'і́мн'ім	М. к'і́мн'і	к'і́мн'іх

²⁰ Отмечена и более новая форма: *к'эрнѣц'іў*.

в) В единственном числе ударение падает на корень, во множественном числе — на флексию, за исключением формы именительного—винительного падежей: *жб́лоб*; *зámик'*. Например:

И. зámик'	зámэк'í	В. зámик'	зámэк'í
Р. зámэк'í	замэк'íŷ	Т. зámэтəŷ	замэк'émə
Д. зámэтə	замэк'ém	М. зámэтə	замэк'эх

Тот же тип ударения наблюдается в склонении существительного *л'удéна*, форма множественного числа которого — *л'удə*:

И. л'удéна	л'удə	В. л'удéну	л'удáй
Р. л'удéнə	л.удáй	Т. л'удéноŷ	л'уд'émə
Д. л'удén'í	л'уд'ém	М. л'удén'í	л'уд'эх

г) В единственном и множественном числе ударение падает на флексию, за исключением форм родительного—винительного падежей множественного числа *дон'ká*:

И. дон'ká	дон'к'é	В. дон'кú	дон'ók
Р. дон'к'é	дон'ók	Т. дон'коŷ	дон'káмə
Д. дон'ц'í	донкám	М. дон'ц'í	дон'káх

д) В единственном числе ударение падает на флексию, во множественном числе — также на флексию, за исключением форм именительного—винительного падежей *плəчá*:

И. плəчá	плáчí	В. плəчá	плáчí
Р. плəч'é	плəчáй	Т. плəчám	плəч'émə
Д. плəчáвə	плəч'ém	М. плəчé	плəч'эх

е) В единственном числе ударение падает на флексию, за исключением форм с нулевой флексией, т. е. именительного—винительного падежей (у неодушевленных существительных); во множественном числе ударение также падает на флексию за исключением форм именительного—винительного падежей *овáс*:

И. овáс	віŷсə	В. овáс	віŷсə
Р. віŷсá	віŷсíŷ	Т. віŷсóm	віŷсámə
Д. віŷсóвə	віŷсám	М. віŷс'í	віŷсáх

ж) В единственном числе — ударение на флексии, во множественном числе — ударение тоже на флексии, кроме форм именительного—винительного падежей множественного числа *віŷц'é*:

И. віŷц'é	віŷцí	В. віŷц'ú	віŷц'í
Р. віŷц'í	овáц	Т. віŷцáŷ	віŷц'émə
Д. віŷцé	віŷц'ém	М. віŷцé	віŷц'эх

6. Некоторые существительные имеют подвижное ударение как в единственном, так и во множественном числе. В единственном числе ударение падает на флексию, кроме формы винительного падежа; во множественном числе в формах именительного—винительного и роди-

тельного падежей ударение падает на корень, в остальных падежах — на флексию: *нога́* (мн. ч. *но́га*), *рука́*. Например:

И. рука́	ру́к'и	В. ру́ку	ру́к'и
Р. рук'е́	рук	Т. руко́у	рука́м
Д. руц'и́	рука́м	М. руц'и́	рука́х

УДАРЕНИЕ В ФОРМАХ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

1. Глаголы с корневым ударением в формах настоящего времени

Основываясь на характере глагольной основы настоящего времени, можно разделить глаголы с корневым ударением на следующие группы.

1. Основа инфинитива оканчивается на *-á(тэ)* или *-а(тэ)*, презентная основа — на согласный:

бра́хатэ, в'и́затэ, з'и́затэ 'связать'; *каза́тэ, кра́сатэ* 'высекать искру'; *паса́тэ, пла́ска́тэ, поло́ка́тэ* 'полоскать'; *сва́статэ, ска́ка́тэ, ско́ботатэ* 'щекотать'; *сто́гна́тэ, стру́га́тэ, топта́тэ, трэ́пата́тэ, хл'оста́тэ, ша́потатэ, ша́птатэ, шкря́пата́тэ* 'скрести'; *ле́затэ* 'лизать'; *пла́каты́, р'и́заты́, се́паты́*. Например:

кра́сатэ стру́га́тэ пла́каты́

1 л. кра́шу стру́жу пла́чу

2 л. кра́шэш стру́жэш пла́чэш

3 л. кра́шэ стру́жэ пла́чэ

1 л. кра́шэмо стру́жэмо пла́чэмо

2 л. кра́шэтэ стру́жэтэ пла́чэтэ

3 л. кра́шут стру́жут пла́чут

2. Основа инфинитива оканчивается на *-á(тэ)* или *-а(тэ)*, презентная основа — на *-áй* или *-ай*. При этом место ударения в формах инфинитива и настоящего времени остается неизменным:

гра́тэ, гра́матэ, запо́пады́тэ, зны́тэ, кле́паты́, л'и́каты́ (с'и) 'бояться'; *маха́тэ, пруга́тэ* 'вырываться'; *пхы́тэ, с'э́гаты́, сл'и́паты́*²¹ 'слепнуть', *ткы́тэ, шуга́тэ*;

го́мнаты́ 'жевать'; *двэ́гаты́, к'э́гаты́* 'тягать'; *к'э́даты́, ме́каты́, не́каты́* 'заглядывать'; *ну́заты́* 'мучить'; *сту́каты́, хо́узаты́*. Например:

кле́паты́

к'э́гаты́

1 л. кле́пайу кле́пайэмо к'э́гайу к'э́гайэмо

2 л. кле́пайэш кле́пайэтэ к'э́гайэш к'э́гайэтэ

3 л. кле́пайэ кле́пайут к'э́гайэ к'э́гайут

Исключение из этого типа глаголов составляет глагол *хра́матэ*, основа настоящего времени которого имеет ударение на первом слоге: *хра́майу, хра́майэш, хра́майэмо, хра́майэтэ, хра́майут*.

3. Основа инфинитива оканчивается на *-и́а(тэ)*: *бл'а́йаты́, в'и́йаты́, с'и́йаты́*. Например:

с'и́йаты́: с'и́йу, с'и́йэш, с'и́йэ, с'и́йэмо, с'и́йэтэ, с'и́йут.

²¹ Отмечена также парадигма с ударением на первом слоге: *сл'и́пайу*, 1 л. *сл'и́пайу*... и т. д.

4. Основа инфинитива оканчивается на *-ува(тэ)* [*-'ува(тэ)*] или *-ува(тэ)* [*-'ува(тэ)*], презентная основа на *-ýй* (*-'ýй*) или *-уй* (*-'уй*):

банувáтэ 'тосковать', *б'íдува́тэ*, *боронувáтэ*, *вагува́тэ* (*с'і*) 'колебаться', *вакува́тэ*, *валува́тэ* 'делать насыпную дорогу', *годува́тэ*, *гвалтува́тэ*, *лiнува́тэ* (*с'і*) 'лениться', *запанува́тэ*, *м'іркува́тэ*, *пантрува́тэ* 'стеречь', *штамува́тэ* 'выходить (ч.-л.)'; *танц'ува́тэ*, *ц'іл'ува́тэ*; *віхóджувáтэ*, *г'éкуватэ* 'благодарить'; *обмáн'увáтэ*. Например:

	<i>банувáтэ</i>	<i>обмáн'увáтэ</i>
1 л.	бан'úйу бан'úймо	обмáн'уйу обмáн'уйэмо
2 л.	бан'úйэш бан'úйэтэ	обмáн'уйэш обмáн'уйэтэ
3 л.	бан'úйэ бан'úйут	обмáн'уйэ обмáн'уйут

5. Основа инфинитива оканчивается на *-'е(тэ)* или *-'é(тэ)*, презентная основа на *-'ей-* или *-'эй(-ий)*:

будж'éтэ 'будить'; *віган'éтэ*, *вон'éтэ*, *докуч'éтэ*, *к'інч'éтэ*, *обиц'éтэ*, *сточ'éтэ* 'соединять концы чего-либо'; *тач'éтэ* 'гладить (белье)'; *фур'éтэ* 'кидать', *шпур'éтэ* 'швырять'; *в'іш'э́тэ*. Например:

	<i>вон'éтэ</i>	<i>в'іш'э́тэ</i>
1 л.	вон'ейу вон'ейэмо	в'іш'эйу в'іш'эйэмо
2 л.	вон'ейэш вон'ейэтэ	в'іш'эйэш в'іш'эйэтэ
3 л.	вон'ейэ вон'ейут	в'іш'эйэ в'іш'эйут

6. Основа инфинитива оканчивается на *-é(тэ)* или *-э(тэ)*, презентная основа — на согласный:

будéтэ 'будить', *бродéтэ*, *бавéтэ* (*с'і*) 'играться'; *б'ілэ́тэ*, *варéтэ*, *водéтэ*, *возéтэ*, *вучéтэ* 'учить'; *голéтэ* 'брить'; *гонéтэ*, *губéтэ* (*с'і*) 'теряться', *дэвéтэ* (*с'і*) 'топиться (в воде)'; *д'ілэ́тэ*²², *душéтэ*, *ж'ілэ́тэ* 'жалить (о крапиве)'; *крáшэ́тэ* 'резать (мясо)'; *колáсэ́тэ*, *колóтэ*, *котéтэ*, *кру́тэ́тэ*, *курé́тэ* (*с'і*) 'дымиться'; *л'убé́тэ*, *ломé́тэ*, *м'ісé́тэ*, *молчé́тэ*, *мостé́тэ*, *мочé́тэ*, *нэ́зэ́тэ* 'низать', *палé́тэ*, *просé́тэ*, *пустé́тэ*, *робé́тэ*, *р'ідé́тэ*, *родé́тэ*, *св'і́тэ́тэ*, *служé́тэ*, *солé́тэ*, *судé́тэ*, *стáлэ́тэ*, *ступé́тэ*, *сушé́тэ*, *точé́тэ*, *тáсá́тэ*, *тупé́тэ*, *ходé́тэ*, *фалé́тэ*, *чэ́нэ́тэ*; *боронé́тэ*, *волочé́тэ*, *городé́тэ*, *молотé́тэ*, *солодé́тэ*;

бóчэ́тэ (*с'і*) 'смотреть изподлобья'; *в'і́рэ́тэ*, *гладé́тэ*, *злóстэ́тэ* 'злиться', *йі́здэ́тэ*, *квáпэ́тэ* (*с'і*) 'торопиться'; *квóлэ́тэ* (*с'і*) 'жаловаться', *клáмб-сáтэ* 'гремять, стучать'; *ко́нопа́дэ́тэ* 'просить (настойчиво)'; *лáгодэ́тэ*, *л'ý́тэ́тэ* (*с'і*), *мóрэ́тэ* 'морить'; *нóсэ́тэ*, *пráвэ́тэ*, *пý́дэ́тэ*, *рýшэ́тэ*, *скбро-мэ́тэ* (*с'і*), *скбóчэ́тэ*, *смáжэ́тэ*, *чé́стэ́тэ*, *шчý́рэ́тэ* (*с'і*) 'настораживать уши (о лошади)', *зал'á́мэ́тэ*, *пов'і́сэ́тэ*. Например:

	<i>кру́тэ́тэ</i>	<i>ломé́тэ</i>	<i>гладé́тэ</i>	<i>пов'і́сэ́тэ</i>
1 л.	крúчу лóмйу глáджу пов'і́шу			
2 л.	крúтэш лóмэш глáдэш пов'і́сэш			
3 л.	крúтэт лóмэт глáдэт пов'і́сэт			
1 л.	крúтэмо лóмэмо глáдэмо пов'і́сэмо			
2 л.	крúтэтэ лóмэтэ глáдэтэ пов'і́сэтэ			
3 л.	крúк'іт лóм [#] ут глáг'іт пов'і́с'іт			

²² Реже встречается вариант: *г'і́лэ́тэ*.

7. Основа инфинитива оканчивается на *-i(tə)*, презентная основа на *-iй*: *глэв'итэ*, 'плесневеть', *гр'итэ*, *жэвр'итэ*, *марн'итэ* 'чахнуть', *хор'итэ*. Например:

гр'итэ: *гр'iйу*, *гр'iйэш*, *гр'iйэ*, *гр'iйэмо*, *гр'iйэтэ*, *гр'iйут*.

8. Основа инфинитива оканчивается на *-i(tə)* или *-i(tə)*, презентная основа — на согласный: *тр'инок'итэ* 'трепетать'; *хок'итэ*, *вэг'итэ*. Например:

хок'итэ *вэг'итэ*

1 л. хóчу	хóчэмо	вэджу	вэдэмо
2 л. хóчэш	хóчэтэ	вэдэш	вэдэтэ
3 л. хóчэ	хóчут	вэдэт	вэг'ит.

9. Основа инфинитива оканчивается на *-ну(tə)*, основа настоящего времени — на *-н*:

дз'эбнутэ, *достэгнутэ*, *дубнутэ* 'топнуть'; *к'эгнутэ* 'потянуть': *крéкнутэ*, *лэгнутэ* 'глотнуть'; *мékнутэ*, *мóкнутэ*, *нékнутэ*, *плáснутэ*, *свэснутэ*, *сл'iннутэ*, *сýнутэ*—(*c'i*), *тбўкнутэ*, *хл'óснутэ*, *шчáзнутэ*. Например:

к'эгнутэ: *к'эгну*, *к'эгнэш*, *к'эгнэ*, *к'эгнэмо*, *к'эгнэтэ*, *к'эгнут*.

10. Основа инфинитива оканчивается на *-ó(tə)*, презентная основа — на согласную: *полóтэ*, *порóтэ*, *молотэ*. Например:

порóтэ *молóтэ*

1 л. пór'у	пóрэмо	мáл'у	мáлэмо
2 л. пórэш	пóрэтэ	мáлэш	мáлэтэ
3 л. пórэ	пór'ут	мáлэ	мáл'ут.

11. Основа инфинитива оканчивается на *-é(tə)*, *-ý(tə)*, *á(tə)*, презентная основа — на *-ей* *-ýй*, *-áн*: (*за*)*вётэ*²³, *лётэ*, *мётэ*, *рётэ*; *дýтэ*, *чýтэ*, *стáтэ*. Например:

жётэ *дýтэ* *стáтэ*

1 л. жéйу	дýйу	стáну
2 л. жéйэш	дýйэш	стáнэш
3 л. жéйэ	дýйэ	стáнэ

1 л. жéйэмо	дýйэмо	стáнэмо
2 л. жéйэтэ	дýйэтэ	стáнэтэ
2 л. жéйут	дýйут	стáнут.

12. Основа инфинитива оканчивается на *-с(tə)* [*-з(tə)*], презентная основа — на *-д-* и *-з-*: *ўпáстэ* 'падать'; *с'ístэ*, *л'ístэ* || *л'íзтэ*. Например:

ўпáстэ *л'ístэ*

1 л. ўпáду	ўпáдэмо	л'íзу	л'íзэмо
2 л. ўпáдэш	ўпáдэтэ	л'íзэм	л'íзэтэ
3 л. ўпáдэ	ўпáдут	л'íзэ	л'íзут

²³ Глаголы *вётэ*, *завётэ* имеют две парадигмы: с презентной основой на *-ей* и на *-й-*: 1 л. *вéйу* и *вйў*, 2 л. *вéйэш* и *вйдш* и т. д.

13. Основа инфинитива оканчивается на -ч(é), презентная основа на -ж-: *лэчэ, мочэ*. Например:

л'эчэ: л'эжу, л'эжаш, л'эжа, л'эжэмо, л'эжэта, л'эжут.

II. Глаголы с ударением на флексии в формах настоящего времени

Глаголы с ударенной флексией в формах настоящего времени делятся на две группы. Для глаголов группы «а» характерно ударение на первом слоге флексии (если она двухсложная — т. е. в 1 и 2 л. мн. ч.), у глаголов группы «б» ударение падает на последний слог. В этой группе выделяется небольшое число глаголов, у которых в форме 1 лица единственного числа ударение смещено на корень, а во всех остальных лицах оно стоит на последнем слоге. Таким образом в саджавском говоре представлены следующие типы распределения ударения во флексиях форм настоящего времени:

Тип «а»	Тип «б»		
	«б» ¹		«б» ²
1 л. ед. ч.	— ' —	— ' —	' —
2, 3 л. ед. ч. }	— ' —	— ' —	— ' —
3 л. мн. ч. }	— ' —	— ' —	— ' —
1, 2 л. мн. ч.	— ' —	— ' —	— ' —

Тип ударения «а»

1. Основа инфинитива оканчивается на -вá(тá), презентная основа — на -й: *давáтá, кувáтá*. Например:

кувáте: куй'у, куй'аш, куй'а, куй'áмо, куй'áтá, куй'ут.

2. Основа инфинитива оканчивается на -á(тá), презентная основа — на согласный: *ждáтá, ймáтá*, 'ловить', *ревáтá, рзáтá* 'ржать'; *слáтá, сцáтá* 'сосать'. Например:

	<i>рэвáтá</i>	<i>рзáтá</i>
1 л. рэв'у	рэв'áмо	ржу рж'áмо
2 л. рэв'аш	рэв'áтá	рж'аш рж'áтá
3 л. рэв'а	рэв'ут	рж'а ржут

3. Основа инфинитива оканчивается на á(тá), презентная основа имеет расширение -э: *брáтá, прáтá, гнáтá*. Например:

гнатá: жэн'у, жэн'аш, жэн'а, жэн'áмо, жэн'áтá, жэн'ут.

4. Основа инфинитива оканчивается на -'é(тá), презентная основа — на согласный: *стáрч'этá*. Например:

стáрч'у, стáрч'еш, стáрч'эт, стáрч'эмо, стáрч'этá, стáрч'ёт.

5. Основа инфинитива оканчивается на -é(тá), в презентной основе появляются согласные м и н: *ўз'этá, ж'этá* 'жать', *зач'этá* 'начать', *мн'этá* 'мять', *розпн'этá*. Например:

	<i>ўз'этá</i>	<i>розпн'этá</i>
1 л. озм'у	озм'áмо	розпн'у розпн'áмо
2 л. озм'аш	озм'áтá	розпн'аш розпн'áтá
3 л. озм'а	озм'ут	розпн'а розпн'ут

6. Основа инфинитива оканчивается на *é(тə)*, презентная основа — на согласный: *валéтə, голосéтə, мастéтə* 'мазать жиром', *образéтə* 'обижать'. Например:

голосéтə; голошý, гqлосéш, голосéт, голосéмо голосéтə, голос'ет

7. Основа инфинитива оканчивается на *-é(тə)*, презентная основа — на *-эй*:

гнэ́тə: гнейý, гнэйáш, гнэйá, гнэйáмо, гнейáтə, гнэйýт.

8. Основа инфинитива оканчивается на *-é(тə)*, презентная основа — на *-й*: *бэ́тə, лэ́тə, пэ́тə*. Например:

бэ́тə: бйу, бйáш, бйá, бйáмо, бйáтə, бйут.

9. Основа инфинитива оканчивается на *-йí*, презентная основа на *й*: *гойíтə: гойý, гойíш, гойíт, гойíмо, гойíтə, гойáт.*

10. Основа инфинитива оканчивается на *-нý(тə)*, презентная основа — на *-н*: *гну́тə, двэгну́тə, здрэгну́тə, зíхну́тə* 'зевнуть', *к'э́йну́тə, махну́тə мэтну́тə прор'íкну́тə, схну́тə* 'сохнуть', *усну́тə, ханну́тə*. Например:

двэгну́тə: двегну́, двегна́ш, двегна́, двегна́мо, двегна́тə, двэгну́т.

11. Основа инфинитива оканчивается на *-с(тə)*, *-с(тə)* [*-з(тə)*], презентная основа на *-с*, *-з*-, *-т*-, *-д*-, *-б*-:

на́стə, пáстə, трáстə; грэ́зтə; бра́стə, клáстə, кра́стə, ўпа́стə, 'упасть'; вэ́стə, мэ́стə, плэ́стə;

грэ́пстə, скупстə. Например:

	<i>на́стə</i>	<i>грэ́зтə</i>	<i>бра́стə</i>	<i>плэ́стə</i>	<i>грэ́пстə</i>
1 л.	пасу́	грэзу́	брэду́	плэту́	грэбу́
2 л.	пасáш	грэзáш	брэдáш	плэтáш	грэбáш
3 л.	паса́	грэза́	брэдá	плэта́	грэба́
1 л.	паса́мо	грэза́мо	брэдáмо	плэта́мо	грэба́мо
2 л.	паса́тə	грэза́тə	брэдáтə	плэта́тə	грэба́тə
3 л.	пасу́т	грэзу́т	брэду́т	плэту́т	грэбу́т.

12. Основа инфинитива оканчивается на *-áр*-, презентная основа — на *-р*·: *да́ртə, ўма́ртə, па́ртə, зiпа́ртə, спа́ртə, роспри́ста́ртə, та́ртə*. Например:

	<i>ўма́ртə</i>	<i>да́ртə</i>
1 л.	ўмру́	ўмра́мо дру́
2 л.	ўмра́ш	ўмра́тə дра́ш
3 л.	ўмра́	ўмру́т дра́

Разновидностью этой группы является глагол *ча́ртə* 'черпать', который в презентной основе имеет сочетание *-ар*·: *ча́ру, ча́раш, ча́рə, ча́рамо, ча́рата, ча́рут.*

13. Основа инфинитива оканчивается на *-ч(é)*, *-ч(ə)*, презентная основа — на *-ч*-, *-ж*·: *ба́рəчэ, ўтəчэ, тəчэ, с'ичэ, стрэ́чə, пəчэ, прор'ичэ*. Например:

	<i>ба́рəчэ</i>	<i>с'ичэ</i>
1 л.	ба́рəжу́	ба́рəжа́мо с'ичу́
2 л.	ба́рəжа́ш	ба́рəжа́тə с'ичáш
3 л.	ба́рəжа́	ба́рəжу́т с'ичá

Тип ударения «б»

1. Основа инфинитива оканчивается на -йá(тá), презентная основа — на -й;

стойáтá: стойý, стойíш, стойít, стойímó, стойítá, стойáт.

2. Основа инфинитива оканчивается на -á(тá), презентная основа — на согласный:

спáтá: спйу, спéш, спét, спэмó, спэтá, сп'ét

3. Основа инфинитива оканчивается на 'é(тá), презентная основа — на согласный: вэрэшч'этá, моўч'этá. Например:

моўч'этá: моўчý, моўчéш, моўчét, моўчэмó, моўчэтá, моўч'ét.

4. Основа инфинитива оканчивается на -é(тá), презентная основа — на согласный:

ўстрóмэтá, гатéтá 'задерживать воду', допр'ítэтá 'надоедать', захастéтá 'загородить изгородью', пэстéтá, платéтá, садéтá, сварéтá (с'í) 'ссориться', сепéтá 'шипеть (о змее)', свэрдлéтá, чэрнéтá. Например:

ўстрóмэтá пэстéтá садéтá

1 л. ўстрóмйý пэшчý саджý

2 л. ўстрóмéш пэстéш садéш

3 л. ўстрóмэт пэстét садét

1 л. ўстрóмэмó пэстэмó садэмó

2 л. ўстрóмэтá пэстэтá садэтá

3 л. ўстрóм'ét пэск'ít сáг'ét

5. Основа инфинитива оканчивается на -í(тá), презентная основа — на согласный:

ўдзр'ítá, вэрк'ítá, лэк'ítá, смэрг'ítá, трэмк'ítá, 'дрожать', хрэп'ítá, хрук'ítá. Например:

вэрк'ítá смэрг'ítá хрэп'ítá

1 л. вэрчý смэрджý хрэпйý

2 л. вэртéш смэрдéш хрэпéш

3 л. вэртét смэрдét хрэпét

1 л. вэртэмó смэрдэмó хрэпэмó

2 л. вэртэтá смэрдэтá хрэпэтá

3 л. вэрк'ét смэрг'ét хрэп'ét

6. Основа инфинитива оканчивается на -й(тá), презентная основа — на -й:

ройítá (с'í): ройý (с'í), ройíш (с'í), ройít (с'í), ройímó (с'í), ройítá (с'í), ройáт (с'í).

7. Основа инфинитива оканчивается на -ч(á), презентная основа — на -ж-:

б'íчá: б'íжý, б'íжéш, б'íжét, б'íжэмó, б'íжэтá, б'íжýт.

Тип ударения «б²»

1. Основа инфинитива оканчивается на -'ѣ(тѣ), презентная основа — на согласный:

*лѣж'ѣтѣ: лѣжѹ, лѣжѣш, лѣжѣт, лѣжѣмѣ, лѣжѣтѣ, лѣж'ѣт*²⁴

2. Основа инфинитива оканчивается на -ѣ(тѣ), презентная основа — на согласный:

ростѣтѣ: рѣшѹ, ростѣш, ростѣт, ростѣмѣ, ростѣтѣ, роск'ѣт.

3. Основа инфинитива оканчивается на -і(тѣ), презентная основа — на согласный: *сѣг'ітѣ, тѣрп'ітѣ*. Например:

сѣг'ітѣ: сѣджѹ, сѣдѣш, сѣдѣт, сѣдѣмѣ, сѣдѣтѣ, сѣг'ѣт.

4. Основа инфинитива оканчивается на -йі(тѣ) [-йѣ(тѣ)], -йі(тѣ), презентная основа на -й: *дойітѣ, клѣйітѣ, кройітѣ, тройітѣ* 'отравлять'; *млойѣтѣ; гайітѣ.*

дойітѣ млойѣтѣ гайітѣ

1 л. дойѹ млойѹ гайѹ

2 л. дойіш млойіш гайіш

3 л. дойіт млойіт гайіт

1 л. дойімѣ млойімѣ гайімѣ

2 л. дойітѣ млойітѣ гайітѣ

3 л. дойят млойят гайят.

5. Основа инфинитива оканчивается на -с(тѣ) [-з(тѣ)], презентная основа — на -з:

*вѣзтѣ: вѣзѹ, вѣзѣш, вѣзѣ, вѣзѣмѣ, вѣзѣтѣ, вѣзѹт.*²⁵

²⁴ Приставочный глагол *полѣж'ѣтѣ* имеет следующее ударение в формах настоящего времени: *полѣжѹ, полѣжѣш, полѣжѣт, полѣжѣмѣ, полѣжѣтѣ, полѣж'ѣт.*

²⁵ По мнению В. А. Дыбо, этот тип ударения является древним; такое ударение встречается также в старейших русских акцентуированных текстах.

В. А. Редькин

К АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКОМУ ЗАКОНУ ХАРТМАНА

В статье будут рассмотрены некоторые вопросы истории ударения суффиксальных имен прилагательных в русском языке. В русском языке имена прилагательные с суффиксом *-н-, -ск-, -ов-, -овск-, -ан- (-ян-)* имеют ударение на окончании (*кругово́й, земляно́й, морско́й* и др.) или на основе (*че́стный, бобо́вый* и др.). Закономерности распределения ударения в указанных прилагательных исследовал Х. Хартман¹. Х. Хартман устанавливает в своей работе следующий закон.

От существительных с неподвижным ударением на корне образуются прилагательные, сохраняющие место ударения соответствующих имен существительных — *ра́к, ра́ка: ра́ковый; бу́к, бу́ка: бу́ковый* и др. От имен существительных с неподвижным ударением на окончании образуются прилагательные с предконечным ударением: *боб, боба́: бобо́вый; овес, овса́: овся́ный* и др. От имен существительных с подвижным ударением — прилагательные с ударением на окончании: *рука́, руки́, вин. ру́ку, мн. ру́ки, рук, рука́м; на руку: ручно́й; го́род, го́рода, мн. городá, городо́в: городово́й* и др.

Однако, устанавливая свой закон, Х. Хартман оперировал небольшим материалом. В славянских языках он отмечал только те факты, которые соответствовали его схеме, а факты, которые противоречили этой схеме, опускал или пытался истолковать как поздние.

Между тем имеется значительное число исключений из закона Хартмана². В работах, посвященных славянской акцентологии, опубликованных в последние годы³, содержатся факты, проливающие новый свет на закон Хартмана. В связи со сказанным возникает необходимость в дополнительном исследовании истории ударения названных суффиксальных прилагательных. Здесь мы проверим выводы Х. Хартмана на более обширном материале с привлечением показаний акцентированных русских памятников XVI—XVII вв. и русских диалектов⁴.

¹ H. Hartmann. Studien über die Betonung der Adjektiva im russischen. Leipzig, 1936

² V. Kiparski. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962, стр. 263—264.

³ Chr. S. Stang. Slavonic accentuation. Oslo, 1957; J. Kuryłowicz. L'accentuation des langues indo-européennes. Wrocław—Kraków, (2 éd.), 1958; V. Kiparski. Указ. соч.

⁴ Нами принимаются следующие сокращения: Ж. — Житие протопопа Аввакума в рукописи собрания Дружинина, XVII в., рукописн. фонд Библиотеки АН СССР, Ленинград, шифр: № 746; Ист. — Палицын Авраамий, келарь Троице-Сергиева монастыря, «История в память предыдущимъ роде́мъ», рукописн. фонд Публ. библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, шифр Q IV 352, Ленинград; Д. — Домострой в рукописи собрания Н. М. Коншина, рукописн. фонд Публ. библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, шифр: Q XVII 149; Л. — Книга лошадиного учения..., рукопись

Суффиксальные имена прилагательные, развивающиеся в полных формах ударение на окончании или на основе в зависимости от ударения производящего слова, имеют в кратких формах тот же тип ударения, что и в производящих словах. Тождество ударения кратких форм прилагательных и производящих слов обнаруживается во всех славянских языках, сохранивших праславянские акцентологические различия.

Неподвижному ударению на корне, характеризующему актуовой интонацией, соответствует неподвижное ударение на корне, сопровождаемое акутом, в производящих словах: русск. *лѹковый*: серб. *лѹков*, словен. *lŭkov* — русск. *лук*, *лѹка*, серб. *лѹк*, *лѹка*, чакав. *lŭk*, *lŭka*, словен. *lŭk*, *lŭka*; *рѹковый*: серб. *рѹков*, словен. *rŭkov* — русск. *рак*, *рака*, серб. *рѹк*, *рака*, словен. *rŭk*, *rŭka*; *бѹковый*: серб. *бѹков* — русск. *бук*, *бѹка*, серб. *бѹк*, *бѹка*; *горѹховый*: серб. *грѹхов*, словен. *grŭhov* — русск. *горѹх*, *горѹха*, серб. *грѹх*, *грѹха*, чакав. *grŭh*, *grŭha*, словен. *grŭh*, *grŭha*, чеш. *hrŭch*; *хлѣбный*: серб. *хлѣбан*, -бна, -бно (*хлѣбан*) — русск. *хлеб*, *хлѣба*, местн. в *хлебѹ*⁵, серб. *хлѣб*, *хлѣба*, (*хлеб*), чакав. *hlĕb*, *hlĕba*, словен. *hlĕben*, *hlĕb*, *hlĕba*; серб. *гѣдан*, -дна, -дно — русск. *гѣд*, *гѣда*, серб. *гѣд*, *гѣда*; словен. *gŭd*, *gŭda*; *дѣдов*: серб. *дѣдов*, -а, -о (*дѣдов*) — русск. *дѣд*, *дѣда*, серб. *дѣд*, *дѣда*, словен. *dĕd*, *dĕda*.

Подвижному ударению производящего слова соответствует в русском языке подвижное ударение кратких прилагательных-дериватов.

цвѣт, -а, местн. в *цвѣтѹ*
чѣст, -и, местн. в *чѣстѹ*

цвѣтны (Ж., 235)

чѣстен, *чѣстнѧ*, *чѣстно*, *чѣстны*,
ср. *чѣстен* (Д. 32); *чѣстно*
(Уч., 28)

вѣк, -а; на своем *вѣкѹ*;
мн. *вѣкѧ*, *вѣков*, *вѣкам*
грязь, -и; в *грязѹ*; по
грязѹ (Обн. 1, 315)⁶

вѣчен, *вѣчнѧ*, *вѣчно*,
вѣчны;
грязен, *грязнѧ*, *грязно*,
грязны

страх, *страха* и
страху; со *страхом*
(С., 67); в диалек-
тах: во *страхѹ*, на
страхѹ (Обн. 1, 137)

страшен, *страшнѧ*, *страшно*,
страшины, ср. *страшно* (Ж., 239);

жар, -а; в *жарѹ*

жѧрок, *жѧркѧ*, *жѧрко*, *жѧрки*.

Древность указанного отношения подтверждается словен. *brĕžen*, *zĕben*, *kvāsen*, *lāsen*, *sāden* и другими, чакав. *glādān*, *glādnŭ*, *glāдно*, отражающими циркумфлекс корневого гласного и старую подвижность ударения, тождественные ударению и интонации производящего слова.

XVII в., рукописн. фонд Публ. библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, шифр: F XI; Уч. — Учение и хитрость ратного строения пѣхотныхъ людей, М., 1647, старопечатная книга; С — Соборное уложение, М., 1649, старопечатная книга; Сб. — Сборник Софийской библиотеки № 1460, XVI в. (цитируется по кн. Л. Л. Васильев, О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. Л., 1929); Вед. — «Ведомости», — цифры обозначают год и номер газеты.

⁵ Русская подвижность ударения в слове *хлеб*, -а; в *хлебѹ*, видимо, вторична, ср. род. мн. *хлѣбовъ* (Вед. 1703, 11 и 16). Ср.: В. Кипарский. О колебаниях ударения в русском литературном языке. 1. Односложные имена существительные. Хельсинки, 1950, стр. 48 (далее всюду в тексте ссылки на эту книгу обозначаются сокращенно — Кип.).

⁶ См. документацию ударения в диалектах русского языка: С. П. Обнорский и др. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1. Единственное число. Л., 1927, — Сб. ОРЯС, т. С, № 3 (в статье обозначается: Обн. 1, затем — ссылка на страницу).

Неподвижному ударению на окончании в производящем слове соответствует неподвижное ударение на окончании в кратких прилагательных.

вред, вреда *врѣден, вредна́ врѣднѣ, врѣднѣй.*
грех, греха́ *грѣшно, (нареч. грѣшнѣ), грѣшна́, грѣшнѣй*
ум, ума́ *умѣн, умна́, умнѣ, умнѣй.*

Ср. словен. *dvòr, dvòra:dvòren; stòl, stòla:stòlen; nòž, nòža:nòžen; bòj, bòja:bòjen; gròb, gròba:gròben; bòk, bòka:bòčen; gròzd, gròzda:gròzden; kòrst; kòrsta:kòrsten.*

Расхождения между ударением производящего слова и соответствующих кратких форм, видимо, позднего происхождения. Старое тождество ударения кратких прилагательных и производящих слов разрушается, ср. русск. *гад, га́да : га́док, гадка́ гадко́, гадки́*; словен. *klàs:klàsen; lík:líčen; bēg:bēžen*, серб. *vrājed:вриједан, -дна, -дно.*

Вероятно, в каждом из славянских языков процесс изменения акцентовки кратких прилагательных происходит по своим законам. В русском языке соответствие между ударением производящего слова и краткого прилагательного-деривата могло быть утрачено в результате изменения ударения производящего слова, ср. *стра́шен, стра́шна́, стра́шно, стра́шны*, но *страх, стра́ха* или *стра́ху, со стра́ху, в стра́хе* (в производящем слове утрачена отмеченная выше подвижность ударения, засвидетельствованная в памятниках письменности XVII в. и в диалектах, ср. серб. *стра́х, стра́ха*, местн. *стра́ху*, отражающее циркумфлекс и праславянскую подвижность ударения). Возникшая таким образом акцентологическая обособленность кратких прилагательных способствовала унификации ударения всех кратких форм, благодаря чему появились формы *га́док, гадка́, гадко́, гадки́*, ср. русск. *гад, га́да*, серб. *га́д, га́да*, чеш. *had*, где старое неподвижное ударение в кратких формах заменилось подвижным.

Описанный процесс сходен с распространением подвижного ударения на краткие формы бессуффиксальных прилагательных: русск. *чи́ст, чиста́, чи́сто, чи́сты*, серб. (Hvar) *číst, čístā, čísto*, русск. *слаб, слаба́, сла́бо, сла́бы*, серб. (Hvar) *slāb, slabā, slābo*, русск. *до́лог, долга́, до́лго, до́лги*, серб. (Hvar) *dūg, dugā, dūgo*⁷. Ср. лит. *ilgas*, словен. *číst, čísta; slāb, slāba*, отражающие акут при неподвижном ударении на корне и др.

Тем не менее старая соотносительность ударения кратких форм прилагательных и их производящих слов выступает вполне очевидно. Поэтому можно предположить, что в праславянском языке ударение кратких прилагательных и их производящих слов было однотипным: подвижному ударению производящего слова соответствовало подвижное ударение краткого прилагательного, неподвижному ударению на корне производящего слова — неподвижное ударение на корне краткого прилагательного, неподвижному ударению на окончании производящего слова — неподвижное ударение на окончании краткого прилагательного. Как и в бессуффиксальных прилагательных⁸, именная часть местоименных прилагательных сохраняла акцентовку кратких форм. Поэтому возникшая из праславянских местоименных форм акцентовка русских полных прилагательных обнаруживает соотносительность с ударением производящих слов, известную как закон Хартмана.

⁷ Mate Hraste. Čakavski dijalekat ostrva Brača. — СДЗБ, X, 1940, стр. 32.

⁸ Ср.: В. А. Редькин. К вопросу о происхождении нового акута. — ВЯ, 1962, № 2, стр. 59 и сл.

Как показывает история ударения бессуффиксальных прилагательных, ударение на окончании возникло в полных прилагательных из ударения на именной флексии праславянского местоименного прилагательного (такое ударение могло быть в том случае, если краткие формы имели подвижное ударение или неподвижное ударение на окончании), а предконечное ударение — из тех форм праславянских местоименных прилагательных, где ударение было оттянуто с именной флексии местоименных прилагательных на предшествующий слог с образованием нового акута⁹.

Возникнув из ударения местоименных прилагательных, система ударения полных бессуффиксальных прилагательных на почве русского языка стала соотноситься непосредственно с ударением производящих слов, так как краткие формы у значительного числа рассматриваемых прилагательных были утрачены, а сохранившиеся краткие формы частично изменили ударение. Этот признак отличает систему ударения суффиксальных прилагательных от бессуффиксальных, сохранивших связь с ударением кратких прилагательных. Вероятно, поэтому развитие ударения суффиксальных прилагательных пошло несколько иным путем, чем у бессуффиксальных. Эти специфические особенности суффиксальных прилагательных мы попытаемся выявить ниже.

Важной особенностью истории ударения суффиксальных прилагательных в русском языке является изменение ударения полного прилагательного вслед за изменением ударения производящего слова. Мы отметили такое изменение в следующих прилагательных.

Семенн-

В языке XVII в. отмечено: *сѣменныхъ* (Ист., 43). Однако в современном русском литературном языке отмечается ударение на окончании: *семеннѳй*. Форма с ударением на корне соотносится с ударением на корне в слове *сѣмя*, отмеченным во всей парадигме имени в памятниках XVII в.: *сѣмена* (С., 123; Д., 45; Хронограф, 99¹⁰); *сѣменъ* (Хронограф, 129). Древность неподвижного ударения на корне в производящем имени подтверждается словен. *sēte*, *sētena*, им. п. мн. ч. *sētena*, род. п. мн. ч. *sēten*¹¹. Изменение неподвижного ударения на корне производящего имени в подвижное вызвало замену ударения на корне ударением на окончании в соответствующем полном прилагательном-derivате.

Страшн-

В языке XVI—XVII вв. в полных формах отмечены расхождения ударения: *страшнѳй ѳноша* (Ист., 208); *страшнѳе пришествие* (Ист., 288; Сб., 23 [2 раза], 113, 129, 142, 145); *страшнѳми клятвами* (Ист., 8, 211); *страшнѳму видѳнию* (Ист., 65). Формам с ударением на окончании противостоят прилагательные с ударением на корне: *страшного судѳ* (Домострой, 28, 113); *страшную* (Уч., 15). В современном русском литературном языке ударение на корне: *страшнѳй*. Производящее слово *страх*, *страха* имеет в русском языке неподвижное ударение на корне. Однако это ударение вторично. На первоначальную подвижность ударения указывает форма род. п. ед. ч. *страху* (Обн. 1,

⁹ Ср. Chr. S. Stang. Указ. соч., стр. 101 и сл.; В. А. Редькин. Указ. соч., стр. 59 и сл.

¹⁰ Хронограф по списку библиотеки кн. П. П. Вяземского. Цитируется по кн.: Chr. S. Stang. Указ. соч., стр. 91.

¹¹ Там же.

166), а также *со страхомъ* (С., 67) и диалектн. *во страху́, на страху́* (Обн. 1, 137). Старая подвижность ударения подтверждается серб. *strǎx, strǎxa*, мест. *strǎxu*, отражающим праславянский циркумфлекс и подвижность ударения. Утрата подвижности ударения производящим именем, наметившаяся в XVII в., привела сначала к развитию в прилагательном, наряду с ударением на окончании, параллельных форм с ударением на корне, а затем к нормализации накоренного ударения.

Делов-

В памятниках XVII в. наблюдается ударение на корне: *дѣловыѣ люди* (С., 200); *дѣловыхъ* (С., 201); *дѣловымъ людямъ* (С., 109). В современном русском литературном языке ударение на окончании: *деловый*. Производящее слово имело в XVII в. неподвижное ударение на корне: дат. мн. *дѣломъ* (С., 244); тв. мн. *дѣлы* (С., 80, 88, 97, 147); мест. мн. *дѣлехъ* (С., 8, 12, 39, 41, 62, 131, 161, 296). В современном русском литературном языке в производящем слове подвижное ударение: *дѣло, дѣла*, мн. *делѣ, дел, делѣм*. Таким образом ударение на окончании вместо ударения на корне развилось в прилагательном вследствие замены неподвижного ударения на корне подвижным в производящем слове.

Изменение ударения прилагательного-derivata в зависимости от изменения ударения производящего слова свидетельствует о том, что точное соответствие между ударением производящего слова и derivata является выражением синхронного акцентологического закона, действовавшего в XVII в. Наличие исключений из закона Хартмана означает либо то, что прилагательное получило свое ударение после прекращения действия закона Хартмана, либо формулировка закона Хартмана отражает частный случай какого-то более общего правила. Ниже мы исследуем указанную дилемму.

Для значительной части производящих слов полных прилагательных с ударением на окончании, характерно отсутствие множественного числа: *клеевый, грязевый, хмелевой, молевой, ролевой, плесневый, гаревый, коревый, глубьевый, бельевый, гольевый, корьевый, сырьевый, питьевый, дутьевый, цуговый, градовый, скажовый, восковый, храповый, жаровый, моровый, плясовый, бытовй, маховый, паховый, страховый, духовый, слуховый, пуховый*.

Заметим, что хотя некоторые производящие слова указанных прилагательных, получая конкретное значение, могут употребляться во множественном числе, ударение этих форм нельзя признать характеристикой слова с неконкретным значением. Так, например, при ед. ч. *грязь, гряди*, мест. в *гряди́* употребляется форма мн. ч. *гряди, грядей*. Между тем перенос ударения на окончание в местном падеже единственного числа является показателем подвижности ударения. Подобные же отношения наблюдаются в слове *дух*, *ду́ха* или *ду́ху*, местн. на *духу́*, но мн. *ду́хи*, -ов (сверхъестественные существа). Наличие у Пушкина [...сего созданья злых духо́в («Руслан и Людмила»)] ударения на окончании, нормального для подвижного ударения, свидетельствует, что ударение на корне во множественном числе таких слов в конкретном употреблении является очень поздним новообразованием.

Для значительной части производящих слов приведенных выше прилагательных можно установить праславянскую подвижность ударения: *грязевый*—*грязь, гряди*, местн. в *гряди́*. Словен. *grěz, grezi* позволяет

предположить праславянский циркумфлекс и подвижность ударения в производящем имени, ср. *грязѣхъ* (С., 7, 90). *Гаревѣй*—*гарь*, *гáри*, ср. серб. *gâr*, отражающий циркумфлекс и, следовательно, праславянскую подвижность ударения; *жаровѣй*—*жар*, *жáра* или *жáру*, местн. *в жару́*, ср. серб. *žâr*, местн. *жáру* с отражением праславянского циркумфлекса и подвижности ударения; *яровѣй*—*ярь*, *яри*, ср. серб. *jâr*, нд *jar*, словен. *jâr*, отражающие праславянскую подвижность ударения и циркумфлекс корневого гласного; *колосовѣй*—*кѣлос*, *кѣлоса*, ср. серб. *клáс*, местн. *клáсу*, мн. *клáсови* с рефlekсами праславянского циркумфлекса и подвижности ударения, с чем согласуется ударение на первом элементе полногласия в русском языке. Русская форма множественного числа *колѣсья* не соотносится с единственным числом по ударению, так как возникла из собирательного существительного; *восковѣй*—*воск*, *вѣска*, ср. *на воскú* (С., 6, 70), серб. *вѣсак*, *вѣсакá*, местн. *у вѣску* отражает праславянскую подвижность ударения. Ударение на окончании в рассматриваемых именах прилагательных можно объяснить наличием в прошлом у производящих слов указанных прилагательных ударения подвижного типа. Но с точки зрения современного русского языка уже невозможно говорить о подвижности ударения в производящем слове, так как подвижность ударения не обнаруживается в формах единственного и множественного числа. Поэтому соотношение ударения на окончании прилагательного-derivата с ударением производящего слова следует признать разрушенной.

Сходная картина наблюдается у имен прилагательных, производящее слово которых не имеет форм единственного числа: *дрожжевѣй*, ср. *дрѣжжи*, *дрожжѣй*; *вальцевѣй*, ср. *вальцѣй*, *вальцѣв*; *путевѣй*, ср. *пúты*, *пут*, *пúтам*. Отсутствие форм единственного числа не позволяет судить, к какому из акцентологических типов, с точки зрения современного русского языка, относится ударение приведенных имен. Поэтому здесь также мы отмечаем необусловленность ударения на окончании в полном прилагательном каким-либо акцентологическим типом производящего слова.

В некоторой части имен прилагательных с ударением на окончании у производящих слов обнаруживается неподвижное ударение на корне, однако ударение этих слов испытывало колебания в русском языке. Сюда же, вероятно, можно отнести слова, ударение которых не согласуется с ударением соответствующих слов в других славянских языках: *кряжевѣй*, *храмовѣй*, *фунтовѣй*, *горновѣй*, *становѣй*, *боевѣй*, *смотровѣй*, *плутовѣй*, *мировѣй*, *носовѣй*, *исковѣй* (см. документацию колебания ударения в памятниках русского языка для следующих слов: *кряж*, Кип. 92; *фунт*, Кип. 103; *стан*, Кип. 23, 28, 29, 30, 90; *бой*, Кип. 23, 26, 29, 96, 97; *смотр*, Кип. 29, 101; *прут*, Кип. 72; *мир*, Кип. 42; *нос*, Кип. 27, 42; *иск*, Кип. 24, 27, 28, 29, 30, 89). В добавление к этому укажем *храмовѣй*—*храм*, *хрáма*; в серб. *хрám*, *хрáма*, восстанавливается первоначальное неподвижное ударение на окончании; *горновѣй*—*горн*, *гѣрна*; в серб. *гѣрн*, *гѣрна* отражается старая подвижность ударения; *маховѣй*—*мах*, *мáха* или *мáху*; с *мáху*; на *маху́*; серб. (поцерск.) *мáх*, *мáха* отражает циркумфлекс; *духовѣй*—*дух*, *дúха* или *дúху*; ни *слуху*, ни *дúху*; не *хватило дúху*; на *духу́* (на исповеди). В серб. (озринич.) *dûh*, *dûha* отражается циркумфлекс¹². В этих словах колебания ударения, отмечаемые наряду с неполнотой парадигм, озна-

¹² Милош Московльевич. Акцент именица и придева у поцерском говору. — СДЗБ, II. Београд, 1911, стр. 330.

чают необусловленность ударения на окончании в прилагательном-деривате каким-либо акцентологическим типом производящего слова.

Довольно значительную группу образуют имена прилагательные с ударением на окончании, у которых производящие слова имеют аналогичное неподвижное ударение: *дождевбй, гвоздевбй, ножевбй, гужевбй, нулевбй, рулевбй, огневбй, штыревбй, путевбй, концевбй, лучевбй, ключевбй, хрящевбй, ручьевбй, столбовбй, лобовбй, трудовбй, полковбй, кусковбй, языковбй, штыковбй, крюковбй, угловбй, стволовбй, щитовбй, болтовбй, винтовбй, шпунтовбй, плотовбй, ротовбй, гуртовбй, пластовбй, листовбй, хвостовбй, мостовбй, постовбй, кустовбй, хлюстовбй, штифтовбй*.

Если исключить из этого списка имена прилагательные, у которых производящее слово является поздним заимствованием (о них мы скажем ниже), окажется, что подавляющее большинство случаев обнаруживает колебания ударения в производящих словах: *гвоздь* (Кип. 85); *ключ* (Обн. 1, 244); *лист* (Кип. 68, Обн. 1, 244); *плющ* (Кип. 71, Обн. 1, 245); *язык* (Обн. 1, 245); *узел* (Обн. 1, 245); *ствол* (Обн. 1, 245); *столб* (Кип. 75); *пруд* (Кип. 93, 94); *угол* (Кип. 76, Обн. 245); *плот* (Кип. 70, 71); *пласт* (Кип. 70); *мост* (Обн. 1, 244); *куст* (Обн. 1, 244); *хлюст* (Кип. 77) — или же прилагательное образовано от имен существительных, содержащих в корне редуцированный гласный (последние также обнаруживают колебания ударения и как таковые указаны выше): *дождь*, *огонь* < **ognь*, *угорь* < **ogrь*, *угол* < **oglь* с вторичным редуцированным ъ; *лоб*, *рот*.

Займствованные имена существительные с неподвижным ударением на окончании, от которых в современном русском языке имеются производные прилагательные с ударением на окончании, также обнаруживают колебания ударения: *нулевбй* — *нуль*, *нуля* (Кип. 81); *рулевбй* — *руль*, *руля* (Кип. 81); *полковбй* — *полк*, *полка* (Кип. 23, 27, 28, 30, 71); *штыковбй* — *штык*, *штыка* (Кип. 79); *болтовбй* — *болт*, *болта* (Кип. 62); *винтовбй* — *винт*, *винта* (Кип. 62); *гуртовбй* — *гурт*, *гурта* (Кип. 64); *постовбй* — *пост*, *поста* (Кип. 71, 72); *стиховбй* — *стих*, *стиха* (Кип. 75).

Как видно из приведенного материала, колебания ударения характерны для подавляющего большинства имен, от которых были образованы перечисленные имена прилагательные. Это означает, что акцентологический тип производящего слова несоотносим с ударением на окончании полного прилагательного-деривата. Редуцированный гласный в корне некоторого количества производящих слов исключая возможность развития ударения на слоге с этим гласным, что выделяло названные слова из числа тех акцентологических типов, в которых распределение ударения прилагательных-дериватов было по закону Хартмана. Колебания ударения в словах с редуцированными гласными в корне, указанные выше, также свидетельствуют об акцентологической обособленности перечисленных слов.

Итак, если производящее слово находилось вне системы акцентологических типов, обуславливавших распределение ударения прилагательных по закону Хартмана, прилагательные-дериваты развивали ударение на окончании. Этот принцип позволяет нам объяснить распределение ударения в прилагательных, образованных от заимствованных слов. Выше мы рассмотрели ударение имен прилагательных, для которых производящими словами были существительные с неподвижным ударением на окончании — поздние заимствования. Если производящее слово-заимствование имело неподвижное ударение на корне, образованное от него прилагательное развивало ударение на окончании: *килевбй, штилевбй, стилевбй, шпилевбй, душевбй, шлюзовбй, цирковбй, штурмо-*

вбй, штурмовбй, типовбй, центровбй, буровбй, шпуровбй, марсовбй, курсовбй, гонтовбй, текстовбй, целевбй.

Акцентовка заимствованных слов первоначально находилась вне системы ударения исконно русских слов. Это положение подтверждается тонким наблюдением В. Кипарского, полагающего, что отсутствие знака ударения над некоторыми заимствованными словами в петровских «Ведомостях» (*фашины*, Вед. 1705, 25) является свидетельством того, что данное слово еще не получило права гражданства в русском языке¹³. Для сотрудников «Ведомостей» было неясно, где обозначить ударение в заимствованном слове. Колебания ударения в таких словах также свидетельствовали, что слово не включилось в систему русского ударения, ср. *киль*, *киля* в Словаре 1794 г.; *киль*, *кйля* в Словаре 1822 г.; *штёков* в Вед. 1708, 10 (Кип. 79). Ударение на окончании прилагательных, образованных от этих слов, выражало несоотнесенность ударения прилагательного-derivата с акцентологическим типом производящего слова.

Ударение на окончании в субстантивированных прилагательных¹⁴ также можно считать результатом несоотнесенности ударения субстантивированного прилагательного с именем существительным, исключенным из словообразовательных отношений процессом субстантивации образованного от него derivата. Подобным же образом можно объяснить ударение на окончании прилагательных, когда прилагательное теряет связь с производящим словом в составе устойчивого сочетания или вследствие утраты самого производящего слова: *чиншевья* шляхта, *молевбй* лес, *бросовбй*, *кочевбй*, *дармовбй*.

Рассматривая ударение прилагательных, образованных от имен существительных женского рода на *-а*, следует выделить две группы: прилагательные, образованные в древнейший период, до перестройки ударения имен существительных женского рода на *-а*, и прилагательные, вошедшие в русский язык после перестройки ударения производящих имен существительных. К этим последним относятся и имена прилагательные, образованные от заимствованных слов.

Еще в XVII в. имена существительные на *-а* распределялись в русском языке на три акцентологических типа, без существенных изменений, продолжавших общеславянские¹⁵: А. — неподвижное ударение на корне: русск. *корёва*, *корёвы*, *корёве*, *корёву*, *корёвою*, *корёве*, *корёбы*, *корёв*, *корёвам*, (*корёв*), *корёвами*, *корёвах*; В. — неподвижное ударение на окончании: в Домострое — им. — вин. мн. *женъ*, *игръ*, *слугъ*, *дугъ*, *сумъ*, *вдовъ*. Примером акцентологической парадигмы В. может служить — *женá*, *женъ*, *женѣ*, *жену́*, *женю́*, *женѣ*, *женѣ*, *жен*, *женáмъ*, *женáми*, *женáхъ*; С. — подвижное ударение: *горá*, *горъ*, *горé*, (диал. и древнерусск. *к стóронѣ* и др.), *гору́*, *горю́*, *горé*, *гору́*, *гор*, *горáм*, *гору́*, *горáми*, *горáх*.

В русском языке имеются суффиксальные прилагательные, ударение которых обнаруживает точное соответствие указанным трем акцентологическим типам существительных на *-а*:

Тип А. *линовъ* — *ли́на*, *ли́ны*, ср. укр. *ли́на*, *ли́ни*, серб. *ли́на*, *ли́не*, словен. *líra*, *líre*, чеш. *líra*; *иловъ* — *и́ва*, *и́вы*, ср. серб. *и́ва*, *и́ве*, словен. *íva*, чеш. *jíva*; *жабный* — *жа́ба*, *жа́бы*, ср. серб. *жа́ба*, *жа́бе*, чакав. *žába*, *žábe*, словен. *žába*, *žábe*, чеш. *žába* и др.¹⁶

¹³ V. Kiparski. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache, стр. 11.

¹⁴ Там же, стр. 16.

¹⁵ Ср. Chr. S. Stang. Указ. соч., стр. 56 и сл.

¹⁶ Перечень прилагательных названного типа: Н. Hartmann. Указ. соч., стр. 65 и сл.

Тип В. мездоровый, ср. мездра́, мездры́, укр. міздря́, міздрі́, белорусск. мездра́, мездры́, серб. мѣдра, мѣдре; резедовый — резеда́, резеды́, ср. укр. резеда́, резеді́, серб. резѣда, резѣде; сиротский — сирота́, сироты́; в памятниках XVI—XVII вв. сирота́, сироты́, сироту́, мн. сироты́¹⁷.

Тип С. межевой — межа́, межы́, вин. межу́ (вторичн.) ср. серб. ме́жа, ме́жу, мн. ме́же, словен. те́ја, вин. тејѭ < *тејѭ, чеш. те́зе; стеновой, стенной — стена́, стены́, вин. стѣну, ср. серб. сти́јена, сти́јену, мн. сти́јене, чакав. stenā, stēni, stēne, словен. stēna¹⁸.

Древность акцентовки указанных прилагательных подтверждается одной важной особенностью распределения ударения имен прилагательных с суффиксом -н, образованных от существительных на -а с подвижным ударением: прилагательные с праславянской краткостью корневого гласного имеют ударение на корне, а прилагательные с праславянской долготой корневого гласного — ударение на окончании.

1. Прилагательные с краткостью корневого гласного: водный, ср. русск. вода́, воду́, серб. вѣда, вѣду, мн. вѣде, словен. vōda, vodŭ < *vōdŭ; горный, ср. русск. гора́, гору́, серб. гѣра, гѣру, мн. гѣре, чакав. gorā, gŏgi, мн. gōge, словен. gōra, gorŭ < *gŏrŭ, а также ко́сный, зо́льный, но́рный, ло́зный, смольный, сто́пный, ве́рстный (примеры, доказывающие праславянскую подвижность ударения в производящих словах перечисленных прилагательных с суффиксом -н приводятся Х. Хартманом¹⁹.

2. Прилагательные с долготой корневого гласного: речной, ср. река́, реку́ (диал. реку́), серб. ријека, ријеку, мн. ријеке; ручной, ср. рука́, рѹку, ср. серб. рѹка, рѹку, мн. рѹке, чакав. rŭkā, rŭki, мн. rŭke, словен. rōka, rokŭ < *rŭkŭ; головной, ср. голова́, голову́, серб. гла́ва, гла́ву, мн. гла́ве, чакав. glāvā, glāvi, мн. glāve, словен. glāva, glavŭ < *glāvŭ; стеной, ср. стена́, стѣну, серб. сти́јена, сти́јену, мн. сти́јене, чеш. stēna.

Такое же распределение ударения мы установили для бессуффиксальных прилагательных, имеющих краткие формы с подвижным ударением, ср. живой, нагой, немой, но нѡвый, бѡрзый и др.²⁰

В памятниках XVI—XVII вв. прилагательные с суффиксом -н обнаруживают при подвижности ударения в производящем слове те же два акцентологических типа, вследствие чего предконечное ударение нельзя признать новообразованием: 1. ручны́м бѣе́мъ (С., 22)... 2. все́ горня́ (А., 266), к наго́рному пруду́ (Ист., 89, 108), на наго́рную за́ставу (Ист., 108), зѣмны́мъ (Уч., 28), в зѣмне́е время (С., 128) и др.

В связи с тем, что утратилось первоначальное основание распределения ударения — количественные различия корневого гласного — обнаруживается непоследовательность в проведении указанного принципа: развивается ударение на окончании у прилагательных с праславянской краткостью корневого гласного (Х. Хартман приводит косно́й — коса́, ко́су, ср. серб. кѡса, кѡсу, мн. кѡсе, чакав. kosā, kŏsu, kŏse, словен. kōsa, kosŭ < *kŏsŭ и корно́й — корá, ко́ру, ср. словен. kōra, korŭ < *kŏrŭ²¹). Более многочисленны прилагательные с предконечным ударением при долготе корневого гласного. Х. Хартман приводит зѣмны́й — зима́, зѣму, ср. серб. зѣма, зѣму, мн. зѣме, чакав. zīma, zīti,

¹⁷ См. документацию: V. Kiparski. Der Wortakzent. . . , стр. 229.

¹⁸ См.: Н. Hartmann. Указ. соч., стр. 74 и сл.

¹⁹ Н. Hartmann. Указ. соч., стр. 74 и сл.

²⁰ См.: В. А. Редькин. К истории ударения бессуффиксальных прилагательных в русском языке. «Научные доклады высшей школы. Филол. науки» 1961, № 4, стр. 125 и сл.

²¹ Н. Hartmann. Указ. соч., стр. 79.

zīte, словен. *zīta*, *zīm̃* < **zīm̃*, а также *грядный* — *грядá*, *гряду* (диал.), серб. *грѣда*, *грѣду*, мн. *грѣде*, польск. *gręda* и др.²²

Несмотря на указанные исключения, очевидный параллелизм системы ударения прилагательных с суффиксом *-н-* и бессуффиксальных прилагательных подтверждает гипотезу о зависимости распределения ударения от количества корневого гласного. Подтверждается также постулированное выше значительное тождество акцентологических процессов, именуемых законом Хартмана, и условий развития ударения бессуффиксальных прилагательных.

Однако трехчленное деление существительных с основой на *-а* по ударению заменилось в современном русском языке шестью акцентологическими типами: 1) неподвижное ударение на корне, ср. *бесѣда*, *бесѣды*, *бѣтва*, *бѣтвы* и др.; 2) неподвижное ударение на окончании, ср. *бадья*, *бадьѣ*; *баржа́*, *головня́* и др.; 3) подвижное ударение, ср. *головá*, вин. *гóлову*, мн. *гбóвы*, *голб́в*, *головáм*; *боронá*, *бородá*, *горá* и др.: ударение на окончании в единственном числе, кроме винительного падежа, а во множественном числе, кроме именительного — винительного падежей; 4) подвижное ударение, ср. *водá*, *вб́ду*, мн. *вб́ды*, *вод*, *вб́дам*; *душá*, *земл́я* и др.: ударение на окончании в единственном числе, кроме винительного падежа, и на основе во множественном числе; 5) подвижное ударение, ср. *блòхá*, *блòхѣ*, мн. *блòхи*, *блòх*, *блòхáм*; *бороздá*, *вожжá* и др.: ударение на окончании, кроме именительного — винительного падежей множественного числа; 6) подвижное ударение, ср. *арбá*, *арб́ѣ*, мн. *áрбы*, *арб*, *áрбам*; *беда*, *блесна* и др.: ударение на окончании в единственном числе и на основе во множественном²³.

В результате распределения имен существительных на *-а* между указанными шестью акцентологическими типами разрушилась старая соотносительность ударения существительных на *-а* и образованных от них полных прилагательных. Ударение прилагательного-derivата либо соотносится со старым ударением имени существительного, либо не соотносится с ударением производящего слова, если перестройка ударения существительного произошла до того, как прилагательное-derivат было образовано в русском языке. Ср. *смолевб́й*: *смолá*, *смолѣ*, множественное число отсутствует. В. Кипарский, ссылаясь на Востокова, восстанавливает подвижное ударение для старшего периода русского языка. Серб. *смдла* и *смд́ла*; акцентные дубликаты сербского языка могут отражать ударение на окончании именительного падежа единственного числа и ударение на корне винительного падежа единственного числа²⁴. *Межевб́й*: *межá*, *межѣ*, мн. *мѣжи*, *меж*, *межáм*. Серб. *мѣна*, *мѣну*, мн. *мѣне*, чакав. *тејá*, *тѣју*, *тѣје*, словен. *тѣја*, *тејѣ* < **тѣјо*, чеш. *тезе* свидетельствуют о праславянской подвижности ударения при краткости корневого гласного. *Стреловб́й*: *стрелá*, *стрелѣ*, мн. *стрѣлы*, *стрел*, *стрѣлам*. Серб. *стријѣла*, мн. *стријеле*, чакав. *strīlā*, *strīlu*, *strile*, но параллельно *strīlā*, *strīl̃*, *strīl̃*. Подвижное ударение в памятниках XVI—XVIII вв.: *стрелá*, *-лѣ* (Сл. 1794); вин. ед. *стрѣлу* в произведениях XVIII в. (Обн. 2, 274); им.—вин. п. мн. ч. *стрѣлы*, тв. п. мн. ч. *стрелáми* (Д., 53) и в произведениях поэтов XVIII в.²⁵ — согласуется с чакавскими формами. *Скуловб́й*: *скулá*, *скулѣ*, мн. *скѣлы*, *скул*, *скѣлам*. Ударение на окончании в им.—вин. *скулѣ*, отмеченное Обнор-

²² Н. Hartmann. Указ. соч., стр. 74 и сл.

²³ Ср. V. Kiparski. Указ. соч., стр. 188 и сл.

²⁴ Там же, стр. 224.

²⁵ Там же, стр. 226.

ским (Обн. 2,²⁶ 273) в произведениях XVIII в., указывает на первоначальную принадлежность к типу с неподвижным ударением на окончании, однако укр. *скýла* и словен. *skûla*, может быть, отражают накоренное ударение винительного падежа единственного числа при подвижности ударения²⁷. *Верстовой*: *верста́*, *версты́*, мн. *вёрсты*, *вёрст*, *вёрстам*. Словен. *vřsta*, *vřstô* < **vřstô*, чеш. *vrsta* подтверждают праславянскую подвижность ударения. С этим согласуется ударение в памятниках XVI—XVII вв.: вин. ед. *вёрсту* (Уч., 209), вин. мн. *вёрсты*, дат. мн. *верста́мъ*, твор. мн. *верста́ми*, местн. мн. *верста́хъ*²⁸. Перенос ударения на предлог в русском литературном языке *за версту* (от нас) и акцентологические дублеты *вёрсту* и *версту́* в винительном падеже единственного числа, допустимые в современном русском литературном языке, согласуются с праславянской подвижностью ударения. Таким образом прилагательные *смолевой*, *межевой*, *стреловой*, *скуловой*, *верстовой* точно соответствуют праславянской подвижности ударения в производящих именах существительных, но не соотносятся с ударением производящих слов в современном русском языке.

Отмечены прилагательные, которые невозможно соотнести с праславянским ударением производящего слова. Это прежде всего прилагательные, образованные от заимствованных слов: *баржевой*, *биржевой*, *пулевой*, *броневой*, *парчевой*, *бахчевой*, *суммовой*, *формовой*, *групповой*, *цифровой*, *чумовой*. Сюда же, видимо, можно отнести и *гиревой*²⁹. Ударение на окончании в прилагательных, образованных от указанных заимствованных слов, является показателем акцентологической несоотнесенности прилагательного-derivата и производящего слова, как и в рассмотренных выше прилагательных, образованных от слов мужского рода.

Следующая группа прилагательных образована от существительных, имевших в прошлом неподвижное ударение на окончании: *мочевой* — *моча́*, *мочи́*, *мочу́*, мн. ч. — нет, ср. серб. *мѹча*, *мѹче*, словен. *тоѹа*; *резьбовой* — *резьба́*, *резьбы́*, *резьбу́*, ср. серб. *рѣзба*; *дуговой* — *дуга́*, *дуги́*, вин. *дугу́*, мн. *дуги́*, *дуг*, *дугам*. Вин. ед. *дугу́*, им.—вин. мн. *дуги́*, твор. мн. *дуга́ми*, приводимые В. Кипарским из памятников XVI—XVII вв.³⁰, указывают на первоначальную принадлежность производящего слова к типу с неподвижным ударением на окончании.

Прилагательные *волновой*, ср. *волна́*, *волны́*, мн. *во́лны*, *волна́м* (др.-русс. *вълна*); *слезовой*, ср. *слеза́*, *слезы́*, мн. *слѣзы*, *слеза́м* (др.-русс. *сльза*); *игровой*, ср. *игра́*, *игры́*, мн. *и́гры*, *игр*, *и́грам* (**jьgra*), содержали редуцированный гласный в корне производящего слова. Вероятно, следствием этого было колебание ударения в памятниках XVI—XVIII вв., приводимое В. Кипарским: им. ед. *волна́*, род. ед. *волны́*, твор. мн. *волна́ми*, им. мн. *волны́* в памятниках XVI—XVIII вв. свидетельствуют о принадлежности к типу с неподвижным ударением на окончании, однако им. мн. *во́лны* в Синодальном собрании № 645 XVI в., исследованном В. Кипарским, и *во́лнами* в произведениях Державина и Хемницера противоречат остальным фактам³¹; *слеза*, согласно В. Кипарскому, обнаруживает в памятниках XVI—XVIII вв.

²⁶ С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 2. Множественное число. Л., 1931.

²⁷ Ср. Н. Hartmann. Указ. соч., стр. 79. — Документацию примеров в памятниках XVI—XVIII вв. см. V. Kiparski. Указ. соч., стр. 223.

²⁸ См.: V. Kiparski. Указ. соч., стр. 211—212.

²⁹ ПЭС, стр. 124.

³⁰ См. документацию из памятников: V. Kiparski. Указ. соч., стр. 214.

³¹ См. документацию примеров там же, стр. 204.

ударение на окончании, но допускает в вин. ед. *слёзу* (Державин «Молитва») и в вин. мн. *слёзы*, что позволяет предположить в древнерусском языке акцентологический дублет данного слова с подвижным ударением³². В слове *игра* в памятниках XVI—XVII вв. отмечается неподвижное ударение на окончании: *игр́а*, *игр́у*, мн. *игр́ь*, *игбр*, *игр́ами*, *игр́ах*³³. Однако серб. *йгра*, вин. *йгру*, мн. *йгре* предполагает старую подвижность ударения.

Как и у прилагательных, образованных от существительных мужского рода, колебания ударения и наличие в корне производящего слова редуцированного гласного сопровождается развитием в прилагательном-деривате ударения на окончании.

К рассмотренному случаю, видимо относятся и прилагательные *искровый*, ср. *искра*, *искры* (< *jъskra). В профессиональной речи *искр́а*, *искр́ь*. Подобное же колебание ударения в болгарском *йскра*: *искр́а*. Ударение на окончании в прилагательном *искровый* следует связать с наличием в корне редуцированного гласного и колебанием ударения в производящем слове.

Прилагательные *грыжевой*, ср. *грйжа*, *грйжи*; *раневой*, ср. *р́ана*, *р́аны*; *буревой*, ср. *б́ура*, *б́ури*, образованы от имен существительных с неподвижным ударением на корне. Ударение на корне праславянское, ср. серб. *грйжа*, *грйже*; словен. *gríža*; серб. *р́ана*, *р́ане*, словен. *rána*; серб. *б́ура*, *б́уре*, словен. *búrja*. Нужно полагать, что прилагательные *буревой*, *раневой*, *грыжевой* образованы в русском языке с ударением на окончании после перестройки ударения имен существительных на -а. Ударение на окончании в указанных именах прилагательных является показателем несоотнесенности ударения прилагательного-деривата и производящего слова.

Основываясь на большом числе исключений из закона Хартмана с ударением на окончании, В. Кипарский утверждает, что в литературном русском языке господствует недвусмысленная тенденция к развитию ударения на окончании у прилагательных на -овый, -евый, в то время как число прилагательных с предконечным ударением, развившимся вопреки закону Хартмана, очень невелико³⁴. Однако изучение прилагательных с предконечным ударением, образованных от имен существительных с подвижным ударением или с неподвижным ударением на корне, опровергает мнение В. Кипарского. Прилагательные с предконечным ударением, не согласующимся с законом Хартмана, делятся на две группы. К первой относятся имена прилагательные, образованные от имен существительных со старой подвижностью ударения. Ко второй — прилагательные, образованные от заимствованных слов.

1. Прилагательные, образованные от имен существительных с подвижным ударением: *дубовый*, ср. *дуб*, *д́уба*, мн. *дуб́ь*, *дуб́е*; *торговый*, ср. *торг*, *т́орга*, мн. *торѓь*, *торѓе* (при сдаче подрядов); *садовый*, ср. *сад*, *с́ада*, мн. *сад́ь*, *сад́е*; *медовый*, ср. *мед*, *м́еда*, мн. *мед́ь*, *мед́е* (при обозначении сортов); *купить меду*; *в мед́у*; *на мед́у*; *пудовый*, ср. *пуд*, *п́уда*, мн. *пуд́ь*, *пуд́е*; *домовый*, ср. *дом*, *д́ма*, мн. *дом́а*, *дом́е*; *дб дому*; *на дом́*; *на дом́у*.

К рассматриваемой группе прилагательных относятся также *солодовый*, ср. *с́олод*, *с́олода* или *с́лоду*. Ударение на первом элементе полногласия отражает циркумфлекс. Рефлексы циркумфлекса наблюдаются в серб. *слâд* и словен. *slâd*. Это доказывает праславянскую подвиж-

³² См. документацию примеров там же, стр. 208.

³³ См. документацию примеров там же, стр. 216.

³⁴ Ср. V. Kiparski. Указ. соч., стр. 264.

ность ударения в слове *солод*. Старое подвижное ударение в русск. *солод* подтверждается также окончанием -у в род. п. ед. ч. (ср. Обн. 1, 166). *Толкóвый*, ср. *толк*, *тóлка* и *тóлку*; перенос ударения на предлог *бéз толку* и диал. местн. ед. *в толкú* (Обн. 1, 138) свидетельствует о старой подвижности ударения в слове *толк*. *Елóвый* — производящее слово *ель*, *éли* — в литературном русском языке имеет ударение на корне, однако первоначально было подвижное ударение, ср. местн. ед. *на елú* (сев. великорусск.)³⁵, а также с переносом ударения на предлог *пóд елью* (Обн. 1, 315). *Кленóвый* — производящее слово *клён*, *клёна* — видимо, первоначально имело в русском языке подвижное ударение, ср. диалектн. род. ед. *клёну*, местн. ед. *в кленú* (Обн. 1, 121). *Дернóвый* — производящее слово *дёрн*, *дёрна* в XVIII в. имело подвижное ударение, ср. у Державина «...на дернú лежа зеленом» (Обн. 1, 116). *Подóвый*, ср. *под*, *пóда*; *в подú*; *на подú* со следами старой подвижности ударения. *Тесóвый* — производящее слово *тёс*, *тёса* или *тёсу* имело подвижное ударение, ср. местн. ед. *в тесу* (Порядная 1673 г., Обн. 1, 138).

2. Имена прилагательные с предконечным ударением, образованные от заимствованных слов.

Лилóвый, ср. франц. *lilas* — 'сирень'; взята основа *лил-* (ДЭС); *перлóвый*, ср. *перл*, *пёрла*; *лаврóвый*, ср. *лавр*, *лávра*; *тигрóвый*, ср. *тигр*, *тíгра*; *кедрóвый*, ср. *кедр*, *кédра*; *тенорóвый*, ср. *тénор*, *тénора*, мн. *тенорá*, *тенорóв*; *метрóвый*, ср. *метр*, *мётра*; *литрóвый*, ср. *литр*, *лйтра*; *оркестрóвый*, ср. *оркéстр*, *оркéстра*; *семестрóвый*, ср. *семéстр*, *семéстра*; *триместрóвый*, ср. *тримéстр*, *тримéстра*; *басóвый*, ср. *бас*, *бáса*; *продуктóвый*, ср. *продúкт*, *продúкта*; *фруктóвый*, ср. *фрукт*, *фрúкта*; *дискантóвый*, ср. *дýскант*, *дýсканта*, мн. *дýсканты*, *дýскантов*; *портóвый*, ср. *порт*, *пóрта*, мн. *пóрты*, *портóв* (устар. *пóртов*); *дюймóвый*, ср. *дюйм*, *дýйма*; *фрактóвый*, ср. *фракт*, *фрáкта*; *почтóвый*, ср. *пóчта*, *пóчты*; *марганцóвый*, ср. *мáрганец*, *мáрганца* (допускается *мáрганцевый*: *мáрганцевая руда*); *марганцóвый раствор*.

Среди прилагательных с предконечным ударением, имеющих производящие слова с подвижным ударением, есть такие, которые первоначально имели ударение на окончании, а затем заменили свое старое ударение предконечным (предконечным слогом является суффикс, если содержит вокальный элемент): *пухóвый*, ср. *пуховýйхъ* (Уч., 219); *домóвый*, ср. *домовýйхъ* (С., 12); *сурóвый*, ср. *суровýмю коню* (Л., 47) при кратких формах *сýрово* (Ж., 210, 247); *сýрово* (Ист., 63).

Диалекты русского языка также позволяют предположить ударение на окончании прилагательных в прошлом в словах *толкóвый*, ср. *толковóй*, Вологод. губ. (Кадник. у. МВР* IV 31); *медóвый*, ср. *м'одовóй* (Брох** 128. Ср. также *суровóй* МВР II 21; МВР IX 5, 63), согласующиеся по месту ударения с формами, отмеченными в Л.^{35а}

Из прилагательных с суффиксом -ян к рассматриваемой группе относятся *деревя́нный*, ср. *в деревня́нмъ* (Ист., 222); *оловя́нный*, ср. *оловя́нбй суды* (Д., 50).

Многие прилагательные с суффиксами -н, -ск однотипны с рассматриваемой группой. Отсутствие в суффиксе вокального элемента приводит к тому, что предконечным является слог непосредственно

³⁵ Приведенное ударение отмечено нами в селе Вожгора Архангельской обл., Лешуконского района в диалектологической экспедиции МГУ 1962 г.

* МВР = «Материалы для изучения великорусских говоров», вып. I—IX. СПб., 1896—1910; ** Брох = О. Брох. Описание одного говора Тотемского уезда. СПб., 1907.

^{35а} Ср.: А. Белић. Акценатске студије. Београд, 1914, стр. 135.

перед суффиксом: *бчный*, ср. в *очнѡй* (С., 210); *чѣстный*, ср. *честнѡй* (Д., 79), в современном русском литературном языке допускается *честнѡй* как устар.; *вѣчный*, ср. в *вѣчнѡе* (Сб., 234); *грязный*, ср. на *грязныхъ* (С., 7), в диалектах *грязнѡй*³⁶; *дѡлжнѡй*, ср. *дѡлжнѡе* (Сб., 3); *мѡщнѡй*, ср. *мѡщнѡе* (Сб., 241).

К другой группе относятся имена прилагательные, у которых предконечное ударение соотносится с подвижным ударением в производящем слове, но возникло вследствие колебания ударения в производящем слове. Колебание между подвижным ударением и неподвижным ударением на окончании в производящем слове порождало акцентологические дублеты в прилагательных-derivатах. Возникали формы с ударением на окончании и перед окончанием, существовавшие одновременно: *бѣсовскѡму* (Сб., 165); *бѣсовскѡе* (Сб., 143), но *нѣсни бѣсовские* (Д., 15, 41, 36); *бѣсовския* (Ист., 116; Д., 36; Ж., 268); *бѣсовское угодие* (Д., 36). Эти расхождения соответствовали колебаниям ударения в производящем слове: в памятниках XVII в. *бѣси* и *бѣси*, род. мн. *бѣсовѣ*, дат. мн. *бѣсѡмъ* (Кип., 22—26), ср. серб. *бѣјес*, *бѣјеса*, словен. *bēs*, отражающие праславянский циркумфлекс.

Устранение двойственности ударения прилагательного в отдельных случаях приводило к нормализации акцентовки, противоречащей закону Хартмана. Х. Хартман полагает, что в связи с неподвижным ударением на окончании, наблюдавшимся первоначально в производящем слове, развивалось ударение на суффиксе в прилагательных *подбѡый*, ср. русск. диал. *пѡд*, укр. *під*, *подѡ*, чакав. *pōd*, *podā*, словен. *pōd*, *pōda*, чеш. *pūd*; *кленѡый*, ср. серб. *клѣн*, *клѣна*; *кльѣн*, *кльѣна*, чакав. *klēn*, *klēnā*; *дернѡый*, ср. словен. *dŕn*, *dŕna*; *тернѡый*, ср. укр. *терѣн*, *терѣнѣ* (-нѣ), чакав. *tŕn*, *tŕnā*, словен. *tŕn*; *дубѡый*, ср. чакав. *dūb*, *dūbā*³⁷.

Предположение Х. Хартмана представляется весьма убедительным благодаря наличию как в русских диалектах, так и в других славянских языках акцентологических дублетов к приведенным выше примерам, одинаковых с показаниями литературного русского языка, ср. серб. *пѡд*, *пѡда*; чакав. *klēn*, *klēna*; серб. *tŕn*, *tŕna*, чакав. *tŕn*, *tŕna*; серб. *дѡб*, *дѡба*, чакав. *dūb*, *dūba*.

Согласно Х. Хартману, ударение на суффиксе нормально развивалось у имен прилагательных, образованных от имен существительных с *и*-основами: *медѡый*, *верхѡый*, *садѡый*, *волѡый*³⁸. Однако прилагательные *домѡый*, *медѡый* с ударением на окончании в памятниках письменности XVI—XVII вв. и в диалектах русского языка, а также нормальные для современного русского языка *половѡй*, *родѡый*, *мировѡй*, *рядѡый*, *долговѡй*, *становѡй*, *громѡый*, *духовѡй*, *дарѡый*, образованные от имен, склонявшихся на *и*-основы³⁹, свидетельствуют, что для русского языка является нормой ударение на окончании в полных прилагательных, образованных от имен с *и*-основой и подвижным ударением. Ударение на суффиксе развивалось в указанных Хартманом прилагательных благодаря колебаниям ударения в производящих словах, ср. *сверхѣ*, к *верхѣ* (Уч.); *до верхѣ* (Библия. 1663 г.); *до торгѣ* (Хронограф, 71) и др.⁴⁰ Возможно, что *верх*, *под*, *торг* восходят к окситонированным формам⁴¹.

³⁶ См.: А. Белић. Указ. соч., стр. 131—132.

³⁷ Ср. Н. Hartmann. Указ. соч., стр. 39—40.

³⁸ Там же, стр. 61—63.

³⁹ Chr. S. Stang. Указ. соч., стр. 79—80.

⁴⁰ Там же, стр. 79—82.

⁴¹ J. Kuryłowicz. Intonation et morphologie en slave commun. «Rocznik slawistyczny», XIV. Kraków, 1938, стр. 17.

Выше мы установили, что изменение ударения производящего слова вызывало изменение ударения деривата, поэтому стабилизацию ударения на суффиксе в прилагательных с производящей основой следует отнести к периоду не ранее XVII—XVIII вв. (Ср. указанные выше *домово́й, медово́й*).

Из сказанного следует, что закон Хартмана выражает отношения между ударением производного прилагательного и производящего слова в русском языке. Соответствия в славянских языках являются результатом параллельного развития ударения прилагательных в отдельных славянских языках из системы ударения определенных местоименных прилагательных в праславянском языке. Эти последние имели в именной части ударение, однотипное с ударением производящего слова, благодаря чему возникла соотносительность ударения полных производных прилагательных и их производящих слов. Однако поздние преобразования ударения, происходившие в русском языке, свидетельствуют, что развитие полных прилагательных имело специфически русские особенности в области ударения и зависимость ударения прилагательного от ударения производящего слова является живым для русского языка отношением, так что изменение ударения в производящем слове влечет за собой изменение ударения в производном прилагательном.

Переход прилагательных из типа с ударением на флексии в тип с предконечным ударением свидетельствует о непродуктивности ударения на окончании, об этом же свидетельствует развитие предконечного ударения в прилагательных, образованных от недавних заимствований: *оркестро́вый, марганцо́вый, тигро́вый* и др. Сохранение в современном русском литературном языке только двух продуктивных акцентологических типов — накоренного ударения для прилагательных, образованных от имен с неподвижным ударением на корне, и предконечного для прилагательных, образованных от имен существительных с подвижным ударением или с неподвижным ударением на окончании, свидетельствует об унификации акцентологической системы русского языка. Акцентологическая противопоставленность для прилагательных, образованных от имен с неподвижным ударением на корне, прилагательным, у которых производящее слово имеет либо неподвижное ударение на окончании, либо подвижное ударение, характерна для всех прилагательных, не имеющих ударения на окончании, но обнаруживающих точное соответствие с ударением производящего слова, например для отыменных прилагательных с суффиксами *-лив, -ист* и некоторых других⁴².

⁴² Ср. В. А. Редькин. Система ударения суффиксальных прилагательных. — «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XXIII, 1962, стр. 204—212.

И. Е. Можаява

БИБЛИОГРАФИЯ СОВЕТСКИХ РАБОТ ПО СЛАВЯНСКОЙ АКЦЕНТОЛОГИИ ЗА 1958—1962 гг.*

Агеенко Ф., Зарва М. Словарь ударений для работников радио и телевидения. М., ГИС, 1960. 645 стр.

Байкин В. С. Причины колебания ударения в русском литературном языке. Чита, 1958. 19 стр. (Читинск. мед. ин-т).

Белоштан А. П. Ударение членных имен прилагательных в современном украинском литературном языке. К вопросу о локально-акцентных типах и литературной норме ударения. АКД. Киев, 1958. 16 стр. (Киевск. пед. ин-т).

Білоштан А. П. Наголос члених прикметників у сучасній українській літературній мові. Київ, Изд-во АН УРСР, 1958. 43 стр.

Булаховский Л. А. Акцентологическая проблема вопроса о славяно-балтийском единстве. — В кн.: Rakstu Krājums veltījums akadēmiskim profesoram Dr. Jānim Endzelīnam. Rīgā, 1959, стр. 55—78.

Балто-славянский характер переноса ударения по закону Фортунова — де Сосюра. Отсутствие надежных оснований для принятия оттягивания ударения (правило Хирта). Метатония в славянском суффиксе. Критика акцентологической концепции Е. Куриловича.

Булаховский Л. А. Акцентологическая проблематика древнейших славянских сложений типа имен существительных. — Изв. ОЛЯ, 1959, т. 18, вып. 2, стр. 105—114.

Акцентологический анализ слов: *стоколос, человек, коловорот, чертополох, вертопрах, сорокопуд, ночлег, нетопырь, осокорь, медведь, ручка, неясность, госпожа, тысяча, воевода* с этимологическим комментарием.

* В библиографии употребляются следующие сокращения:

АКД	— Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.
ВСЯ	— «Вопросы славянского языкознания». М., Изд-во АН СССР (Ин-т славяноведения).
ВЯ	— журнал «Вопросы языкознания». М., Изд-во АН СССР (Ин-т языкознания).
Изв. ОЛЯ	— «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка». М., Изд-во АН СССР.
КСИС	— Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М., Изд-во АН СССР.
МИРД	— «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия. М., Изд-во АН СССР (Ин-т русского языка).
НДВШ	— «Научные доклады высшей школы».
ПСМ	— «Питання слов'янського мовознавства». Львів, Львівськ. ун-т.
РЯНШ	— Журнал «Русский язык в национальной школе». М., АПН РСФСР.
СМБД	— «Статьи и материалы по болгарской диалектологии». М., АН СССР (Ин-т славяноведения).
УМШ	— журнал «Українська мова в школі». Київ, «Рад. школа».

Булаховский Л. А. Болгарский язык как источник для реконструкции древнейшей акцентологической системы. М., Изд-во АН СССР, 1958, 47 стр. (Доклад на IV Международном съезде славистов).

То же. — В кн.: «Исследования по славянскому языкознанию». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 235—272.

Резюме см. — В кн.: «IV Международный съезд славистов». Материалы дискуссии. Т. 2. Проблемы славянского языкознания. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 343—344.

Анализ фактов болгарского языка, отражающих древнейшую акцентологическую систему славянских языков (интонации, место ударения). Анализ болгарского ударения в префиксальных и суффиксальных именах существительных, в формах прилагательного, местоимения, глагола в сравнительно-историческом плане.

Булаховский Л. А. Из сравнительно-исторических комментариев к восточнославянскому ударению. Ударение префиксальных образований имен и наречий. — ПСМ, кн. 5, 1958, стр. 33—55.

Соображения об акцентологических типах префиксальных имен существительных и наречий в славянском языке древнейшего периода (на основе сравнительно-исторического анализа интонационных особенностей имен прилагательных, наречий и имен существительных с основами на -а (-я), -о, -е (-ъе), -ъ в восточнославянских языках).

Булаховский Л. А. Из сравнительно-исторических комментариев к восточнославянскому ударению. Ударение префиксальных образований системы глагола. — В кн.: «Слов'янське мовознавство». Зб. 3. Київ, Изд-во АН УРСР, 1961, стр. 10—26.

Рассматриваются формы инфинитива, причастий, отглагольных имен, будущего (настоящего) времени.

Булаховский Л. А. Отражения так называемой новоакутовой интонации древнейшего славянского языка в восточнославянских. — В кн.: «Исследования по лексикологии и грамматике русского языка». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 3—13. [Первая часть работы — стр. 3—8 опубликована: ВЯ, 1958, № 2, стр. 87—92].

Булаховский Л. А. Сравнительно-исторические заметки к македонскому ударению. — Труды Узбекск. ун-та. Новая серия, № 92. Славянский сборник. Самарканд, 1958, стр. 5—15.

Определение типа македонского ударения и соображения о некоторых условиях его формирования. Замечания об ударении в словосочетаниях типа *предлог + имя существительное* в македонском языке.

Булаховский Л. А. Из очерков по славянской акцентологии. — В кн.: «Слов'янське мовознавство». Зб. 4. Київ, Изд-во АН УРСР, 1962, стр. 5—16.

Замечания о связи славянских производных интонаций с йотацией. Исторические комментарии к восточнославянскому ударению количественных и порядковых числительных. Краткий обзор изучения истории восточнославянского ударения.

Булаховский Л. А. Сравнительно-исторические комментарии к болгарскому ударению. — Уч. зап. Ин-та славяновед. АН СССР, т. 17, 1959, стр. 3—72.

Замечания о болгарской акцентологической системе в сравнении с сербохорватской и словенской. Соображения о причинах возникновения стабильного ударения в говорах болгарского языка и македонском языке. Характеристика следов древнейших славянских первичных интонаций в болгарском языке. Сравнительно-историческое описание болгарского ударения по отдельным морфологическим категориям.

Булаховский Л. А. Сравнительно-исторические комментарии к восточнославянскому ударению. Ударение множественного числа имен существительных. — Наук. зап. Харківськ. ун-ту, т. 99. Труды філол. фак., т. 6, 1958, стр. 5—24.

Булаховский Л. А. [пец.]. Stang Chr. S. Slavonic accentuation. Oslo, 1957. 192 с. (Skripter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. I. Hist. — Filos. Klasse, 1957, № 3). — ВЯ, 1958, № 4, стр. 124—128.

Веселовская З. Н. Особенности восточнославянского ударения конца XVI—начала XVIII в. — Уч. зап. Харьковск. пед. ин-та иностр. яз., т. 5, 1959, стр. 27—65.

Характеристика особенностей ударения производных имен существительных в русском, украинском и белорусском (на материале памятников письменности конца XVI—начала XVIII в., отражающих факты живой речи того времени).

Веселовська З. М. Дублетні наголоси в сучасній українській літературній мові. — УМШ, 1960, № 2, стр. 16—21.

Критические замечания об акцентуационной стороне украинских словарей. Характеристика колебаний в ударении префиксальных существительных, относительных прилагательных, глаголов.

Веселовська З. М. З історії наголосу дієслова в українській мові. (Наголос непродуктивних префіксальних дієслів за пам'ятниками кінця XVI—початку XVIII століть). — В кн.: «О. О. Потєбня і деякі питання сучасної славістики». Харків, Харківськ. ун-т, 1962, стр. 354—362.

Рассмотрение ударения глаголов настоящего (будущего), прошедшего времени, причастий прошедшего времени страдательного залога (с привлечением материалов белорусского и русского языков).

Веселовська З. М. З історії українського наголосу. Наголос українських прикметників кінця XVI—початку XVIII ст. у порівнянні з наголосом сучасної мови. — В кн.: «Харківськ. ун-т. Міжвузівськ. наук. конф. Питання історичного розвитку української мови. Тези доповідей». Харків, 1959, стр. 22—24.

Веселовська З. М. Зміни в наголосі дієслів 2-ої дієвідміни на -и- в східнослов'янських мовах. «Наук. зап. Харківськ. пед. ін-ту інозем. мов», т. 4, 1958, стр. 41—54.

Изменение места ударения в глаголах второго спряжения и страдательных причастиях прошедшего времени на материале памятников русского, белорусского и украинского языков конца XVI—начала XVIII в.

Веселовська З. М. Наголос іменників білоруської мови за пам'ятками XVII ст. у порівнянні з наголосом сучасної білоруської літературної мови. — В кн.: «Філологічний збірник». Київ, Изд-во АН УРСР, 1958, стр. 145—156.

Привлекается материал «Евангелия учительного» 1616 г., псалтыри и «Триоди цветной» XVII в.

Веселовська З. М. Про деякі особливості наголосу прикметників української мови кінця XVI—початку XVIII століть. — В кн.: «Питання історичного розвитку української мови. Праці Міжвузівської наукової конференції, що відбулася в Харкові 15—20 грудня 1959 року, присвячені V Міжнародному з'їздові славістів». Харків, Харківськ. ун-т, 1962, стр. 217—227.

Анализ типов ударения прилагательных. Установление тенденции к выравниванию ударения отдельных групп прилагательных. Соображения о том, что в памятниках рассматриваемого периода уже установилась система украинского ударения.

Воронцова В. Л. О нормах ударения в глаголах на *-ить* в современном русском литературном языке. — В кн.: «Вопросы культуры речи», вып. 2. М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 117—156.

История ударения в глаголах на *-ить* (на материале данных словарей и стихотворных произведений поэтов от конца XVIII в. до наших дней). Определение критериев оценки дублетных ударений и соображения о путях нормализации ударения.

Рец.: Жовтобрюх М. А. — УМШ, 1960, № 4, стр. 85.

Гомон-Дзюбанова Н. М. Колебания в области современного русского ударения (на материале поэзии 1935—1955 гг.). — Научн. зап. Нежинск. пед. ин-та, т. 6, вып. 2, 1958, стр. 3—44.

Установление причин отклонений от литературной нормы ударения в некоторых формах существительных и глаголов.

Данилов А. А. О смысловозначительной и форморазличительной роли ударения в русских говорах. — Уч. зап. Череповецк. пед. ин-та, т. 3, вып. 2 [Вологда], 1962, стр. 71—82.

На материале говора деревни Дулово Белевского района Тульской области.

Данилов А. А. Ударение полных форм имен прилагательных в русских говорах. — Уч. зап. Череповецк. пед. ин-та, т. 3, вып. 2 [Вологда], 1962, стр. 83—97.

Дмитриев Н. К. Ударение в русских словах тюркского происхождения. В кн.: «Сб. статей по языкознанию. Памяти засл. деятеля науки проф. М. В. Сергиевского». М., Изд-во МГУ, 1961, стр. 96—104.

Замечания о «прикреплении» тюркизмов к типам русского ударения. Перечень русских слов тюркского происхождения, удерживающих старое тюркское ударение на основе (напр. *барън*, род. *баръна*) и слов, переведенных в русском в класс с ударением на флексии (напр. *битюг*, род. *битюгá*). Соображения о зависимости перехода от тюркской акцентуации к русской от степени освоения тюркских слов русским языком. Замечания о различных типах ударений в русских фамилиях тюркского происхождения.

Дыбо В. А. О древнейшей метатонии в славянском глаголе. — ВЯ, 1958, № 6, стр. 55—62.

Установление противопоставлений баритонированных и окситонированных парадигм в балто-славянском имени и глаголе. Объяснение явления метатонии в славянских глаголах на основе установления соответствий балтийских глаголов подвижной парадигмы славянским глаголам с метатонией и балтийских глаголов баритонированной парадигмы славянским глаголам без метатонии.

Дыбо В. А. О реконструкции ударения в праславянском глаголе. — ВСЯ, вып. 6, 1962, стр. 3—27.

Анализ распределения трех акцентных парадигм праславянского глагола. Реконструкция на материале южнославянских памятников XIV—XV вв. более ранней системы двух парадигм — подвижной, охватывающей всю систему глагола, и неподвижной. Установление фонетического закона, заменяющего закон Фортунатова, для объяснения акцентного распределения. Характеристика переноса ударения на проклитики и энклитики в подвижной парадигме (правило Васильева—Долобко). Реконструкция ударения настоящего времени, аориста и именных форм глагола.

Дыбо В. А. Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста. — КСИС, вып. 30, 1961, стр. 33—38.

Реинтерпретация акцентно-морфологического правила распределения дентальных и корневых форм в старославянском языке (правило Ван-

Вейка). Установление правила акцентно-морфологического распределения сигматического и простого аориста от тематических глаголов в старославянском языке.

Дыбо В. А. [реп.]. Sadnik L. Slavische Akzentuation. I. Die vorhistorische Zeit. Wiesbaden, Harrassowitz, 1959. XVI, 172 стр. — ВЯ, 1960, № 6, стр. 113—119.

Дыбо В. А. [реп.]. Stang Chr. S. Slavonic accentuation. Oslo, 1957. 192 стр. (Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps — Akademi i Oslo. I. Hist. — Filos. Klasse, 1957, № 3). — В кн.: «Структурно-типологические исследования». М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 220—225.

Зданевич И. К. Система ударения причастий в современном русском языке. АКД. М., 1962. 18 стр. (МГПИ им. Ленина).

Зданевич И. К. Система ударения причастий в современном русском языке. Горький, 1959. 103 стр. (Горьковск. пед. ин-т).

История вопроса. Характеристика современной системы глагольного ударения. Описание системы ударения причастий на материале стихотворных произведений поэтов XVIII—XX вв.

Златоустова Л. В. К вопросу о природе ударения в окающих говорах с редукцией сравнительно с литературным языком. — Уч. зап. Казанск. ун-та, т. 121, кн. 3. Материалы и исследования по диалектологии Волго-Камья, 1961, стр. 66—87.

Сопоставление на основании экспериментального исследования соотношения интенсивности и высоты тона, интенсивности и длительности гласных в литературном языке и в говорах Высокогорского, В.-Услонского и Пестречинского районов ТАССР. Соображения о важности фактора напряженности как единственного в ряде случаев показателя ударения в говорах.

Златоустова Л. В. О природе словесного ударения в окающих говорах с редукцией и без редукции сравнительно с литературным языком. — МИРД. Новая серия, т. 3, 1962, стр. 121—132.

Иллич-Свитыч В. М. К акцентуации славянских заимствований из германских языков (-й-основы). — В кн.: «Тезисы докладов, предназначенные для обсуждения на I Всесоюз. конф. по вопросам славяно-германского языкознания». Минск, 1961, стр. 29—31 (Ин-т языкозн. АН БССР).

Иорданский А. М. Характер ударения в общеславянском языке-основе и отражение его в современном русском языке и его говорах. (Материалы по исторической грамматике русского языка). — Уч. зап. Владимирск. пед. ин-та, вып. 4, 1958, стр. 83—95.

Популярное изложение.

Карнеева-Петрулан М. І. Адлюстраванне закона Фартунатава — дэ-Сасюра ў гаворках рускай і беларускай моў. — Працы Ін-та мовазн. АН БССР, вып. 5. Мінск, 1958, стр. 145—160.

Рассуждения о морфологическом значении праславянской интонации. Характеристика двух типов *o* в «Смоленской грамоте 1229», обозначаемых буквами *o* и *ъ* (*ъ* на месте праславянского начального *o* под новым акцентом и нена начального в позициях, аналогичных появлению закрытого *o* в русских говорах).

Котова Н. В. Система ударения в говоре района Горно Поле. — СМБД, вып. 10, 1962, стр. 45—90.

Юго-западный болгарский говор (район г. Станкедимитров).

Кривоустова З. Н. Из истории ударения наречий. («Ведомости» 1703—1707 гг.). — Уч. зап. Куйбышевск. пед. ин-та, вып. 32, 1960, стр. 83—92.

Кривопустова З. Н. Из истории ударения русского глагола. («Ведомости» 1703—1707 гг.). — Уч. зап. Куйбышевск. пед. ин-та, вып. 26, 1959, стр. 105—155.

Криворучко П. М. Слово- и формообразовательная роль ударения русского глагола. — Научн. зап. Киевск. пед. ин-та иностр. яз., т. 5, 1962, стр. 241—255.

Кузнецов П. С. О качестве ударения как признаке отдельных слоговых фонем. — В кн.: «Сб. статей по языкознанию. Памяти засл. деятеля науки проф. М. В. Сергиевского». М., Изд-во МГУ, 1961, стр. 155—160.

Характеристика роли количественных отношений в формировании словинской (кашубской) системы ударения. Соображения о возможности аналогичного развития в праславянском.

Кузнецов П. С. Русское ударение. — В кн.: «Русский язык для студентов иностранцев. (Материалы I-го Метод. семинара преподавателей русск. яз. вузов стран народной демократии)». М., Изд-во МГУ, 1960, стр. 5—25.

Популярное изложение.

Мартынов В. В. Акцентологическая адаптация славянизмов в прагерманском языке. — В кн.: «Тезисы докладов, предназначенные для обсуждения на I Всесоюзн. конф. по вопросам славяно-германского языкознания». Минск, 1961, стр. 32—34. (Ин-т языкозн. АН БССР).

Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск, 1959. 123 стр. (Уч. зап. Уральск. ун-та, вып. 32).

Стр. 46—47: Классификация коми заимствований в зависимости от места ударения. Стр. 91—92: Классификация заимствований из мансийского языка по месту ударения. Стр. 97—98: Краткая характеристика акцентологического освоения финно-угорских заимствований.

Молчанова С. Ф. Ударение подвижного типа в формах прошедшего времени глаголов. — Уч. зап. Ярославск. пед. ин-та, вып. 28, 1958, стр. 7—46.

Соображения о причинах акцентологических различий в глаголах с ударением подвижного типа. Анализ акцентологических отношений глагольных форм прошедшего времени в современном литературном языке.

Пирогова Н. К. К вопросу об акцентологическом законе А. А. Шахматова. — В кн.: «Вопросы истории русского языка». М., Изд-во МГУ, 1959, стр. 158—182.

Уточнение формулировки акцентологического закона А. А. Шахматова: исключение из сферы действия закона глагольных форм прошедшего времени с префиксальным ударением (на основе анализа характера ударения глаголов непродуктивных классов). Соображения о нефонетических причинах рецессии ударения на приставку.

Пирогова Н. К. Развитие типов ударения в глаголах первого непродуктивного класса. — НДВШ. Филол. науки, 1959, № 2, стр. 125—136.

Характеристика изменений в системе накоренного, постоянно-конечного и подвижных акцентологических типов ударений глаголов на *-ать* в связи с анализом некоторых общих акцентологических тенденций, свойственных русскому языку (по материалам древнерусских памятников XVI—XVII вв.).

Пирогова Н. К. Развитие типов ударения в системе русского глагола. АКД. М., 1959. 15 стр. (МГУ).

Погрібний М. І. Словник наголосів української літературної мови. Близько 50 000 слів. Київ, «Рад. школа», 1959. 602 стр.

Редькин В. А. К вопросу о происхождении нового акута. — ВЯ, 1962, № 2, стр. 56—62.

Выяснение условий возникновения в полных прилагательных, имеющих краткие формы с неподвижным ударением на окончании, ударения на корне с новым акутом или ударения на окончании.

Редькин В. А. К истории ударений бессуффиксальных имен прилагательных в русском языке. — НДВШ. Филол. науки, 1961, № 4, стр. 124—135.

Рассмотрение развития ударения в бессуффиксальных полных прилагательных, имеющих краткие формы с ударением подвижного типа (на материале акцентуированных памятников XVI—XVII вв., современного русского языка и данных других славянских языков).

Редькин В. А. Система ударения суффиксальных полных прилагательных в современном русском языке. — Уч. зап. Ин-та славяноведения, т. 23, 1962, стр. 204—211.

Установление связи ударения производных прилагательных с акцентуацией производящих слов.

Редько Ю. К. До питання про відмінювання, правопис і наголос українських прізвищ. — Доповіді та повідомлення Львівськ. ун-ту, вип. 9, ч. I, 1961, стр. 126—129.

Стр. 128—129: Перечень особенностей ударения в украинских фамилиях.

Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник. Около 52 000 слов. Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., ГИС, 1959. 709 стр.

То же. М., ГИС, 1960. 709 стр.

Рец.: Сергеев Ф. Вопросы ударения в некоторых словарях и справочниках. — РЯНШ, 1960, № 1, стр. 88—90.

Селезнева И. С. Восприятие русского словесного ударения. АКД. М., 1961. 16 стр. (Научно-исслед. ин-т психологии АПН РСФСР)

Склярєнко В. Т. Акутова інтонація спільнослов'янської мови та її рефлексії в окремих слов'янських мовах. — В кн.: «Тези доповідей V Міжвузівськ. респ. славістичн. конф.». Ужгород, 1962, стр. 15—16 (Укр. ком-т славістів, Ужгородськ. ун-т).

Склярєнко В. Т. Акцентологічні коментарі до відмінювання іменників чоловічого роду. — Праці Одеськ. ун-ту, т. 150. 36. студ. робіт, вип. 6, 1960, стр. 63—69.

Комментарий к формам именительного и родительного падежей единственного числа и именительного—винительного множественного числа существительных мужского рода украинского языка.

Тоцька Н. І. Залежність тривалості голосних української мови від наголосу. — В кн.: «Тези доповідей V Міжвузівськ. респ. славістичн. конф.». Ужгород, 1962, стр. 20—22 (Укр. ком-т славістів, Ужгородськ. ун-т).

Федорова М. В. Основные типы ударения в склонении имен существительных современного русского языка. — В кн.: «Вопросы преподавания современного русского языка в вузе. Материалы Горьковск. межвузовск. лингв. конф.», Горький, 1960, стр. 133—136 (Горьковск. ун-т).

Чучка П. П. Деякі акцентологічні особливості говірок околиці Ужгорода. — Доповіді та повідомлення Ужгородськ. ун-ту. Серія філол., № 3, 1958, стр. 59—62.

Характеристика явления переноса ударения.

Шелюто Г. А. Подвижное ударение в именах с былыми основами на *-a (-ja)* на восточнославянской почве. — В кн.: «Тези доповідей V Міжвузівськ. респ. славістичн. конф.» Ужгород, 1962, стр. 123—125. (Укр. ком-т славістів. Ужгородськ. ун-т).

Шелюто Г. А. Русское ударение. Ч. I. (Пособие для студ.-филологов заочн. отд-ний). Ужгород, 1962. 272 стр. (Ужгородск. ун-т).

Указываются отклонения от литературной нормы, обусловленные украинским и белорусским влиянием и воздействием русских диалектов.

Valentin Kiparsky. *Der Wortakzent der russischen Schriftsprache.**Heidelberg, 1962*

Постановка акцентов в восточнославянских и южнославянских рукописях началась почти одновременно: в русских — в середине XIV в., в южнославянских — в XIII в. Вопреки распространенному предрассудку об «искусственности» употребления, «чисто графическом характере» акцентов, можно с уверенностью сказать, что в подавляющем большинстве случаев акценты южнославянских и восточнославянских рукописей отражают живые акцентные системы южнославянских и восточнославянских говоров того времени.

Этот огромный материал еще не введен в научный оборот и ожидает своего исследователя. Результатом исследования должно явиться построение исторической акцентологии южнославянских и восточнославянских языков. Эта задача пока приобрела конкретный характер лишь в области восточнославянского материала, где после острых наблюдений А. И. Соболевского и работ Л. Л. Васильева, заложивших фактически основание исторической акцентологии русского языка, появился ряд работ, изучавших историю ударения отдельных грамматических категорий, акцентные системы отдельных памятников или групп памятников¹.

Начальный период развития исторической акцентологии русского языка был связан с сужением задач акцентологического исследования. Исследователи рассматривали факты древнерусских памятников как русские явления, имеющие отношение к сравнительной акцентологии славянских языков лишь постольку, поскольку они подтверждали ее выводы. Все притиворечащие явления рассматривались как русские инновации или даже как феномены определенного текста или группы текстов. В дальнейшем в связи с накоплением материала, с одной стороны, и усилением критики классической акцентологии в русле самой сравнительной акцентологии славянских языков, с другой, исследователи русского ударения начинают активно вторгаться в область срав-

¹ Кроме известных работ Л. А. Булаховского, см. статьи и диссертации З. Н. Веселовской по истории восточнославянского ударения, З. Н. Кривоустовой по истории ударения в петровских ведомостях, Н. К. Пироговой по истории ударения в русском глаголе, В. А. Редькина по истории ударения в прилагательных (см. помещенную в этом номере «Библиографию советских работ по славянской акцентологии за 1958—1962 гг.», сост. И. Е. Можяевой). См. также: С. Бромлей. К истории ударения сравнительной степени имен прилагательных в русском языке. «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», 8, 1959. В число подобных работ следует отнести и книгу В. Кипарского «О колебаниях ударения в русском литературном языке. 1. Односложные имена существительные» (Хельсинки, 1950), вошедшую составной частью в рецензируемый труд.

нительной акцентологии славянских языков, используя те или иные факты древнерусских памятников или русских диалектов как основание для пересмотра тех или иных положений сравнительной акцентологии славянских языков.

В том случае, когда такой пересмотр производится исследователем с большим славистическим кругозором, с серьезным знанием славянской, балто-славянской и индоевропейской акцентологии, он связывается с критической перестройкой всей структуры славянской акцентологии и естественно приводит к большим научным результатам. Блестящим примером такого исследования является книга Хр. Станга «Slavonic accentuation» (Oslo, 1957). В тех же случаях, когда у исследователя отсутствуют необходимые качества, такой пересмотр производится без достаточных фактических и методологических оснований, разрушается строгость сравнительно-исторического метода, а идея, возникшая на почве недостаточного материала, заставляет исследователя часто нарушать и элементарные принципы филологического анализа. Все это приводит к ложным выводам, тем более вредным, что они привлекают своей общедоступностью.

Книга В. Кипарского «Der Wortakzent der russischen Schriftsprache» имеет своей задачей проследить развитие русского литературного ударения с XVI в. до наших дней. Автор привлекает для решения этой задачи первые русские словари, грамматики, акцентуированные тексты XVI — начала XVIII в. Уже перечень разделов книги показывает полноту охвата материала с точки зрения морфологических категорий: I Существительные, II Прилагательные, III Местоимения, IV Числительные, V Глагольная система, VI Наречия. Книга В. Кипарского безусловно является очень ценным собранием материала, мимо которого не сможет пройти ни один акцентолог, и всякое дальнейшее исследование истории русского ударения должно будет в определенной степени отталкиваться от собранных В. Кипарским фактов.

Нужно отметить, однако, что различные разделы книги разработаны очень неравномерно: если существительные, особенно односложные, представлены большим материалом, то прилагательные и глагол, обработаны недостаточно (ср. по количеству страниц — существительное — 244 стр., прилагательное — 20 стр., глагол — 73 стр.). Это можно было бы объяснить тем, что существительное давно было в центре интересов автора², но ведь работа, подобная рецензируемой, не должна пройти мимо предшествующих исследований, она должна вобрать их в себя, обобщить. К сожалению, этого не произошло. В. Кипарский фактически прошел мимо богатых материалом работ Л. Л. Васильева, слишком легко отмахнулся от объяснений Хр. Станга. В книге не получила отражения поставленная еще Васильевым проблема ударения имперфективов на -а³, оставлена без внимания собранная им же большая коллекция фактов⁴, показывающих широкое распространение подвижности ударения в глагольной системе, особенно в -л-причастии, действительном причастии прошедшего времени, среди которых имеются и такие примеры, как ѡкока (Новг. лет. 648 об.) ѡскока (Сим. лет. 551 об.), дѡскал (Косм. 45 об.)⁵, уже не говоря о многочисленных примерах под-

² См. В. Кипарский. О колебаниях...

³ Л. Л. Васильев. О значении камора в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв., Л., 1929, стр. 78—79, сноска.

⁴ Кроме «О значении каморы...», см.: он же. Заметка об акцентовке несклоняемого причастия на -ль-. — ЖМНП, 1905, август, стр. 464—465.

⁵ Л. Л. Васильев. О значении каморы..., стр. 54, сноска.

вижности в классе глаголов на *-i-*. Не получили достаточно полного отражения в книге следы подвижности в настоящем времени глаголов, которые, конечно, не ограничиваются Чудовским Новым Заветом, а охватывают большое количество памятников XIV—XVII вв. Эти факты не могут быть объяснены южнославянским влиянием и должны, по-видимому, рассматриваться как русские и общеславянские. Таков далеко не полный перечень проблем, которые не нашли должного отражения в работе. Правда, включение в книгу материала, собранного Л. Л. Васильевым, могло бы натолкнуть на более узкие рамки исследования В. Кипарского. Хотя в небольшой сопоставительной таблице на стр. 40—47 В. Кипарский показывает, что ударение церковнославянских памятников XVII в. в основных своих чертах то же, что и ударение памятников светского содержания, в дальнейшем он опирается лишь на памятники светского содержания, обращаясь к церковнославянским памятникам лишь «для сравнения» (стр. 12). Позиция очень противоречивая. Она исключает из систематического рассмотрения традицию, признаваемую автором лишь более архаичным типом русского ударения, и в то же время допускает для доказательства какого-либо положения ссылки на единичные факты церковнославянских текстов вплоть до XX в. Правда, автор пользуется последним не столь часто, но даже один такой случай, как ссылка на ударение ж́ика (им. ед. ж. р.) в Библии 1900 г. для доказательства старого баритонированного типа этого прилагательного, достаточен для демонстрации негодности такого метода.

Между тем, по-видимому, ударение русских церковнославянских текстов не может не отражать всю сложность процесса складывания церковнославянской нормы. Если Чудовский Новый Завет представляет древнерусское ударение, а ударение старославянских частей его морфологической системы и его лексических старославянизмов, вероятно, результаты развития традиционного ударения этих элементов, вошедших в русский язык еще в период первого южнославянского влияния, то уже в конце XIV в. и в XV в. церковнославянские тексты, написанные в России, показывают сильное влияние южнославянских акцентных систем. В XVI в. это влияние спадает, и в церковнославянских текстах этого времени вновь проступает русская акцентная стихия. Но прошел ли бесследно для акцентологической нормы церковнославянского языка период второго южнославянского влияния? Думается, что нет.

Поэтому та демонстрация русского характера церковнославянского ударения, которую производит В. Кипарский на стр. 40—47, кажется явно недостаточной, и требуется серьезное исследование церковнославянской акцентологической традиции, прежде чем ее можно будет ввести в оборот славянской акцентологии. Это не исключает, конечно, использование материала тех памятников, в которых русская струя наиболее явственна, но каждому такому случаю должно предшествовать изучение акцентологической системы этого памятника. Как показывает практика, требование изучения акцентной системы каждого отдельного памятника особенно неукоснительно должно соблюдаться при изучении южнославянского ударения XIV—XV вв., в противном случае получается пестрая смесь ничего не говорящих разнодиалектных фактов. Лишь затем памятники с однородными акцентными системами должны сводиться в группы и по возможности локализоваться. В русских текстах дело усложняется меньшей четкостью диалектных различий в области ударения и наличием южнославянской струи.

Второе, что, по-видимому, следует учитывать при исследовании

истории ударения письменного языка и что недостаточно учитывается В. Кипарским, это то, что история ударения письменного языка — это история акцентологической нормы, в которой вовсе не всегда и вовсе не обязательно старое явление сменяется более новым, а инновации предшествует архаизм. Часто изменение лишь отражает переориентировку нормы на иную диалектную область с большим сохранением архаичных явлений, а специально для русского языка возможен также отказ от каких-либо южнославянских элементов, сосуществовавших в языке как определенный стилистический пласт. С этой точки зрения, наличие в языке XVIII—XIX вв. баритонированных форм от слов *боб*, *перст*, *плющ*, *холм*, *гвоздь*, *сом*, *пруд*, *двор*, *дол* никак не отменяет вывода сравнительно-исторической акцентологии о праславянской окситонезе этих слов.

Следует отметить, что попытки В. Кипарского делать на основании собранного им материала выводы, относящиеся к общеславянскому состоянию, разбиваются о слабость сравнительного аппарата, применяемого им. Так, сравнивая русские акцентные парадигмы глагола с сербскими, В. Кипарский стремится показать, что различие между этими языками настолько велико, что восстановить праславянский «подвижный» тип (парадигма *b* по Хр. Стангу) невозможно. Но этот тип отразился не только в сербском и русском языке. Он отразился во всех славянских языках, сохранивших какие-либо следы праславянской просодической системы; а сербский язык менее всего может быть привлечен к сравнению, так как он сохранил старое распределение в глаголах на *-i-* лишь в краткосложных основах. Что же касается долгосложных основ переходных глаголов, то ввиду исчезновения в этих основах «конечноударенного» типа, который перешел в парадигму *b*, они естественно не могут быть привлечены к сравнению. Последнее относится и к приставочным глаголам на *-i-* с краткосложными основами, которые также полностью перешли в парадигму *b*. Таким образом, подавляющее большинство сравнений в этом разделе совершенно излишне и ни о чем не говорит. Если бы В. Кипарский вместо сербского обратился к словенскому материалу, то его сравнения показали бы более однородную картину, но и при этом «подвижный» тип (парадигма *b*) был бы сохранен. Ссылка на насуффиксальное ударение действительных причастий у большинства глаголов этого типа вряд ли может считаться серьезным приемом внутренней реконструкции.

Если В. Кипарский считает, что наличие форм с ударением на окончании или суффиксе в «подвижном» типе глаголов на *-i-* свидетельствует о первоначальной окситонезе этой группы, то непонятно, зачем ему понадобилось утруждать себя специальными изысканиями в области ударения действительных причастий, тогда как он мог просто сослаться на формы 1 лица единственного числа или инфинитива. Но ведь наличие форм с ударением на теме в «подвижном» типе несколько не опровергает праславянского характера этого типа, а является лишь одной из характерных его черт. Различное распределение «конечного» и накоренного ударения в различных частях морфологической системы одного языка или расхождение в этом распределении в разных славянских языках является фактом исторического развития и никак не может служить доказательством вторичности самого «подвижного» типа. Примеров такого расхождения можно привести достаточно: ср. расхождения в ударении окситонированной парадигмы *-o-* и *-ā-* основ, расхождения в ударении подвижного типа от этих основ и т. п.

Кстати, в Чудовском Новом Завете не только причастия от «подвижного» типа *-i-* глаголов совпадают с этими же формами «конечно-

ударенного» типа. То же происходит с формами аориста, ср. аор. 3 л. ед. *кѣсѣи ѿ* (л. 4¹) от *кѣсѣитѣ* (3 л. ед., 59⁴); *проси* (3 л. ед. аор, л. 25¹) от *прѣсѣте* (2 л. мн., 22²); *поносѣ* (3 л. ед. аор, л. 50²) — *прѣносѣте* (2 л. мн., л. 50²), *моли* (3 л. ед., аор. л. 51³) — *молю* (1 л. ед., л. 50²); *стоупи* (3 л. ед., аор. л. 59²) и др.

«Конечноударенный» тип: *ицѣли* (3 л. ед. аор., л. 17³), *прѣломѣ* (3 л. ед., аор. л. 20²); *положи* (3 л. ед., аор. л. 17⁴), *стѣвори* (3 л. ед. ч., аор. л. 18⁴) и др.; ср., однако, тип с постоянным ударением на основе: *ѿдѣли* (3 л. ед. аор, л. 24²); *остѣки* (3 л. ед., аор, л. 25¹), *исполни* (3 л. ед. аор, л. 59³) и др.

Данное совпадение не распространяется на тематические глаголы: ср. *иде* (3 л. ед. аор, л. 20¹), *сидѣ* (3 л. ед. аор, л. 5⁴), *изидѣ* (3 л. ед. аор, л. 17¹); не *мѣже* (3 л. ед. аор, л. 20¹) — «конечноударенный» тип: *страгѣ* (3 л. ед. аор, л. 21¹); *спражѣ* (3 л. ед. аор, 21²); *кзкедѣ* (3 л. ед., аор, л. 47⁴); *проречѣ* (3 л. ед. аор, л. 59¹); *кзнесѣа* (3 л. ед., аор, л. 59¹) и др.

Эта особенность распределения акцента в грамматических формах русской церковнославянской традиции, по-видимому, является чисто русской чертой, одной из наиболее характерных черт, отличающих русские церковнославянские памятники от большинства южнославянских, где произошло совпадение «подвижного» типа с типом, проводившим постоянное ударение на корне⁶.

Конечно, «подвижный» тип для праславянского должен рассматриваться как вторичный, равно как и окситонированный тип имен; он является фонетически обусловленным вариантом неподвижной парадигмы, но эта вторичность доказывается дополнительностью распределения «подвижного» (для имен — окситонированного) типа и типа с постоянным ударением на корне по характеру интонации корневого гласного, но ни в коем случае не наличием у «подвижного» типа «конечноударенных» форм⁷.

Следует отметить, что ограничение всех славянских сравнений сербским литературным языком обычно заставляет автора отказываться от решения вопроса там, где такое решение очевидно. Так при обсуждении проблемы «конечноударенной» парадигмы глаголов 2 класса (стр. 288) В. Кипарский оставляет без внимания следы этой парадигмы в словацком языке и беднянском говоре. Согласные показания западнославянских, южнославянских и восточнославянских языков полностью исключают какие-либо сомнения в праславянской древности этого типа.

Такого рода ошибками, искажающими историческую перспективу, конечно, не ограничиваются неточности сравнительно-исторического аппарата книги. Можно привести ряд элементарных ошибок в применении сравнительно-исторического метода, которые хотя и не ведут к серьезным искажениям общей картины, однако наглядно иллюстрируют ту небрежность, с которой автор с ним обращается.

Стр. 74: серб. *přst: přsta* не свидетельствует об акутированности корня, а представляет частое для сербского развитие окситонированного типа, ср. серб. диал. *přst, přstā* (Лепетане, Прчањ, Озринићи,

⁶ Данное положение, правда, относится лишь к восточноболгарским и, вероятно, македонским акцентным системам. Западноболгарские и сербские акцентуемые тексты имеют свои особенности, отличающие их как от восточноболгарских, так и от русских текстов.

⁷ См.: В. А. Дыбо. О реконструкции ударения в праславянском глаголе. — ВСЯ, вып. 6, 1962, стр. 3—9; см. также: В. М. Иллич — Святых. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.

см. JФ, XIV, 71; Reš., 46), слов. диал. *p̃rst*, *p̃rstà* или *p̃rsta* (Rad, XLVIII, 131) и др. Стр. 82: серб. *gvōzd:gvōzda* не может говорить о первом типе, так как в первый тип входили только акутированные основы, а в этом слове в корне краткость. Частое в сербском преобразование старой окситонезы, ср. серб. диал. *gvōzd*, *gvōzda* — Istra см. СДЗб, IX, 149, слов. *gōzd*, *gōzda*. Стр. 85: серб. *pōd:pōda* не может соответствовать первому типу по той же причине, ср. серб. *pōd*, *pōdā* (Novi, Susak, Posavina, см.: ИОРЯС, XIV, 2, 214; HDZb, I, 106; Rad, CXCVI, 236); *pēd*, *pyedā* (Bednja, см. HDZb, I, 297); *pōd*, *pōda* (Пива, Žumberak, см. СДЗб, X, 188, ASIPh, VI, 352); ср. также в других слав. языках: укр. диал. *nīd*, *nodā* (ASIPh, VII), русск. диал. *nōd*, *nōda*. Стр. 88: лит. *viršūs* не может свидетельствовать о первоначальной окситонезе слова *верх*, так как литовское слово имеет в данном случае подвижную акцентную парадигму, а связь литовской подвижности с славянской окситонезой не доказана. Стр. 91: лит. *šāmas* не может быть аргументом в защиту первоначального «накоренного ударения» слав. *somъ* по аналогичной причине: связь литовской второй акцентной парадигмы со славянской подвижностью не доказана. Стр. 52: лтш. *miērs* может указывать лишь на балтийскую подвижность, этому соответствует слав. *mīr*, *mīrū*, *mīra*, отражающие славянскую подвижность. Связь славянской окситонезы с балтийской подвижностью не доказана. Стр. 51: совместные показания польск. *klqb:klęba* и чеш. *kloub:kloubi* свидетельствуют об акутированности корня, что соответствует ударению русского прилагательного *клѣбный*. Стр. 270: лит. *budrūs* показывает подвижную парадигму, связь которой с славянской окситонезой не доказана. Как было показано рядом исследователей, ударение деноминативов типа *бодрътъ*: *бодръшь* связано с подвижной парадигмой имен, от которых они образованы. Если В. Кипарский с этим не согласен, он должен был бы аргументировать свое особое мнение, но не исходить из него заранее. Стр. 270: др.-инд. *kr̥ṣṇāḥ* не может указывать на окситонезу праславянского *ѣрънъ*, так как связь древнеиндийской окситонезы со славянской — не доказана. Стр. 274: серб. *pōv:pōvo*, конечно, не может свидетельствовать о «старом акуте», тем более на кратком гласном. Стр. 207: польск. *pięta* и чеш. *pata* как раз соответствует сербскому *pēta:pētu*, pl. *pēte* и подтверждают первоначальность III типа. Стр. 199: словацк. *blāna* может говорить только о конечном ударении, чеш. *blāna* этому не противоречит. Таким образом о типе I может свидетельствовать только укр. *болѡна*. Стр. 247: чеш. *dlāto* и польск. *dlōto* свидетельствуют о конечном ударении и предударной долготе, а не об акутированном типе. Стр. 214: польск. *dąga* может указывать только на конечное ударение, а не на баритонезу, чеш. *duha* — лишь на подвижный тип, а польск. *dęga* как на подвижный тип, так и на накоренный акутированный тип, но не на окситонезу.

Данный список не ставит своей целью исчерпать все неточности и ошибки этого рода в книге, его задача лишь предупредить читателя об опасностях, которые могут встретиться ему при чтении.

Имеется еще одна опасность. При чтении подобного рода обобщающих работ обычно ожидаешь исчерпывающих и точных библиографических и историко-научных указаний. Этого не следует ожидать от работы В. Кипарского. Круг его первоисточников по сравнительной славянской акцентологии обычно исчерпывается работами Е. Куриловича, Хр. Станга и Л. Садник. Естественно, что его историко-научные указания не только не могут быть исчерпывающими, но в ряде случаев просто неверны. Приведем лишь некоторые примеры:

На стр. 294 указывается на Куриловича как на первоисточник сравнения «окситонированных» славянских глаголов с латышскими глаголами с прерывистой интонацией и баритонированных славянских глаголов с латышскими глаголами с плавной интонацией, тогда как это сравнение было впервые проведено в работах Л. А. Булаховского, К. Буги и Я. Эндзелина⁸.

На стр. 332 утверждается, что подвижность ударения действительного причастия прошедшего времени в древнерусском была установлена Хр. Стангом. В действительности это явление было подробно изучено еще Л. Л. Васильевым в его статье «Заметка об акцентовке несклоняемого причастия на -лъ» (ЖМНП, 1905, август, стр. 464—465), в которой он привел большое количество примеров из русских памятников XVI—XVII вв.

На стр. 299 совершенно необоснованно утверждается, что при рассмотрении гипотезы, возводящей -i- каузативов и деноминативов на -i-, соответственно, к *eīē* и *ēīe* (др.-инд. -*auá-*, -*áua-*), на интонационное различие гласного, получившегося в результате стяжения, якобы впервые ясно указал Е. Курилович. В действительности представление об этом различии существовало с самого начала дискуссии и во многом определило направление обсуждения вопроса.

Вопрос о типе *родилá* уже давно может считаться решенным для славянской акцентологии. Вряд ли можно считать его сейчас «труднейшей проблемой» (стр. 337). Наличие подвижности ударения в -i-причастиях от «окситонированных» -i-глаголов в древнерусском языке было подробно показано еще Л. Л. Васильевым в статье «Заметка об акцентовке несклоняемого причастия на -лъ», а в книге «Об употреблении каморы...» он привел примеры на подвижное ударение у глаголов 3 класса типа *kóval*, так что считать, что Хр. Станг «постулирует» такое ударение (ср. стр. 338), нет никаких оснований.

Циркумфлексовая интонация и подвижное ударение в страдательных причастиях на -t- были изучены еще Л. А. Булаховским в его статье «Die Intonation des slavischen Supinums», а связь распределения этих форм с интонацией была установлена Н. Ван-Бейком в статьях: «L'accentuation de l'aoriste slave» (RÉSl, t. III, fasc. 1—2, Paris, 1923) «Die slavischen Partizipia auf -t- und die Aoristform auf -tъ» (IF, Bd. XLIII, H. 3—4, Berlin—Leipzig, 1926). Таким образом ссылка на Хр. Станга на стр. 347 как на первоисточник ошибочна.

На стр. 285 реконструкция ударения **nesetǫ*, **nesešǫ*, **nesemǫ*, **nesetǫ* приписывается «уже» Е. Куриловичу и Хр. Стангу, тогда как подобное ударение было реконструировано еще К. Бугой, Л. А. Булаховским и Я. Эндзелином (см. хотя бы указ. выше работы).

Приведенные примеры показывают, что в подавляющем числе случаев такого рода библиографические замечания лишь отсылают нас

⁸ Связь латышской прерывистой интонации с балтийской «окситонированной» парадигмой глагола была показана Я. Эндзелином (см.: J. Endzelin. Über den lettischen silbenaccent. «Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen», Bd. 25. Göttingen, 1899). Непосредственное сравнение латышских глаголов со славянскими было проведено К. Бугой (см. его рец. на кн.: Van-Wijk. Die baltische und slavische Akzent- und Intonationssysteme. «Tauta ir žodis», kn. II, Kaunas, 1924, стр. 479—480); сравнение латышских глаголов с двумя рефlekсами балтийского акута со славянскими двумя парадигмами глаголов с подробным изучением метатонии в формах глаголов «окситонированной» парадигмы было проведено Л. А. Булаховским в рецензии на эту же книгу Ван-Бейка (ZfslPh, Bd. I, 1924—1925, стр. 229—231) и в его статье «Die Intonation des slavischen Supinums» (ZfslPh, Bd. IV, 1927), где было снято и то расхождение, о котором пишет Е. Курилович и которое устраняет В. Кипарский на стр. 294.

к источнику, из которого черпает данное положение автор, но отнюдь не к источнику, из которого его получила наука.

Анализ работы В. Кипарского, таким образом, показывает, что она особенно слаба там, где автор вторгается в область сравнительной акцентологии славянских и балтийских языков. Автор не владеет методами и материалами сравнительной акцентологии, что приводит его к ряду серьезных ошибок. Однако большой и ценный материал, собранный В. Кипарским, делает его книгу очень полезным справочником, мимо которого не сможет пройти ни один специалист, интересующийся проблемами истории русского ударения.

Разумные границы, в которых можно пользоваться этим справочником, мы здесь постарались очертить.

В. А. Дыбо

Elisabeth Nonnenmacher-Pribić. Die baltoslavischen Akzent- und Intonationsverhältnisse und ihr quantitativer Reflex im Slovakischen.

Wiesbaden, 1961. 196 стр.

Книга посвящена истории словацкой системы количественных противопоставлений. Однако автор, по-видимому, не ставил задачу описать процессы ее формирования; он ограничился описанием трех просодических систем — балто-славянской (до утраты подвижных акутированных парадигм), праславянской и современной словацкой и установлением диахронических тождеств.

Балто-славянской и праславянской системам посвящены две вступительные главы. Написанные сжато и во многих случаях удачно излагающие сложный материал, эти главы могут служить хорошим введением в изучение славянской акцентологии. Э. Нонненмахер склоняется к принятию акцентологической концепции Е. Куриловича. К сожалению, в книге, завершенной в первом варианте в 1956 г., не учтены в достаточной степени исследования последних лет и в особенности известная работа Хр. Станга, имеющая решающее значение, например при решении вопроса о праславянском сокращении долгот, столь важного для словацкого.

Основная часть работы посвящена описанию количества корневого слога непроеизводных существительных, прилагательных и глаголов. Внутри каждого из этих классов выделяются: а) слова с краткостью на месте подударных акутированных гласных; б) слова с краткостью на месте подударных циркумфлектированных гласных и в) слова с долготой на месте новоаккутированных гласных и предупдарных долгот; весьма кратко рассматриваются случаи удлинения новоаккутированных *e* и *o*. Автор обычно перечисляет все словацкие образования, для которых восстановимы праславянские просодические отношения. Отдельные слова рассматриваются более подробно, обычно с привлечением инославянского (чаще только чешского) материала. Заметим, что чешский диалектный материал, давно собранный и расклассифицированный, Е. Нонненмахер привлекает охотнее, чем диалектный материал словацкий; здесь как правило приводятся лишь данные литературного языка. Книгу завершают два раздела, описывающие количественные отношения в префиксальных и суффиксальных образованиях, обширная библиография и указатели.

Автор не дает новых решений спорных проблем, связанных со словацким количеством. Перед нами лишь добросовестно обработанная сводка материала. Однако и при таком подходе к работе Э. Нонненмахер автору можно предъявить ряд претензий. Читателю предлагаются три синхронные среза — балто-славянский, праславянский и словацкий. Но не лежит ли между праславянской и словацкой системами некая промежуточная система, развитие которой представлено, с одной стороны, в словацком, а с другой — в лехитских языках? Не является ли описание этой системы, непосредственно предшествующей словацкой, важнейшей задачей исследователя истории словацкой просодии? Во всяком случае, «пралехитская» и «прасловацкая» системы настолько близки (обе они, как известно, противопостоят «прачешской» системе своей трактовкой старых акутированных слов), что в работе, посвященной словацкому количеству, мы ожидали бы значительно более широкого привлечения польских диалектных и кашубских данных.

Автор проявляет странное невнимание к проблемам количества в словацкой именной и глагольной флексии, исследование которых обещает многое. Так, более чем скромно освещена проблема словацких долгот в именной флексии (стр. 14, 49—50); ссылкой на «*einzelssprachlige Entwicklungsvorgänge*» нельзя отмахнуться от случаев идентичного распределения конечных долгот и краткостей в словенском, словацком и кашубском. Вовсе не рассматривается важная гипотеза Станга о парадигматических причинах противопоставления *-ie* : *-e* в глагольной флексии, хотя соответствующая работа упомянута в библиографии.

Ряд своих выводов автор строит на сомнительном предположении об окситонированности формы Nom. Sing. *-o*-основ мужского рода (подвижная парадигма) в позднем праславянском (в период возникновения нового акута). Хотя для балто-славянского периода здесь действительно следует предполагать окситонезу, данные всех славянских языков единогласно указывают, что в праславянском эта форма была баритонированной и не отличалась интонационно от формы Acc. Sing., акцентуацию которой она, по-видимому, и усвоила. Что касается неожиданной долготы в Nom. Acc. Sing. ряда *-o*-основ в чешском, свидетельствующей, по мнению Э. Нонненмахера, в пользу окситонезы (стр. 46-47), то ее следует поставить в связь с сохранением особой парадигмы старых *-ŭ*-основ, обнаруживающейся и в восточнославянском (ср. старые *-ŭ*-основы — чеш. *řád, sád*, ст.-чеш. *dár, stán, sýn*). Неприемлемо предположение автора о том, что центральнословацкое противопоставление *raz* : *roz* восходит к противопоставлению подударного акутированного **ǫrz-* и предударного **ōrz-*, сократившегося в этой позиции в **orz-* (> *roz-*) по типу **mālŭna* > **mālŭna*; откровенное игнорирование данных других славянских языков сослужило в этом случае дурную услугу автору.

К сожалению, книга не свободна от обидных ляпсусов. Так, на стр. 109 автор приводит русск. *умер, умерlá* (подвижная парадигма, циркумфлектированный корень) как форму, указывающую на акутированный корень; на стр. 73 лит. *vėti, vėjas* превращено в *viėti, viejas* и т. п.

В. И.

Helmut Lüdtke. Das prosodische System des Urslavischen und seine Weiterentwicklung im Serbokroatischen.

Phonetica. Supplementum ad vol 4 (1959). Symposion Trubetzkoy, стр. 125—156

Для позднего праславянского традиционная акцентология восстанавливает троичное интонационное противопоставление: акут (˘) : циркумфлекс (˘) : новый акут (˘). Х. Людке считает возможным усомниться в правильности этой реконструкции на основании следующих соображений: 1) троичные интонационные противопоставления весьма редки в европейских языках; 2) неясна природа нового акута: в штокавских говорах он совпал с нисходящей интонацией, в чешском — с восходящей, в польском — отличался от той и от другой; 3) увеличение числа интонаций до трех, а затем устранение интонационных противопоставлений предполагает действие противоположных тенденций.

Славист мог бы возразить на это (Х. Людке — романист), что 1) троичное интонационное противопоставление все же встречается в Европе, и именно среди славянских (серб. посавск. ˘ : ˘ : ˘) и балтийских (лит. жемайтск. ˘ : ˘ : ˘) языков; 2) рефлексация интонации праязыка («прасуперсегмантемы») может быть не менее разнообразной, чем рефлексация фонемы праязыка: так балтийский акут дает слабовосходящую или прерывистую интонацию в центральнолатышских говорах, нисходящую интонацию в аукштайских говорах литовского, прерывистую интонацию в жемайтских говорах; это, конечно, странно, но не менее странно, например рефлексация *ие*. **k̂*: [h] в немецком и [s] в русском; в обоих случаях установление этапов развития снимает видимую «странность»; 3) если уж считать развитие языка непротиворечивым, то и в данном случае можно обнаружить желанную гармоничность: сперва формирование наибольшего числа интонационных противопоставлений, затем (в отдельных славянских языках) их постепенное устранение. Автор работы пренебрег возражениями такого рода и предложил читателю свою реконструкцию. Он считает, что явления, объединяемые под названием нового акута, возникли уже в отдельных славянских языках после устранения интонационного противопоставления «акут — циркумфлекс»; система трех интонаций никогда не существовала реально в славянском.

Поскольку до сих пор в системах сербохорватских чакавских и посавских говоров видели довольно точное отражение праславянской системы трех интонаций, Х. Людке должен был показать, что сербохорватские интонационные противопоставления не связаны непосредственно с постулируемыми праславянскими. Действительно, праславянское интонационное противопоставление «акут — циркумфлекс» заменено в сербохорватском количественным противопоставлением. Чакавское противопоставление «нисходящая интонация (˘) — восходящая интонация (˘)» Х. Людке рассматривает как перенос отношений, существовавших в двух слогах, на один (долгий) слог: **ključ'ъ* > *ključ*, **dr'ugъ* > *drūg*; таким образом, сущность его теории заключается в том, что рефлексы нового акута предлагается рассматривать как рефлексы предударной долготы, а перенос ударения на предударный долгий — как процесс, прошедший в отдельных славянских языках после устранения интонационного противопоставления «акут — циркумфлекс».

Такое объяснение можно было бы считать одной из допустимых гипотез, если бы новый акут был представлен только в слогах перед первоначально подударными редуцированными. Дело, однако, обстоит

иначе: приняв гипотезу Лютке, параллельными инновациями отдельных славянских языков следовало бы считать и перенос ударения со среднего циркумфлексированного слога в типе **vórtišь* и метатонию в типе **górdjā*, а заодно и случаи с новым акутом в конечных слогах (Instr. Pl. **bogý*) и т. п. Рискованность подобных заключений очевидна. Принцип экономии при построении системы пришел в данном случае в столкновение с банальными, но непреложными основами реконструкции.

Праславянские акцентуационные противопоставления действительно были существенно преобразованы на раннем этапе развития отдельных славянских диалектов. Не целесообразнее ли однако объяснить эти процессы перестройки как раз преобразованием неустойчивой системы трех интонаций, возникшей в позднем праславянском после появления нового акута? При возникновении новой восходящей интонации старая восходящая была преобразована (сербохорватский) или совпала с новой («прачешский»). Аналогичное явление можно наблюдать в латышских говорах. Своеобразное повторение процесса произошло, вероятно, в штокавском диалекте: возникновение новой восходящей интонации в период штокавской оттяжки ударения привело к преобразованию старой восходящей (по происхождению новоакутовой) в нисходящую.

Романисту, пробующему свои силы в области славянской акцентологии, можно простить многое: смешение «нового циркумфлекса» с метатонией по правилу Мейе (стр. 147); реконструкцию баритонезы вместо окситонезы в Gen. Pl. имен (стр. 147, 149); открытие «рудиментарного гласного» на месте ь в русск. *свадьба*; объяснение формы **kamy* как замены фонетического **kama* < **kāmōn* во избежание совпадения с ā-основами... Труднее найти оправдание маститому слависту, рекомендуемому в обзорной работе статью Х. Лютке как достижение современной славянской акцентологии¹.

В. И.

Tamara Buch. Die Akzentuierung des Christian Donelaitis.

Wrocław — Warszawa — Kraków. 1961. 147 стр.

Книга Т. Бух возрождает в литуанистике жанр монографического исследования акцентуированного памятника; до сих пор единственной (и весьма удачной) работой такого рода была книга П. Скарджюса об акцентуации Даукши¹. Предметом исследования является поэма основоположника литовской поэзии Христиана Донелайтиса «Времена года» (Kristijonas Donelaitis, *Metai*, 60-е годы XVIII в.). Т. Бух использовала недавнее фототипическое издание части рукописи² и старое издание Г. Нессельмана. При определении места ударения и характера интонации учитывались как знаки ударения в рукописи Донелайтиса, так и его метрические обозначения, на основании которых был проведен метрический анализ стиха.

¹ См.: K. Horálek. Zum gegenwärtigen Stand der slavischen Akzentologie. — ZfSlPh, Bd. XXIX, 1961, стр. 379. — Это не единственное утверждение, вызывающее недоумение в обзоре К. Горалека; автор обзора считает книгу Хр. Станга «Slavonic Accentuation» неким дополнением к идеям Е. Куриловича, хотя трудно, кажется, найти две более антагонистичные по своей сути концепции; новаторская работа Станга квалифицируется как «классификаторский труд», а ее автор — как «языковед, не заботящийся о выработке новых концепций»!

² P. Skardžius. Daukšos akcentologija. Kaunas, 1935.

² Kristijono Donelaičio rankraščiai. Vilnius, 1955.

Изложению материала предпослано краткое, но содержательное введение, где определяется связь системы акцентных обозначений Донелайтиса с аналогичными системами грамматик Д. Клейна (1653—1654)³ и трудов Ф. Руига и П. Ф. Руига (1747). К сожалению, автор ограничился сопоставлением лишь этих двух систем, отделенных друг от друга почти столетием. Между тем, традиция частичной акцентуации литовских текстов, начало которой положил Клейн, не прерывалась в Малой Литве в течение второй половины XVII, всего XVIII и начала XIX в.: практически все кенигсбергские издания этого периода акцентуированы. Важными вехами в развитии системы акцентной нотации были переиздания песенника Клейна 1666 г. (*Neues Abermahl verbessert... Gesang-Buch*—1685 г. и 1705 г.), Нового Завета 1701 г. (*Novum Testamentum lithvanicum*), словаря Ф. Хаака 1730 г. (*Vocabularium Lithvanico-Germanicum et Germanico-Lithvanicum...*), Библии 1735 г. (переиздана в 1755 г.), а после трудов Руигов—грамматики Г. Остермейера (*Neue Littauische Grammatik...*—1791 г.) и Х. Мильке (*Anfangs-Gruende einer Littauischen Sprachlehre...*—1800 г.). Особенно интересным было бы сравнение системы, принятой в «Metai», с данными относящихся к тому же времени грамот прусских властей⁴; известно, что Донелайтис был переводчиком некоторых из этих документов⁵.

Т. Бух верно отмечает общие для всех кенигсбергских памятников приемы акцентовки—обозначение знаком акута долгих (удлиненных) подударных гласных *a*, *e* (*á*, *é*—*ā*, *ē*) и долгих первых элементов нисходящих (акутированных) сочетаний (*ái*, *án*—*āi*, *ān* и т. п.); отсутствие надстрочного знака над соответствующими восходящими (циркумфлектированными) сочетаниями (*ai*, *an*—*at*, *aĩ* и т. п.); чисто графическую постановку знака ^ в определенных грамматических формах (Gen. Pl. на -ų, Gen. Sing. на -os и др.).

Некоторые детали могли бы быть уточнены. Так, упоминаемое П. Руигом правило, согласно которому после краткого пишется удвоенный согласный, является отзвуком весьма последовательного употребления удвоенных согласных после кратких (обычно безударных) *a*, *e* в Библии 1735 г. Х. Донелайтис уже не пользуется последовательно такими обозначениями⁶.

Весь исследованный материал расположен по морфологическим разрядам слов; внутри таких разрядов слова сгруппированы по акцентуационным парадигмам. Такой способ подачи материала, введенный П. Скарджюсом, весьма удобен и при наличии тщательно составленного указателя делает книгу хорошим справочным пособием. Синхронное описание акцентуации Донелайтиса выполнено безупречно.

Автор последовательно проводит сопоставление акцентовки Х. Донелайтиса с акцентовкой Ф. Куршата и показывает в довольно редких случаях расхождения между ними и материалами Даукши или литовскими диалектными данными. В «Заключении» отмечены наиболее важ-

³ Т. Бух принадлежит специальное исследование об акцентуации Клейна. См.: T. Buchienė, J. Palionis. Pirmosios spausdintos lietuvių gramatikos. «Pirmoji lietuvių kalbos gramatika». Vilnius, 1957, стр. 47 и след.

⁴ Фототипическое издание: Prusijos valdžios gramatos, pagraudėnimai ir apskaitai lietuviams valstiečiams. Vilnius, 1960.

⁵ См. в особенности обширную грамоту 1769 г.—цит. изд. № 46, стр. 29, 245—276.

⁶ Интересны, однако, случаи Gen. Pl. *b'utu* (= *būtu*) при Acc. Pl. *Butūs* (= *būtūs*), Instr. Pl. *p'upoms* (= *pūpoms*) при Acc. Pl. *puppās* (= *pūpās*), см. стр. 15, 41; не содержится ли здесь указание на полудолгое произношение подударного *u* (и *i*) в говоре Донелайтиса?

ные случаи расхождения с Куршатам, состоящие, главным образом, в большем распространении баритонированных парадигм имен (1 и 2) у Донелайтиса. Все эти данные, однако, носят справочный характер и не делают книгу Т. Бух работой сравнительного плана, каким было, например, упомянутое исследование П. Скарджюса.

Сравнительное исследование требовало бы сопоставления акцентуации поэмы «Metai» с данными более ранних и более поздних кенигсбергских памятников, с данными диалектных записей этого района (А. Шлейхер, А. Лескин, А. Дорич, А. Беценбергер, К. Юркшат) и лишь в последнюю очередь с данными литературного языка Малой Литвы, отраженными у Ф. Куршата. Книга Т. Бух не претендует на выполнение этой задачи-максимум. Вместе с тем она значительно облегчит ее выполнение в будущем.

В. И.

Н. И. Толстой

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ СЕКТОРА СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР за 1960—1962 гг.

Интенсивное развитие славяноведческой лингвистической науки в Институте славяноведения АН СССР в первые два года после IV Международного съезда славистов (1—10.IX 1958. Москва) привело к тому, что в середине 1960 года сектор языкознания в Институте разделился на два сектора: сектор славянского языкознания и сектор структурной типологии славянских языков. Структурно-типологический сектор в короткий срок сумел завоевать авторитет в отечественных и зарубежных лингвистических кругах и приступить к разрешению новой и сложной научной проблематики, связанной во многом с общими проблемами теории информации, семиотики и теоретического структурного языкознания. Сектор сравнительного славянского языкознания выполнял в основном работу по проблематике, намеченной еще в предшествующие годы¹ и охватывающей вопросы сравнительно-исторического исследования славянских языков и праславянского языка, балто-славянских языковых отношений, акцентологии и этимологии славянских языков, диалектологии и лингвистической географии славянских языков, старославянского языка, описания грамматического строя современных славянских языков и истории науки².

Можно отметить при этом известное расширение научной тематики и значительный рост научной продукции сектора в обозреваемый нами срок по сравнению с предыдущим периодом.

Сравнительно-историческое исследование славянских языков и праславянского языка велось в плане разработки как общих, так и более частных проблем с широким привлечением материала родственных индоевропейских языков, при постановке задачи установления характера связей праславянского языка с балтийским, иранским, кельтским и другими. Наиболее значительным трудом в этой области явился «Очерк сравнительной грамматики славянских языков» С. Б. Бернштейна — «Введение и фонетика» (Москва, 1961. 350 стр.). Книга С. Б. Бернштейна, задуманная как руководство

¹ Отчет о деятельности сектора за 1958—1959 гг. см.: КСИС, вып. 30. М., 1961.

² В настоящий обзор включены исключительно работы сотрудников сектора славянского языкознания и работы сотрудников сектора структурной типологии славянских языков (В. Н. Топорова, А. А. Зализняка) и Института русского языка (О. Н. Трубачева), выполненные ими в их бытность в составе единого сектора языкознания Института славяноведения АН СССР.

для студентов и аспирантов филологов, но далеко превосходящая эти цели, явилась первой за последние 45 лет фундаментальной сравнительной грамматикой в нашем отечественном славяноведении. Ее рецензент, проф. А. В. Исаченко справедливо отметил, что «Очерк» является первым обобщающим трудом, в котором последовательно различаются разные пласты «праславянщины»³, и этим он выгодно отличается от таких классических в этой области работ, как сравнительные грамматики Вондрака и Ваяна и описания праславянского языка Ильинского и Мейе. А. В. Исаченко подчеркнул, что труд С. Б. Бернштейна «отличается обаятельной научной честностью и готовностью нести полную ответственность за высказываемое»⁴. Внимание к проблемам субстрата, критическое отношение к данным археологии, прикладной дендрологии и другим вспомогательным при определении славянской прародины дисциплинам, более осторожный и дифференцированный подход к материалу балтийских языков и проблеме заимствований, наконец контроль всех известных нам фактов методом относительной и абсолютной хронологии — таковы сильные стороны «Очерков» С. Б. Бернштейна. Периодизация истории праславянского языка неизменно требовала от автора перехода от традиционно-атомарного рассмотрения фонетических явлений к фонологическому подходу, обращения к принципу системных отношений. В этом плане автор «Очерков» проявил известную осторожность, за что и заслужил упрек А. В. Исаченко, что «недостаточно четкое разграничение описательно-фонетических и фонематических критериев неизбежно приводит к определенного рода методологическому „синкретизму“»⁵. В этом же смысле высказался и другой рецензент Ив. Добрев, вновь поднявший известный спор типа «что раньше — курица или яйцо?», т. е. физиологические изменения звуков или перестройка фонологической системы⁶. Создание истории фонологической системы праславянского языка все еще остается делом будущего, и на пути к этому возможны два подхода: постепенный отход от «описательно-фонетической» традиции, с одной стороны, и более дедуктивное построение серии вероятных фонологических моделей, с другой (ср. опыты В. К. Журавлева и др.). Учитывая не только чисто научные, но и педагогические задачи, которые ставил себе автор «Очерка», становится ясным и вполне оправданным его выбор первого пути. [Отметим, что и в выпущенной вскоре после «Очерка» книге А. Фурдаля (A. Furdal. Rozpad języka prasłowiańskiego w świetle rozwoju głósowego. Wrocław, 1961) избран первый путь].

Актуальные для сравнительного изучения славянских языков задачи были изложены С. Б. Бернштейном в статье «Некоторые проблемы сравнительно-исторического изучения славянских языков» (КСИС, вып. 33—34, 1961, стр. 179—186), где особо подчеркивалась важность исследования структуры праславянского слога, определения древнейших праславянских изоглоссных областей и соотношения славянских диалектов в период распада праязыка и миграции славянских племен, установление на современном диалектном материале взаимосвязей южно-, западно- и восточнославянской групп (составление Карпатского лингвистического атласа, изучение лексики Полесья и т. д.).

³ См.: А. В. Исаченко [реп.]. «Научные доклады высшей школы. Филол. науки», 1962, № 3, стр. 147—154.

⁴ Там же, стр. 148.

⁵ Там же, стр. 150.

⁶ См.: Ив. Добрев. Нов принос към сравнително-историческото проучване на славянските езици. «Език и литература», год. XVII, 1962, кн. 5.

Наглядную и достаточно полную сводку славяно-иранских параллелей в области фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики, а также иранских заимствований в славянском (включая и проблемы мифологии) дал А. А. Зализняк в статье «Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода» (ВСЯ, вып. 6, 1962, стр. 28—45). Иранские и славянские конструкции беспредложного локатива типа *Pārsaiy*: кыекѣ рассмотрел В. Н. Топоров в статье «Об одной ирано-славянской параллели из области синтаксиса» (КСИС, вып. 28, 1960, стр. 3—11).

В области праславянского и сравнительного славянского синтаксиса наиболее значительным трудом явилась монография В. Н. Топорова «Локатив в славянских языках» (М., 1961, 379 стр.), в которой методом внутренней реконструкции установлено существенное отличие ранней праславянской падежной системы от ее состояния в современных славянских языках (наличие беспредложного локатива, вторичность конструкции *о* + локатив, заменившей *о* + аккузатив, более раннее появление *о* + локатив при обозначении места по сравнению с другими функциями той же конструкции и т. д.). Монография о локативе выгодно отличается от предшествующей ей коллективной работы о славянском инструментале («Творительный падеж в славянских языках», М., 1958), единством метода и широким привлечением индоевропейского материала. Дополнением к книге о инструментале явилась статья К. И. Ходовой «Значение творительного беспредложного в старославянском языке» (УЗИС, т. XIX, М., 1960, стр. 101—158).

Праславянская проблема в пространственном плане разрешается в монографии В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья» (М., 1962, 267 стр.). Авторы исследовали материал, собранный в основном П. Л. Маштаковым, установили словообразовательные типы гидронимов и предложили их этимологию. В результате такого анализа им удалось наметить важную для проблем восточнославянского этногенеза картину соотношений славянского, балтийского, финского и иранского этноса на рассматриваемой территории в I—начале II тысячелетия н. э., обрисовав при этом далеко идущий на восток и юго-восток балтийский клин (это ставит серьезный вопрос топонимического исследования территорий, прилегающих к Верхнему Поднепровью с востока)⁷.

К этому труду примыкают статьи В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева «Балтийская гидронимия Верхнего Поднепровья» (ЛКК, IV, 1961, стр. 195—217) и В. Н. Топорова «Две заметки по балтийской гидронимии» («Сборник в честь акад. Эндзелина», Рига, 1960, стр. 251—266).

Ряд соответствий восточно- и западнославянских диалектов, примыкающих к карпатскому ареалу, с южнославянскими в области народной географической (ландшафтной) терминологии рассмотрен в интересной статье В. М. Иллича-Свитыча «Лексический комментарий к карпатской миграции славян» («Изв. АН СССР», ОЛЯ, т. XIX, вып. 3, 1960, стр. 222—232), где вновь ставится вопрос о двух потоках миграции славян к югу от Карпат.

Важный и до сих пор не решенный вопрос праславянской фонетики привлек внимание В. М. Иллича-Свитыча, который в статье «Один из источников начального *х* в праславянском (поправка к «закону Зибса»)» (ВЯ, 1961, № 4, стр. 93—96) на основании большого материала пред-

⁷ Подробнее см. в обширной рецензии акад. Т. Лера-Сплавинского (ВЯ, 1963, № 4, стр. 134—136).

ложил следующее толкование: индо-европ. *sk > праслав. *sk; индо-европ. *sg, *sgh > праслав. *x.

Реконструкция системы праславянской мифологии, задуманной В. Н. Топоровым как серия очерков, начинается с этюда «Фрагмент славянской мифологии» (КСИС, вып. 30, 1961, стр. 14—32), где рассматривается название бога Велеса в функциональном соотношении со Стрибогом и Перуном и даются типологические параллели этой триады в римской, умбрской, кельтской, германской и индийской мифологиях.

К. И. Ходова опубликовала научно-популярный труд «Языковое родство славянских народов» (М., 1960, 62 стр.), где кратко изложены основные черты лексического единства славянских языков.

Балто-славянские языковые отношения, связанные с ними вопросы и результаты их анализа были рассмотрены в статье В. Н. Топорова «К проблеме балто-славянских языковых отношений» (КСИС, вып. 33—34, 1961, стр. 211—218), где продемонстрированы широкие перспективы дальнейших исследований в области балтистики (изучение литовских и латышских диалектов, изучение современных балто-славянских контактов и «языкового союза», топонимики и т. п.). Статьей «Из истории изучения древнейших балто-славянских языковых отношений» (УЗИС, т. XXIII, 1962, стр. 3—43) В. Н. Топоров завершает свой очерк, оценивающий предшествующий период лингвистических балто-славянских штудий (начало см.: УЗИС, т. XVII, 1959, стр. 248—274). Его же перу принадлежит любопытный опыт реконструкции систем балтийского и славянского глагола в плане системы значений форм древнейших отношений глагольных основ и глагольных флексий, изложенный в работах «К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола» (ВСЯ, вып. 5, 1961, стр. 35—70) и «Об архаизмах в балтийском спряжении» («International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», IV, 1961).

Праславянская и славянская акцентология разрабатывалась в соотношении с акцентологическими вопросами северо-западных индоевропейских языков. Опыту реконструкции основных фрагментов акцентной системы северо-западного индоевропейского ареала посвящена статья В. А. Дыбо «Сокращение долгот в кельтско-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии» (ВСЯ, вып. 5, 1961, стр. 9—34). В ней устанавливается, что индоевропейские долготы сохранялись в кельто-италийских языках под индоевропейским тоном и сокращались в безударной позиции (в германских языках это сокращение было лишь перед интервокальным сонантом). Реконструируемый фрагмент кельто-италийской акцентной системы в своих специфических моментах совпадает соответственно с балтославянской акцентологической системой. В. М. Иллич-Свитыч в работе «К истолкованию акцентуационных соответствий в кельто-италийском и балто-славянском (о «втором правиле Дыбо»)» (КСИС, вып. 35, 1962, стр. 63—72) сделал попытку дать иную интерпретацию этого явления, обращаясь к гипотезе существования интонационных различий в самом индоевропейском языке (эта гипотеза о первичности интонационных различий была впоследствии отклонена автором и заменена положением о связи общих акцентных процессов со структурой корня в языках северо-западного ареала). В статье В. М. Иллича-Свитыча «Выделение типов корней с исходом на сонант в балтийской глагольной системе, их функционирование и происхождение» (ВСЯ, вып. 5, 1961, стр. 108—137) также была сделана попытка увязать интонационные различия в балтийских языках со структурой индоевро-

пейского корня с использованием ряда гипотетических положений новейших западноевропейских и американских теорий о ларингалах. Впоследствии автор отказался от обращения к этим теориям, подвергнув их достаточно убедительной критике в рецензии на сборник «Evidence for laryngeals» (Остин, 1960 — ВЯ, 1961, № 6, стр. 117—121).

Характер древнейшей славянской глагольной акцентологической системы обстоятельно исследован в работе В. А. Дыбо «О реконструкции ударения в праславянском глаголе» (ВЯ, вып. 6, 1962, стр. 3—27), где устанавливается наличие двух парадигм — одной с неподвижным и другой с подвижным акцентом, и в статье того же автора «Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста» (КСИС, вып. 30, 1961, стр. 33—38), где предлагается морфологическое распределение форм аориста в зависимости от типа акцентной парадигмы. Эти положения изложены В. А. Дыбо также в критическом анализе книг Л. Садник «Slavische Akzentuation» (Висбаден, 1959 — ВЯ, 1960, № 6, стр. 113—118) и Х. Станга «Slavonic Accentuation» (Осло, 1957 — Сб. «Структурно-типологические исследования. М., 1962, стр. 220—225), где отмечаются два принципиально различных типа дистрибуции просодических элементов праславянского языка: морфологически значимое распределение и дополнительное распределение (в связи с характером первоначальной интонации корня).

Этимологические исследования в области славянских языков, ведущиеся в Институте уже в течение ряда лет, были продолжены и в рассматриваемый нами период (с 1961 года центр исследований по славянской этимологии был перенесен в Институт русского языка АН СССР). Исследования велись в плане теоретическом и в плане рассмотрения конкретного материала. Помимо работ В. Н. Топорова «О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа» (ВЯ, 1960, № 3, стр. 44—59) и О. Н. Трубачева «Об этимологическом словаре русского языка» (там же, стр. 60—69), аннотированных нами в прошлом обзоре (см. КСИС, вып. 30, 1961, стр. 114, 115), из теоретических статей следует отметить доклад О. Н. Трубачева «Задачи этимологических исследований в области славянских языков» (КСИС, вып. 33—34, 1961, стр. 202—210), в котором дана не только общая картина исследований по славянской этимологии в нашей стране, но и развернутая перспектива их дальнейшего развития в плане теоретическом и практическом (создание этимологического словаря славянских языков и отдельно по языкам восточнославянской группы, сводного областного словаря русского языка, серии монографий по тематическим группам лексики славянских языков и т. д.). Вслед за книгой о славянских терминах родства О. Н. Трубачев создал обстоятельный труд «Происхождение названий домашних животных в славянских языках» (М., 1960, 115 стр.) и миниатюрную монографию «Из истории названий каш в славянских языках» («Slavia», год. XXIX, seš. 1, стр. 1—30). Его перу принадлежит также серия славянских этимологий: *žьzlъ*, *kъdělъ* и *kъdгъ* — русск. *ражий*, русск. *обоюдный*. (Сб. «Эзиковедско-этнографски изследвания в памет на акад. Ст. Романски». София, 1960, стр. 137—144), болг. диал. *мѣка* («Этимологические исследования по русскому языку», вып. I. М., 1960, — далее ЭИРЯ), польск. *chachmęć*, русск. *ласка*, *ласточка*, русск. *паюс*, *ѣгмуха*, *ѣгмѣха*, русск. *зелок*, *pažitъ*, польск. *kielb*, *krok*, русск. *рыпаться*, русск. *плюшка*. (ЭИРЯ, вып. II, 1962). Русск.: *барбадым*, *будоражить*, *норка*, *околоток*, *хара*, *худощавый*, *шущун* (ЭИРЯ, вып. III, 1961) и др. Этимологии слав. *чува* и *slępъ* предложил В. Н. Топоров (ЭИРЯ, вып. 5, 1960) и слав. *морковь*, *тыква* и *смоковница* — В. М. Иллич-Свитыч (ЭИРЯ, вып. I и вып. II).

«Три литовских этимологии 1. *kaktà* 2. *šiáudas* 3. *lopšỹs*» предложил О. Н. Трубачев («Lingua Posnaniensis», VIII, Poznań, 1960, стр. 236—242). Этимологию группы слов, где наличествует «Корень **a₃en* — /**a₃n* — в балтийском и славянском» подробно рассмотрел В. Н. Топоров («Lingua Posnaniensis», VIII, 1960, стр. 194—211).

Диалектология и лингвистическая география славянских языков разрабатывалась в секторе преимущественно на материале болгарского языка. Здесь в первую очередь следует отметить завершение совместной с Институтом болгарского языка Болгарской АН работы над «Болгарским диалектологическим атласом» (т. I. Юго-восточная Болгария. София, Изд-во БАН, 1963), включающим около 270 карт с комментариями, над выполнением которых со стороны Института славяноведения АН СССР работали С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко, Г. К. Венедиктов, Э. И. Зеленина, Г. П. Клепикова и Т. В. Попова⁸. В результате работы над атласом собран и хранится в Институте, частью в картотеке (из 402 сел), частью в записях, обильный материал по юго-восточным болгарским говорам, кстати сказать, до сих пор наименее изученным. Результатом первого обследования этого материала, помимо создания карт, явилась серия обобщающих статей по фонетике и морфологии юго-восточных говоров. Т. В. Попова в статье «К вопросу о типологической характеристике болгарских диалектов» (ВЯ, 1961, № 5, стр. 78—86) предложила для юго-восточного диалектного ареала важный классификационный критерий: соотношение корреляции твердых и мягких согласных с наличием или отсутствием полифонии. Ей также удалось уточнить, а в целом ряде случаев и выявить границу юго-восточных диалектов по традиционному классификационному признаку рефлекса *ятя* (см. «О границе южного типа произношения *ѣ*». — СМБД, вып. 10, 1962, стр. 91—94). Развитие категории твердости и мягкости согласных в болгарском языке в диахроническом и пространственно лингвистическом плане впервые с достаточной полнотой дается в работе Т. В. Поповой «Корреляция твердых и мягких согласных в болгарском языке» (КСИС, вып. 35. М., стр. 3—28). Ее материал дополнил и несколько корректировал выводы, сделанные в отношении болгарского языка в монографии Л. Э. Калнынь «Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках» (М., 1961, 136 стр.), отмеченной нами в прошлом обзоре (см.: КСИС, вып. 30).

Э. И. Зеленина выполнила небольшое исследование «О краткой форме винительного падежа личного местоимения 3-го лица единственного числа женского рода *га* в юго-восточных болгарских говорах» (СМБД, вып. 10, стр. 95—103), а Г. К. Венедиктов — «Причастия с удвоенным суффиксом в родопских говорах» (там же, стр. 104—124), в которой рассматривается основной ареал распространения и образование причастий типа *дошлала*, *дошлйли*.

В том же лингвогеографическом аспекте написана интересная работа В. М. Иллича-Свитыча «О стадиях утраты ринезма в юго-западных македонских говорах» (ВСЯ, вып. 6, 1962, стр. 76—88), дающая новый ценный материал для сравнительной грамматики славянских языков. Н. И. Толстой представил ареалы распространения на сербско-хорватской языковой территории двух этимологически связанных лексем *дажд* и *даждевьяк* — «Из географии славянских слов: 1 'дождь' 2. 'саламандра'» (там же, стр. 140—155). Исследование славянских названий птиц в лингвогеографическом плане продолжила Г. П. Клепикова. Она рас-

⁸ Подробнее о ходе работы см.: ВЯ, № 1, 1960, стр. 138—140 и Г. К. Венедиктов. Итоги изучения в СССР вопросов болгарской диалектологии. — КСИС, вып. 35, 1962, стр. 86—87.

смотрела названия *кукушки* [*Cercetări de lingvistică*], III. Supliment. *Mélanges linguistiques offerts á Emil Petrovič*, Cluj, 1958 (вышла из печати в 1962) стр. 249—256] и *аиста, ласточки и ворона* (ВСЯ, вып. 5, 1961, стр. 149—185). В. М. Иллич-Свитыч и Г. К. Венедиктов критически рассмотрели «Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УССР (лексика)», I (Ужгород, 1958) И. А. Дзендзелевского, дав ему положительную оценку (ВЯ, 1960, № 3, стр. 116—121).

В настоящее время сектор славянского языкознания Института совместно с рядом других академических учреждений (Институт общественных наук АН УССР во Львове, Институт языкознания им. Я. Коласа АН БССР) принялся за выполнение двух больших коллективных работ: Карпатского диалектного атласа, призванного решить важный вопрос о связи ряда восточнославянских диалектов с южнославянскими⁹ и изучение полесской диалектной лексики, ставящее своей задачей выяснить соотношение современного лексического фонда с праславянским. Предпринято было также совместно с Немецкой АН (ГДР) изучение лужицко-сербских диалектов.

Старославянский язык исследовался в секторе в различных аспектах: анализировался его грамматический строй, словарный состав и созданная им литературно-языковая традиция. Р. М. Цейтлин в статье «О принципах составления словаря старославянского языка» (ВСЯ, вып. 6, 1962, стр. 112—139) изложила основы будущего однотомного словаря классических старославянских текстов, подготавливаемых группой сотрудников сектора (руководитель группы — Р. М. Цейтлин) совместно с Институтом славяноведения Чехословацкой АН. Н. И. Толстой попытался обосновать возможность построения истории церковнославянского языка от X до XVIII вв. в двух статьях: «К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян» (ВЯ, № 1, 1961, стр. 52—66) и «Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII—XVIII вв.» (Сб. «Вопросы образования восточнославянских национальных языков». М., 1962, стр. 5—21). С. Б. Бернштейн дал критическую оценку первым выпускам большого пражского словаря старославянского языка («Slavia», roč. XXX, seš. 2, Praha, 1961, стр. 318—325).

Описание грамматического строя современных славянских языков велось на материале болгарского, русского, польского, лужицко-сербского, словацкого и сербского. При этом нередко наряду с анализом современного состояния языков производился анализ состояния в предшествующие эпохи (XVI—XVIII вв.). Наибольшее внимание сотрудников сектора привлекла категория глагола. Здесь следует прежде всего отметить серию интересных статей по морфологии глагольного вида Г. К. Венедиктова, выполненную в основном на болгарском материале: «О морфологических средствах имперфективации в русском языке» (ВЯ, 1961, № 2 стр. 88—96); «Относно наставките за имперфективация в съвременния български литературен език» («Български език», год. X, кн. 2—3, 1960, стр. 116—129); «Об аналогическом образовании основы настоящего времени некоторых глаголов в современном болгарском языке» («Slavia», roč. XXXI, seš. 3, 1962, стр. 323—341); «Zur Frage der suppletiven Aspektkorrelationen in der bulgarischen Sprache der Gegenwart» (ZfS, Bd. VI, H. 3. 1961, стр. 381—386); «Морфологические типы видовых корреляций глаголов движения в болгарском языке» (КСИС, вып. 30, 1961, стр. 84—99); «О бесприста-

⁹ Подробнее см.: ВЯ, 1962, № 6, стр. 148—149.

вочных глаголах движения в болгарском языке XVII—XVIII вв.» (КСИС, вып. 28, 1960, стр. 24—39). Глаголам движения в русском и сербском языках посвятили свои работы Е. В. Чешко [«К истории глаголов движения (аорист и имперфект в древнерусском памятнике „Сборник XII века Московского Успенского собора“)», — Сб. «Езиковедско-этнографски изследования в памет на акад. Ст. Романски». София, 1960, стр. 209—216; «Словообразование глаголов движения в русском языке», — ВСЯ, вып. 6, 1962, стр. 156—171] и Р. В. Булатова («Глаголы с основами *plu- / pli- / plov- / plav* в сербско-хорватском языке», — УЗИС, т. XXIII, 1962, стр. 120—148).

Морфологии польского глагола посвятила свои работы З. Н. Стрекалова («К вопросу о многократных глаголах в современном польском языке», — УЗИС, XXIII, М., 1962, стр. 103—119 и «*Budowa słowotwórcza czasowników ruchu we współczesnej polszczyźnie*», — «Poradnik językowy», 1962, 5—6, стр. 205—235).

Проблему функции и значения претеритальных форм в отдельных славянских языках разбирают работы Л. Н. Смирнова «Соотносительное употребление форм прошедшего времени в словацком литературном языке» (УЗИС, т. XIX, 1960, стр. 70—100) и «Употребление форм прошедшего времени совершенного вида со значением повторяемости в словацком литературном языке» (КСИС, вып. 35, 1962, стр. 29—43), Е. И. Деминой «Система прошедших времен в новоболгарских текстах XVII—XVIII вв.» (УЗИС, т. XIX, 1960, стр. 3—47), И. Е. Можяевой «Значение и употребление прошедших времен в языке Дубровника XVI в.» (там же, стр. 48—69), М. И. Ермаковой «Значение форм прошедшего времени в нижнелужицком языке (по памятникам XVI—XVIII вв.)» (КСИС, вып. 30, 1961, стр. 39—60) и З. Н. Стрекаловой «Употребление форм настоящего времени в польском языке XVI века» (там же, стр. 61—83).

Из грамматических исследований в области имени следует упомянуть уже отмеченную в предыдущем обзоре (КСИС, вып. 30, 1961, стр. 112 и 116) статью Е. В. Чешко «К вопросу о надежных корреляциях» (ВЯ, 1960, № 2, стр. 50—56) и этюд Н. И. Толстого «Опыт типологической характеристики славянского члена-артикла» («Всесоюзная конференция по славянской филологии». Ленинград, 1962, стр. 125—127), ставящие своей задачей установление единого семантического критерия (на основе трансформ) для определения категории члена в разных языках.

Любопытной особенностью болгарского синтаксиса предложения посвящена статья М. Г. Рожновской «Към характеристиката на глаголите, които се свързват с предикативно определение» («Български език», год. XII, кн. 6, 1962, стр. 491—498).

Одному из опытов создания македонского литературного языка в начале XX в. посвящена снабженная новым архивным материалом статья С. Б. Бернштейна «Из истории македонского литературного языка. „Вардар“ К. П. Мисиркова» («Славянская филология», сборник статей. М., 1960, стр. 70—79).

Публикация славянских памятников письменности и их филологическое исследование, к сожалению, носит еще в секторе славянского языкознания скромный характер. З. Н. Стрекалова опубликовала «Два письма королевы Боны из рукописных фондов Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина» («Славянский Архив». М., 1962, стр. 193—202), написанные на древнепольском языке XVI в. Г. К. Венедиктов дал публикацию записи о голоде 1794 г. и насилиях кирджалиев в Пазарджикской каазе в статье «Летописная заметка в одном новоболгарском дамаскине XVIII в.» («Славянский архив», 1961, стр. 74—76) и сообщил о новом списке «Истории»

Паисия в заметке «За един нов препис на „История славеноболгарская“ от Паисий Хилендарски» («Български език», год. XII, кн. 6, 1962, стр. 518—520).

Е. И. Демина предложила обстоятельную, мотивированную хорошим филологическим анализом «Классификацию болгарских дамаскинов по редакциям „Чуда о ковре“» (УЗИС, т. XXIII, 1962, стр. 212—246). Автор установил наличие трех редакций «Чуда о ковре» и расклассифицировал по этому принципу 16 списков дамаскинов XVI—начала XIX вв., выделив так называемый «средногорский» круг с двумя группами памятников.

Истории славянского языкознания касались статьи С. Б. Бернштейна «Към историята на българската диалектология» (сб. «Езиковедско-етнографски изследвания в памет на акад. Ст. Романский». София, 1960, стр. 345—348) о диалектологической «Программе» Феодосия Икономова, опубликованной в 1869 г. (Болград), Н. И. Толстого «О работах И. А. Бодуэна де Куртенэ по словенскому языку» (сб. «И. А. Бодуэн де Куртенэ. М., 1960, стр. 67—81), В. Н. Топорова «Бодуэн де Куртенэ и развитие фонологии» (Там же, стр. 28—36), С. Б. Бернштейна «Труды М. В. Сергиевского в области балкановедения» («Сборник статей по языкознанию памяти М. В. Сергиевского». М., 1961, стр. 13—26). Сведения об иммиграции болгар в начале XIX в. в Старый Крым даны в статье С. Б. Бернштейна «Из истории болгарских поселений в Крыму (по материалам Одесского исторического архива)» («Изследования в чест на Марин Дринов». София, 1960, стр. 273—280).

Помимо ряда не упомянутых здесь мелких статей и заметок, сотрудниками сектора было написано несколько обзоров и рецензий, из которых следует отметить рецензии Л. Э. Калнынь на книгу И. Лекова «Насоки в развоја на фонологичните системи на славянските езици» (ВЯ, 1962, 4, стр. 133—135) и Г. П. Нецименко на книгу М. Докулила «Teorie odvozování slov» (ВЯ, 1962, № 5, стр. 143—147).

Сотрудники сектора принимали участие в научных конференциях и сессиях, посвященных общим лингвистическим проблемам и проблемам славянского языкознания в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске и других городах. Следует особо выделить Всесоюзное координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения (24—27 января 1961 г.), созданное по инициативе нашего Института, на котором был широко поставлен вопрос о «координации и объединении научных усилий лингвистов-славистов академических учреждений и языковедческих кафедр Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Ужгорода, Вильнюса и других городов»¹⁰. По двум коллективным темам: карпатский диалектный атлас и полесский диалектный словарь — Институт славяноведения АН СССР является головным (а в пределах Института — сектор славянского языкознания).

В обозреваемый период состоялось четыре защиты кандидатских диссертаций сотрудников сектора: Г. П. Клепиковой на тему «Функции глагольных приставок славянского происхождения в исторорумынском диалекте румынского языка» (М., 1961), Г. П. Нецименко на тему «Словообразование существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке» (М., 1961), Л. Н. Смирновым «Значение и употребление форм прошедшего времени в современном словацком литературном языке» (М., 1962) и В. А. Дыбо «Проблема соотношения двух балто-славянских рядов акцентных соответствий в глаголе» (М., 1962).

¹⁰ Материалы и резолюцию этого совещания см. в кн.: «Актуальные проблемы славяноведения». — КСИС, 1961, вып. 33—34.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ

10 мая 1962 г. в Институте славяноведения АН СССР состоялась защита диссертации на соискание степени кандидата филологических наук младшим научным сотрудником Института В. А. Дыбо на тему: «Проблема соотношения двух балто-славянских рядов акцентных соответствий в глаголе (слав. || : лит. — : лтш. $\cong$ и слав. $\cong$: лит. — : лтш. $\wedge$)».

Официальными оппонентами по защите выступили доктор филологических наук С. Д. Кацнельсон (Ленинград) и кандидат филологических наук В. Н. Топоров (Москва).

Значение избранной диссертантом проблемы определяется тем, что различие между рядом соответствий с «неорганическим» славянским циркумфлексом и «нормальным» рядом — славянский акут и литовский неподвижный акут, латышская плавная интонация — отражает балто-славянское и, по-видимому, индоевропейское противопоставление акцентных парадигм в старых долготных основах. Естественно, что при изучении указанного соотношения нельзя оставить без внимания всю область акцентных парадигм, в том числе и акцентные парадигмы старых краткостных основ. Таким образом, диссертация В. А. Дыбо посвящена одному из труднейших разделов славянской акцентологии — установлению первоначальной системы ударения глагола в праславянском.

Диссертация состоит из четырех основных частей. В первой части автор показывает, что преобразование интонаций, известное в науке как «правило Мейе», распространяется не только на именную, но и на глагольную систему. Этот вывод сделан независимо от аналогичного высказывания Хр. Станга и тщательно обоснован В. А. Дыбо. Во второй части диссертации автор исследует распределение по акцентуационным парадигмам форм аориста и причастий. Он приходит здесь к интересным заключениям, существенно модифицирующим и расширяющим известное положение Н. Ван-Вейка о связи определенных морфологических типов в этих категориях с акцентуацией. Третья часть диссертации показывает, что троичное противопоставление глагольных парадигм, установленное Хр. Стангом, сводится к более древнему двоичному, так как славянские баритонированная парадигма и парадигма с ударением на тематическом гласном связаны отношениями дополнительного распределения. Это приводит В. А. Дыбо к отрицанию действия закона Соссюра в славянском и формулировке другого правила переноса ударения. Особое внимание уделяет здесь автор подвижной акцентуационной парадигме глагола. Опираясь на анализ ряда акцентуированных памятников, он устанавливает первоначальную подвижность ударения в большинстве глагольных категорий. Специально исследуются свойства подвижной парадигмы при сочетании глагола с энклитиками и проклитиками; автор демонстрирует праславянскую древность переносов ударения, установленных в свое время Л. Л. Васильевым и М. Долобко. В четвертой части работы автор приводит сравнение

балто-славянских данных с данными других индоевропейских языков. Исследование сокращений в кельто-италийском и германском приводят его к открытию закономерностей, позволяющих установить первоначальное место ударения в этих языках на основании наличия или отсутствия сокращения исконно долготного слога. Эти правила, таким образом, являются первым шагом к созданию кельто-италийской акцентологии. Автор далее показывает идентичность балто-славянской системы парадигм кельто-италийской системе (для слов с долготным корнем) и отличие этих двух систем от греко-арийской, служившей до сих пор основным источником для восстановления индоевропейских отношений.

В своей работе диссертант опирается на богатую, но, к сожалению, во многом забытую русскую акцентологическую традицию (Шахматов, Эндзелин, Булаховский, Васильев) и наиболее плодотворное акцентологическое направление Запада (Хр. Станг). Его работа показывает несостоятельность многих выводов, сделанных в славянской акцентологии за последние годы (в частности, Е. Куриловичем).

Что касается метода В. А. Дыбо, следует подчеркнуть, что диссертант не исходит из какой-либо заранее сконструированной концепции, а приходит к своим выводам путем тщательного исследования фактов, часто ускользавших от внимания предшествующих исследователей. Привлечение материала акцентуированных памятников и ряда окраинных славянских диалектов существенно расширяет круг данных, которыми обычно оперируют акцентологи, и вносит важные поправки в праславянскую реконструкцию. С другой стороны, использование материала других индоевропейских языков открывает широкие «внеславянские» перспективы и значительно обогащает наши знания об индоевропейской акцентуации.

Оба официальных оппонента — доктор филологических наук С. Д. Кацнельсон и кандидат филологических наук В. Н. Топоров, высоко оценив научный уровень диссертации, высказались за одновременное присуждение ее автору В. А. Дыбо степени кандидата и высокой ученой степени доктора филологических наук.

Ученый совет Института славяноведения АН СССР единогласно проголосовал за присуждение В. А. Дыбо ученой степени кандидата филологических наук.

М. Фасмер

(1886—1962)

Пришло сообщение о смерти выдающегося немецкого слависта, иностранного члена Академии наук СССР с 1928 г., Макса Фасмера. Свыше пятидесяти лет Фасмер много и упорно работал в различных областях славянского и индоевропейского языкознания и оставил труды первостепенного научного значения. Центральное место среди них занимают исследования по русскому языку: по истории русского языка, этимологии и топонимике. Здесь прежде всего нужно отметить капитальный этимологический словарь русского языка, который в переводе О. Н. Трубачева скоро выйдет у нас в Издательстве иностранной литературы. Этот словарь в настоящее время является лучшим славянским этимологическим словарем. Последние годы Фасмер трудился над русским топонимическим словарем. Этот труд был подготовлен многочисленными топонимическими исследованиями ученого, имеющими большое значение для решения многих вопросов славянского этногенеза.

М. Фасмер был не только славистом, но и эллинистом. Исторической диалектологии греческого языка он посвятил диссертацию «Исследование в области древнегреческой фонетики» (1914), в которой рассматривается история аффрикаты *dz*. Однако основное внимание ученый обратил на те проблемы, решение которых требовало одновременно знаний слависта и эллиниста. Его многочисленные исследования в области славяно-греческих языковых отношений открываются хорошо известным трудом «Греко-славянские этюды» (1906—1909), состоящим из трех частей: 1) основные вопросы из области греко-славянских отношений; 2) греческие заимствования в старославянском языке; 3) греческие заимствования в русском языке. Этот труд был сочувственно встречен акад. Ф. Е. Коршем. Из более поздних работ в этой области укажу на «Славян в Греции» (1941) и «Греческие заимствования в сербохорватском языке» (1944). Оба эти исследования имеют большое значение для изучения истории южнославянских языков, для решения ряда чисто балкановедческих проблем, которые также интересовали Фасмера. В связи с последними следует упомянуть о его постоянном интересе к албанскому языку.

Слависты очень мало интересовались иранистикой и славяно-иранскими языковыми связями. Фасмер был первым славистом, который широко использовал иранский языковой материал для решения ряда весьма существенных вопросов истории славянских языков и славянского этногенеза. Широко использовал Фасмер в своих трудах и финно-угорский языковой материал. Б. А. Серебренников свидетельствует, что читатель «Этимологического словаря русского языка», «интересующийся этимологией русских диалектных слов финно-угорского происхождения, в абсолютно преобладающем большинстве случаев получит у Фасмера правильные ответы».

Совершенно естественно, что конкретные исследования различных форм языковых контактов вызвали у ученого интерес к теории языковых влияний и смешений. Еще в 1908 г. в сборнике в честь акад. И. В. Ягича Фасмер опубликовал статью «К вопросу о заимствованных словах в славянских языках». В более поздних публикациях он не раз излагал свои теоретические взгляды по вопросу о заимствованиях и языковых влияниях.

Педагогическая деятельность Фасмера связана главным образом с Лейпцигским, а позже с Берлинским университетами. Многие современные немецкие слависты являются его прямыми учениками. Проходили специальную подготовку у Фасмера и славянские ученые. Большую роль в истории немецкой славистики сыграл журнал Фасмера «*Zeitschrift für slavische Philologie*», который начал выходить в 1925 г.

Фасмер принимал деятельное участие в подготовке четвертого международного съезда славистов в Москве, являясь членом Международного комитета славистов. На самом съезде он выступал по ряду вопросов славянского языкознания, что во многом способствовало успешному проведению съезда. В своем выступлении на заключительном пленарном заседании Фасмер дал высокую оценку съезду и работам советских славистов. «Мы не сомневаемся в том, — сказал маститый ученый, — что Москва по-прежнему будет продолжать давать славистике выдающиеся результаты своих научных изысканий».

С. Б. Бернштейн

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

В. Гринавецкис. Историческое развитие ударения и интонаций жемайтских говоров литовского языка (в сравнении с латышским)	3
В. М. Иллич-Свитыч. Следы исчезнувших балтийских акцентуационных систем	18
Р. П. Усикова. Об ударении в современном македонском языке	27
Г. П. Клепикова. К характеристике системы ударения одного переходного гущульско-покутского говора	40
В. А. Редькин. К акцентологическому закону Хартмана	55

БИБЛИОГРАФИЯ

И. Е. Можаяева. Библиография советских работ по славянской акцентологии за 1958—1962 гг.	70
--	----

РЕЦЕНЗИИ

Valentin Kiparsky. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962 — (В. А. Дыбо)	78
Elisabeth Nonnenmacher-Pribić. Die baltoslavischen Akzent- und Intonationsverhältnisse und ihr quantitativer Reflex im Slovakischen. Wiesbaden, 1961, 196 стр. — (В. И.)	85
Helmut Lüdtkke. Das prosodische System des Urslavischen und seine Weiterentwicklung im Serbokroatischen. — <i>Phonetica. Supplementum ad Vol 4</i> (1959). — (В. И.)	87
Tamara Buch. Die Akzentuierung des Christian Donelaitis. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961, — (В. И.)	88

ХРОНИКА

Н. И. Толстой. Обзор исследований сектора славянского языкознания Института славяноведения АН СССР за 1960—1962 гг.	91
Защита диссертации	100
М. Фасмер (1886—1962)	102

Славянская и балтийская акцентология

Краткие сообщения Института славяноведения, вып. 41

*Утверждено к печати институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор Издательства Г. Н. Коломбет
Технический редактор Г. С. Симкина

Сдано в набор 17/II 1964 г. Подписано к печати 21/IV 1964 г. Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 6,5.
Усл. печ. л. 8,9. Уч.-изд. л. 8,4. Тираж 1200. Изд. № 2138. Тип. зак. № 513

Цена 50 к.

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подосенский пер., 21

1-я тип. Издательства «Наука», Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12

Опечатки и исправления

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
16	15 св.	<i>sasa</i>	<i>saŭsa</i>
19	29 св.	<i>ašà</i>	<i>qšà</i>
21	7 сн.	Ittkonen	Itkonen
35	26 сн.	<i>om</i>	<i>oð</i>
38	2 сн.	<i>ne napr</i>	<i>ne parā</i>
74	4 сн.	Станкедимитров	Станке Димитров
95	3 сн.	<i>чува</i>	<i>ryba</i>

«Краткие сообщения института славяноведения»
 № 41. Славянская и балтийская акцентология.

50 коп.